

ОСВОБОЖДЕНИЕ СОЮЗНИКАМИ НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ (1944–1945)

«Российская библиотека Холокоста»

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ХОЛОКОСТ» (РОССИЯ)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА И ГЕНОЦИДОВ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ГЕНОЦИДА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
УНИВЕРСИТЕТ РАТТГЕРС (США)

КОЛЛЕДЖ КОРОЛЕВЫ МЭРИ ЛОНДОНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

ОСВОБОЖДЕНИЕ СОЮЗНИКАМИ НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ (1944–1945 гг.)

**Материалы 10-й Международной конференции
«Уроки Холокоста и современная Россия»**

Составители:

И. А. Альтман, М. В. Гилева, С. А. Тиханкина

Под ред. И. А. Альтмана

Москва, 2020

УДК 63.3(0)62
ББК 94(100) «1939/1945»
072

«РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА»

И. А. Альтман (отв. редактор), А. Е. Гербер, Ю. А. Домбровский,
Ю. И. Каннер, Б. Н. Ковалев, Г. В. Костырченко, Е. С. Розенблаг (Беларусь),
Л. А. Терушкин (отв. секретарь), С.А. Тиханкина,
д-р Кирилл Феферман (Израиль), д-р Арон Шнеер (Израиль)

072 **Освобождение союзниками нацистских концлагерей (1944–1945):**
Материалы 10-й Международной конференции «Уроки Холокоста
и современная Россия» / Сост. И. А. Альтман, М. В. Гилева, С. А. Ти-
ханкина / Под ред. И. А. Альтмана. — М.: МИК, 2020. — 208 с.

Liberation of Nazi Concentration Camps (1944–1945) // Proceedings
from the Tenth International Conference “Holocaust Lessons and
Contemporary Russia”. Compiled by Ilya Altman, Maria Gileva and
Svetlana Tikhankina. Ilya Altman (eds). Moscow, 2020. 208 pp.

ISBN 978-5-87902-403-6

В книге, авторами которой выступают ученые из 7 стран, представлен опыт осмысления спасения узников нацистских лагерей и судеб освободителей. Проведен анализ историографии, архивных документов и периодической печати, показаны современное состояние и перспективы политики и культуры памяти о Холокосте на примере истории освобождения жертв нацизма. Книга рассчитана на исследователей Второй мировой войны, сотрудников музеев и архивов, педагогов и учащихся.

The book, authored by scholars from seven countries, describes the experience of reflecting on the rescue of Nazi concentration camp prisoners and the fates of the liberators. It presents an analysis of the historiography, archival documents and periodical press and shows the current state and prospects for the politics and culture of remembering the Holocaust, using the stories of liberating victims of Nazism. It is intended for researchers of World War II, personnel of museums and archives, educators, and students.

УДК 63.3(0)62
ББК 94(100) «1939/1945»

Издание осуществляется в рамках реализации Проекта «Международная конференция “Освобождение союзниками нацистских концлагерей (1944–1945)”»
Серия издается при поддержке Российского еврейского конгресса
и Фонда «Генезис»

© Научно-просветительный
центр «Холокост», 2020

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2020

ISBN 978-5-87902-403-6

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7
Раздел 1. Система нацистских лагерей: жертвы и палачи	13
Аристов Станислав Васильевич (Москва, Россия) <i>Система нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза</i>	13
Иванов Вячеслав Александрович (Симферополь, Россия) <i>Преступления нацистов и их пособников в концлагере «Красный» (по материалам газетных публикаций 1970-х гг.)</i>	24
Петровская Олеся Михайловна (Почеп, Брянская обл., Россия) <i>Судьбы освобожденных узников Аушвица в СССР, Европе и США: сравнительный анализ</i>	31
Белова Анна Валерьевна (Тверь, Россия) <i>Женский опыт в контексте проблемы освобождения союзниками нацистских концлагерей: гендерные аспекты насилия</i>	38
Кудрин Егор Иванович (Екатеринбург, Россия) <i>Надзирательницы национал-социалистических концентрационных лагерей: социально- антропологическое измерение</i>	50
Раздел 2. Источники и историография об освобождении союзниками гетто и концлагерей	57
Джереми Хикс (Лондон, Великобритания) <i>Освобождение лагерей в английской и советской печати</i>	57

Филипп Букара (Париж, Франция) <i>Марк Ярблом — публикатор отчетов о Майданеке и Аушвице в 1944–1945 гг. в Париже и Женеве</i>	62
Терушкин Леонид Абрамович (Москва, Россия) <i>Документы об освобождении Майданека в контексте памяти о Холокосте</i>	70
Фельдт Алексей Евгеньевич (Архангельск, Россия) <i>Возможность бомбардировки ряда объектов Аушвица англо-американской авиацией: публичный аспект историографических дискуссий в США</i>	81
Антипин Николай Александрович, Кузнецов Вячеслав Михайлович, Новиков Игорь Александрович (Челябинск, Россия) <i>История одной фотографии: освобождение из нацистского плена экс-преьера правительства Франции Эдуара Эррио танкистами-уральцами в документах и воспоминаниях свидетелей</i>	91
Гилева Мария Витальевна (Москва, Россия) <i>Нацистские гетто и концлагеря и проблема их освобождения в научном наследии Филиппа Фридмана</i>	102
Раздел 3. Политика и культура памяти об освобождении нацистских концлагерей	108
Альтман Илья Александрович (Москва, Россия) <i>Эволюция политики памяти об освобождении Аушвица в современной России</i>	108
Стивен Броннер (Нью-Брунсвик, США) <i>Ужас на обозрение: к 75-летию освобождения концлагерей</i>	121

Игорь Котлер (Нью-Брунсвик, США) <i>Освобождение лагерей в американской прессе: либеральный и консервативный дискурс</i>	128
Яков Зинберг (Токио, Япония) <i>526-й «штрафной» батальон артиллерии США: участие американских японцев в освобождении концлагеря Дахау и проблематика расизма</i>	136
Полян Павел Маркович (Москва, Россия) <i>Свитки из пепла: история обнаружения, прочтения, перевода и издания</i>	143
Будко Анатолий Андреевич, Волькович Анна Юрьевна (Санкт-Петербург, Россия) <i>Использование потенциала Военно-медицинского музея в исследовательских и просветительных программах, посвященных освобождению нацистских концлагерей и спасению узников</i>	148
Зуева Екатерина Владимировна (Казань, Россия) <i>Спасенные и освободители в художественной литературе: к постановке проблемы</i>	158
Раздел 4. Образовательные проекты об освобождении лагерей	
Тиханкина Светлана Анатольевна (Москва, Россия). <i>Культура памяти об освобождении Аушвица Красной армией: образовательный аспект</i>	165
Дуглас Керви (Трентон, США). <i>Освобождение лагерей союзными странами 1944–1945 гг. в образовательных программах США</i>	175

Элизабет Швабауэр (Бад-Арользен, Германия) <i>Документы об узниках, освобожденных в Аушвице, в коллекциях Бад-Арользена как образовательный ресурс</i>	179
Шалагина Ольга Сергеевна (Вологда, Россия) <i>Проект «Освободители» — сохранение памяти о судьбах героев — освободителей Великой Отечественной и Второй мировой войн</i>	184
Филиппова Анетта Александровна (с. Травники, Челябинская обл., Россия) <i>Проект «Освободители» в поисково-исследовательской работе и образовательном процессе</i>	192
Прокудина Лариса Николаевна (г. Энгельс, Саратовская обл., Россия) <i>Художественное восприятие школьниками истории освобождения концентрационных лагерей через изучение жизни и творчества художников: освободителя и освобожденного</i>	199
Сведения об авторах	205

ОТ РЕДАКТОРА

Данный сборник подготовлен на основе докладов, представленных на Международной конференции «Освобождение союзниками нацистских концлагерей (1944–1945)». Она прошла в Москве с 4 по 6 октября 2020 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) при поддержке Российского исторического общества (РИО) и Фонда «История Отечества». Зарубежные ученые приняли участие в режиме онлайн.

Это была уже X Международная конференция «Уроки Холокоста и современная Россия», которая проводится Центром «Холокост» с 1994 г. В этом году ее тематика приурочена к 75-летию Победы и призвана напомнить общественности о важной и, на наш взгляд, до сих пор недооцененной теме — освобождению и лечению узников концлагерей и лагерей смерти, которые осуществили войска союзников. Не менее важной представляется проблема анализа источниковой базы по теме, степени ее разработанности в научной литературе, сохранения памяти об этих событиях, в том числе в образовательном процессе. Статьи участников конференции из России, ряда европейских стран, Северной Америки и Японии отражают особенности восприятия этой темы на трех континентах.

Сборник состоит из четырех разделов. Первый рассказывает о системе нацистских концлагерей, делая упор на судьбы преступников и жертв, в том числе отражая гендерные аспекты темы. Станислав Аристов (Москва) анализирует особенности создания и функционирования концлагерей на оккупированной территории Советского Союза как составную часть лагерной системы Третьего рейха, дает авторское определение термина «концентрационный лагерь» и характеристику основных элементов лагерного мира. В статье Вячеслава Иванова (Симферополь) рассмотрены ход и итоги судебных процессов над коллаборационистами, принимавшими участие в казнях узников концлагеря на территории совхоза «Красный». Акцентируется внимание на информационном потенциале публикаций в СМИ материалов о судебных процессах 1970-х гг.

В статье Олеси Петровской (г. Почеп) сделан обзор судеб узников Аушвица, освобождённых Красной Армией 27 января 1945 г., оказавшихся после войны как в СССР, так и за рубежом. Рассмотрен вопрос о влиянии пребывания в лагере смерти на их дальнейшую жизнь в Советском Союзе, Европе и США. Анна Белова (Тверь) проанализировала проблему женского опыта в условиях Холокоста. Опираясь на исследования, связанные с феминистскими интерпретациями истории Холокоста, автор делает вывод, что замалчиваемый длительное время опыт пережитого женщинами гендерного насилия воплощал травму женской социальной памяти. Ее преодоление было сопряжено с обретением ими собственного автобиографического «голоса» и нарративной идентичности.

Егор Кудрин (Екатеринбург) рассматривает деятельность надзирательниц нацистских концентрационных лагерей на завершающем этапе их функционирования, эвакуации или ликвидации во время так называемых «маршей смерти». По мнению автора, даже жестокие надзирательницы кардинально меняли свое отношение к узникам, понимая неизбежный конец Третьего рейха и стремясь облегчить свою судьбу. Дается обзор первых послевоенных судебных процессов, на которых фигурировали бывшие надзирательницы концентрационных лагерей.

Во втором разделе анализируются источники и историография об освобождении союзниками гетто и концлагерей. Джереми Хикс (Великобритания) провёл сравнительный анализ освещения освобождения Майданека и Аушвица в периодической печати Великобритании и СССР. Показано значение фронтовой прессы при изучении этих событий в «режиме реального времени». Филипп Букара (Франция) рассмотрел историю первых публикаций в Швейцарии и Франции сведений о деятельности нацистских лагерей смерти и судьбе жертв Холокоста. Установлено авторство М. Ярблюма в подготовке к печати информации о Майданеке и Аушвице и уточнены даты их первых изданий. Обращается внимание на публикацию в этих брошюрах информации о первых судебных процессах на территории СССР в 1943 г. Леонид Терушкин (Москва) дал обзор воспоминаний и свидетельств узников и освободителей нацистского лагеря Майданек. Статья подготовлена на

основе опубликованных источников на русском языке, с привлечением архивных документов Центра «Холокост». Алексей Фельдт (Архангельск) рассмотрел дискуссии публичного характера, развернувшиеся в последнее время в американских интернет-сообществах по поводу возможности бомбардировки Аушвица в 1944 г. англо-американской авиацией. В статье определены основные позиции, которые американская историография в ходе дебатов с конца 1970-х гг. выработала по этому вопросу, а также тематически сгруппирована основная аргументация в рамках общественных представлений об отказе американского руководства разбомбить часть объектов Аушвица. В коллективной статье челябинских историков Николая Антипина, Вячеслава Кузнецова и Игоря Новикова рассмотрены различные версии освобождения из нацистского плена бывшего премьер-министра Франции Эдуара Эррио и его супруги. Эти события реконструируются на основе фотографий, документов из архивов Москвы и Челябинска, воспоминаний командиров и военачальников Красной Армии. Мария Гилева (Москва) проанализировала комплекс источников по истории нацистских гетто и лагерей из архива Филиппа Фридмана, хранящегося в Исследовательском институте идиша YIVO (США). Филипп Фридман в период оккупации находился во Львове, участвовал в сборе документов о Холокосте в Польше, выступал на Нюрнбергском процессе. Эмигрировав в США в конце 1940-х гг., он стал одним из пионеров изучения Холокоста. Анализируется собранная автором информация о функционировании гетто и концлагерей, сведения об освобождении и статистике жертв, а также авторский взгляд на эту проблему. Автор делает вывод о недостаточном использовании материалов архива Филиппа Фридмана современными историками и установлении его роли в развитии американской историографии Холокоста.

Третий раздел сборника концентрирует внимание читателя на проблемах политики и культуры памяти. Илья Альтман (Россия) проанализировал формирование политики памяти в СССР и современной России об Аушвице и его освободителях. Показал ее эволюцию и дал периодизацию, а также отметил отсутствие в России Национального дня памяти жертв Холокоста и воинов-осво-

бодителей и усилия общественных организаций по изменению этой ситуации. В статье известного американского исследователя, профессора Стивена Броннера показаны механизмы забвения или преуменьшения числа и страданий жертв в контексте истории других геноцидов и мировых войн. Анализируются причины особого места памяти о Холокосте в США. Отмечена роль киноиндустрии в сохранении этой памяти. Игорь Котлер (США) освещает отражение истории освобождения концлагерей в американской прессе, сравнивая либеральные и консервативные издания. Выделены главные сюжеты и особенности роли освободителей в контексте памяти о Холокосте в США.

Профессор Яков Зинберг (Япония) рассматривает историю освобождения концлагеря Дахау и роль американских граждан японского происхождения в спасении узников, среди которых было 300 евреев из Литвы. Анализируются особенности сохранения памяти в Японии и США об этом событии в сравнении с признанием подвига японского дипломата Чиунэ Сугихара, выдававшего визы еврейским беженцам. В статье Павла Поляна (Россия) показано мародерство местного населения после освобождения Аушвица в контексте находок свидетельств, оставленных узниками в горах пепла рядом с крематориями, описана история использования территории концлагеря после освобождения.

Статья Анатолия Будко и Анны Волькович (Санкт-Петербург) посвящена основным этапам формирования коллекции Военно-медицинского музея, связанной с историей нацистских концлагерей и их освобождения Красной армией. На примерах, связанных с изучением коллекции, продемонстрирован потенциал собрания Военно-медицинского музея как базы для исследовательских и образовательных программ, посвященных освобождению нацистских концлагерей и спасению узников. Завершается раздел статьей Екатерины Зуевой (Казань), рассматривающей произведения массовой литературы, в которых присутствуют эпизоды освобождения концентрационных лагерей. Анализируется, как изображаются жертвы нацистских преступлений и освободители в разных национальных литературах.

Четвертый раздел сборника «Образовательные проекты об освобождении лагерей и гетто» открывается статьей Светланы Ти-

ханкиной (Москва) о формах и средствах сохранения памяти о Холокосте и освобождении Аушвица в Российской Федерации. Автор обобщила опыт проектной деятельности Центра «Холокост», приуроченной к Международному дню памяти жертв Холокоста. В статье Дугласа Керви (США) представлен личный опыт преподавания темы Холокоста в средней школе и колледже, а также деятельность руководимой им Комиссии штата Нью-Джерси в области преподавания темы Холокоста. Отмечен недостаток информации в учебниках США об освобождении концлагерей и роли СССР в победе над нацизмом. Элизабет Швабауэр (Германия) представила состав и перспективы использования в образовательных целях исторических документов, хранящихся в Архивах Арользена — самом большим в мире архиве о жертвах национал-социализма и выживших. Конкретные примеры документов об освобожденных в Аушвице узниках рассматриваются как с точки зрения их информационного потенциала, так и возможных проблем понимания текстов. Предложены вспомогательные ресурсы, доступные в онлайн-режиме. Статья Ольги Шалагиной (Вологда) посвящена сохранению исторической памяти о судьбах героев-освободителей Великой Отечественной и Второй мировой войн через участие в проекте «Освободители». Рассматриваются вопросы методики поиска информации об освобождении филиала Аушвица в Явожно и судеб его освободителей. Продолжает тему Анетта Филиппова (с. Травники, Челябинская обл.), которая уточняет пути организации поисково-исследовательской работы по проекту «Освободители» в своем регионе и использования полученных результатов в образовательном процессе. В статье Ларисы Прокудиной (Энгельс) сделан акцент на методах воспитания у учащихся художественного восприятия истории освобождения концлагерей посредством изучения жизни и творчества художников.

Перевод статей ряда зарубежных авторов с английского языка осуществлен Дарьей Рузмановой (США).

Эта конференция изначально обсуждалась и готовилась с моими друзьями и коллегами д-ром Игорем Котлером (США) и профессором Джереми Хиггсом (Великобритания). Выражаем искреннюю благодарность ректору РГГУ, профессору А. Б. Безбородову и про-

ректору РГГУ, профессору О. В. Павленко за практическую помощь в организации конференции. Ее проведение стало возможным благодаря содействию председателя Правления РИО К. И. Могилевского и президента Российского еврейского конгресса Ю. И. Каннера.

*Илья Альтман,
председатель Оргкомитета конференции*

Раздел 1. Система нацистских лагерей: жертвы и палачи

Станислав Васильевич Аристов
(Москва, Россия)

СИСТЕМА НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования нацистских концлагерей на оккупированной территории Советского Союза, как составной части лагерной системы Третьего рейха. Сквозь призму авторского определения понятия «концентрационный лагерь» дается характеристика основных элементов лагерного мира.

Ключевые слова: концлагерь, Третий рейх, нацизм, Великая Отечественная война, Холокост.

История функционирования нацистской лагерной системы является объектом множества научных исследований¹. Тем не менее вопросы, связанные с концлагерями на оккупированной территории Советского Союза, до сих пор остаются недостаточно изученными². Предлагаемая статья является попыткой восполнить этот пробел.

¹ Об историографии проблемы см. например: Аристов С.В. Система нацистских концентрационных лагерей: европейское измерение историографии проблемы // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 348–366.

² См. например: *Prusin A. A Community of Violence: The SiPo / SD and Its Role in the Nazi Terror System in Generalbezirk Kiev // Holocaust and Genocide Studies. 2007. № 1. P. 1–30; Pagenstecher C. “Arbeitserziehungslager” // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager / Hrsg. von Benz W., Distel B. Band 9. München: Verlag C.H. Beck, 2009. S. 75–100; Sandkühler T. Endlösung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn, 1996. 592; Lemberg (Janowska) // Encyclopedia of Camps and Ghettos 1933–1945. Vol. 1 / Ed. by Megargee G. Bloomington: Indiana university press, 2009. P. 884–885; *Friedman P. The Destruction of the Jews of Lwow // Roads to Extinction: Essays on the Holocaust / Ed. Friedman A. New York: Jewish Publication Society of America, 1980. P. 244–321; Евстафьева Т. Сырецкий концентрационный лагерь // Бабий Яр: человек, власть, история.**

Под концлагерьми в данной работе понимаются лишь те лагерь, в которых совместно находились узники, преследовавшиеся по различным мотивам (гражданское население, военнопленные, евреи, цыгане и т. д.), и где реализовывались две основные функции — принудительная эксплуатация и уничтожение. В этих лагерях заключенные находились без какого-либо установленного срока пребывания, в полной изоляции от внешнего мира, с жестким нормированным графиком повседневной жизни, в условиях постоянного унижения.

Таким образом, к концлагерям на оккупированной территории СССР можно отнести Вайвару (Эстония), Ригу-Кайзервальд и Саласпилс (Латвия), Каунас (Литва), Сырецкий в Киеве и Яновский лагерь во Львове (Украина), лагерь в совхозе «Красный» в Крыму, лагерь в деревне Моглино (Россия), Малый Тростенец под Минском и Колдычево (Белоруссия). Хотя нельзя исключить, что на оккупированной территории СССР существовали и другие лагеря, которые можно охарактеризовать как концентрационные, но имеющаяся на данный момент источниковая база не позволяет этого сделать.

Главной должностью в структуре внутреннего управления лагерей на оккупированной территории СССР, как и в концентрационных лагерях на территории Третьего рейха, являлся пост коменданта. В служебном предписании для лагерного персонала отмечалось, что «комендант должен осведомляться обо всех происходивших в лагере процессах и упорядочивать работу персонала»³.

Общее количество комендантов в концлагерях на оккупированной территории СССР составляло всего 13 человек, что было в три раза меньше чем в Третьем рейхе⁴. Это объяснялось не только

Документы и материалы. Книга 1 / Сост. Т. Евстафьева, В. Нахманович. <http://www.kby.kiev.ua/book1/articles/art35.html> (дата обращения — 28.08.2020).

³ Служебное предписание для концлагерей, 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7021. Оп. 148. Д. 92. Л. 13.

⁴ Ср.: Арустов С. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 79–81.

меньшим количеством самих лагерей, но и меньшим периодом их существования, а также незначительной ротацией кадров.

Средний возраст комендантов был 38 лет. Самым старшим являлся комендант концлагеря «Красный» Карл Шпекман (1889 г. рождения), а самым младшим комендант Тростенца Герхард Майвальд (1913 г. рождения). В отличие от концлагерей Третьего рейха, где возрастной состав комендантов постоянно менялся, становясь все более молодым, в лагерях оккупированных территорий СССР, этот состав был стабилен. Он соответствовал возрастным показателям, которые характеризовали лагеря Третьего рейха после 1942 г.

Аналогично концлагерям в рейхе, абсолютное большинство комендантов в оккупированных советских областях являлись выходцами из рабочей среды. Их образование было не выше среднего специального образования, да и оно было редкостью.

Если среди комендантов концлагерей Третьего рейха подавляющее число было участниками Первой мировой войны, то среди комендантов концлагерей в СССР к таковым относился только один — Вильгельм Геке — комендант Каунаса. Однако схожим с комендантами рейха было то, что многие принимали участие в националистических, полувоенных формированиях, широко распространенных в Германии после Первой мировой войны. Именно в этих организациях будущие коменданты сформировали свою крайне радикальную, националистическую систему ценностей. Их национализм проявился в приверженности идеям нацистской партии, в которую большинство из них вступило в самом начале 1930-х годов, еще до прихода Гитлера к власти, как и большинство комендантов концлагерей Третьего рейха.

В итоге «идеальный тип» коменданта нацистского концентрационного лагеря, будь то Третий рейх или оккупированные территории Советского Союза, представлял собой убежденного нациста средних лет, с невысоким уровнем образования, ориентированного на беспрекословное, без раздумий и обсуждений, исполнение приказов высшего руководства.

Единственное, о чем могли беспокоиться эти люди — это о своем личном благополучии, стараясь получить максимальную выгоду

от занимаемой должности и рассматривая свои назначения в лагерной иерархии как продвижение по службе. Концлагеря, находившиеся в Советском Союзе, на окраине системы, были приспособлены для этого как ничто другое, так как контроль их деятельности со стороны руководящих органов был значительно слабее, чем в Третьем рейхе. Если в концлагерях, подчинявшихся ВФХА и располагавшихся в Прибалтике, еще имели место расследования, и даже увольнения, связанные с коррупцией, то в концлагерях, находившихся в ведении РСХА, подобные вопросы не поднимались.

На оккупированной территории СССР в административную сферу управления концентрационными лагерями были включены местные коллаборационисты, не являвшиеся узниками. В Саласпилсе так называемым «начальником лагеря», или непосредственным заместителем коменданта, организовывавшим повседневную эксплуатацию и участвовавшим в уничтожении заключенных, являлся латыш Альберт Виджус. Занимая свой пост с октября 1942 г. по сентябрь 1944 г., он всегда присутствовал при расстрелах, регулярно избивал заключенных, выезжал арестовывать людей и доставлял их в лагерь. В его функции входила координация действий команды по уничтожению евреев в лагере⁵. В свидетельствах бывших узников эти коллаборационисты даже ассоциировались с комендантами лагерей, настолько значительное влияние они оказывали на судьбы заключенных.

Контингент узников концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза включал широкий спектр преследуемых нацистами групп, а именно заключенных по расовым мотивам (в первую очередь, евреев), гражданское население, партизан, военнопленных. В лагерях Прибалтики и Яновском лагере во Львове подавляющее большинство узников составляли евреи, оказавшиеся в лагерях после ликвидации местных гетто, либо депортированных из других стран и республик Прибалтики (Вайвара). В остальных лагерях узников по расовым признакам было значительно меньше — преобладали заключенные, арестованные по политическим мотивам.

⁵ Testimony of Jaucis Arnis // Yad Vashem (YV). O. 2. File 803. P. 3.

Иногда, в непосредственной близости друг от друга располагались две части лагеря, с различным контингентом узников, подчинявшиеся разным нацистским инстанциям. Например, в Могилинском лагере близ Пскова часть лагеря с военнопленными подчинялась строительной организации Тодт, а вторая часть, где содержалось гражданское население разных национальностей, находилась в ведении полиции безопасности и СД.

Хотя данные по составу заключенных лагерей весьма фрагментарны и противоречивы, примерная оценка общего количества узников, прошедших через указанные концлагеря, составляет около 300 тыс. человек.

Условия заключения во всех концлагерях были крайне жестокими. Бараки или землянки, в которых находились узники, абсолютно не подходили для длительного размещения людей: они практически не отапливались зимой и не проветривались летом, зачастую были переполнены. Как отмечалось в Акте советской Чрезвычайной государственной комиссии, расследовавшей нацистские преступления в лагере совхоза «Красный» под Симферополем: «заключенные спали на нарах в большой тесноте. Ночью, если переворачивался на другой бок один, то должны были переворачиваться и соседи»⁶.

Узникам, в отличие от лагерей в Третьем рейхе, по прибытии не выдавали специальную униформу. У них либо сохранялась собственная одежда, либо между ними распределялась лишь старая одежда убитых или умерших заключенных⁷. Отсутствие стандартной униформы могло способствовать сохранению собственной идентичности. Номера узников на униформе вместе с маркировками-винкелями⁸ сохранялись в прибалтийских концлагерях. В остальных лагерях они либо отсутствовали, либо видоизменялись⁹.

⁶ Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Симферополь Крымской АССР // ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 9. Д. 47. Л. 25.

⁷ Протокол допроса свидетеля Пратнера М.О. // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 19.

⁸ От нем. *der Winkel* — угол.

⁹ *Шерман Б.* Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти. С. 60.

Как и в других нацистских концентрационных лагерях в Европе, питание узников в концлагерях на территории СССР было недостаточным и некачественным. Характерным примером являлось положение заключенных в лагере на территории совхоза «Красный», где на шесть-восемь человек в сутки выдавалась одна буханка хлеба (1 200–1 800 г.) и один литр «баланды», состоявшей из воды и небольшого количества отрубей. Хлеб был недоброкачественный, выпеченный из смеси проса и кукурузы с отрубями и травой¹⁰. Чтобы не умереть от голода, узники были вынуждены поедать крыс, собак или кошек¹¹.

Медицинская помощь в концлагерях практически отсутствовала, а заболевшие подлежали немедленному уничтожению. В одном из свидетельских показаний бывшего узника Яновского лагеря отмечалось: «Во время выхода на работу через главные ворота начинался «бег смерти» — все узники должны были пробежать мимо шарфюрера¹². Колонке, который, замечая людей с больными ногами, заставлял их входить в промежуток между двумя рядами колючей проволоки, а потом расстреливал всех загнанных туда»¹³. Зная подобное отношение руководства лагеря к заболевшим, узники скрывали недомогание¹⁴. Подобные селекции были аналогичны селекциям лагерных врачей в рейхе.

В охране концлагерей и терроре в отношении узников особую роль играли коллаборационистские формирования. Например, в Моглинском лагере эстонская рота осуществляла расстрелы военнопленных, цыган, евреев, начиная с 1942 г.¹⁵ Как отмечал бывший охранник лагеря Виктор Тейнбас, участие в расстрелах было делом добровольным: «В общем, кто был на месте — все шли.

¹⁰ Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Симферополь Крымской АССР // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 9. Д. 47. Л. 25.

¹¹ Протокол допроса обвиняемого И. Морозова // ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46 772. Л. 11–11 (об.)

¹² Звание в СС, соответствовавшее сержанту или унтер-фельдфебелю в вермахте.

¹³ Протокол допроса свидетеля Пратнера М.О. // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 19 (об.).

¹⁴ Протокол допроса свидетеля Бич З.Г. // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 32.

¹⁵ На тот момент, в состав данной роты входило лишь 15 человек.

На месте расстрела кто хотел — шел расстреливать, кто хотел — в оцепление. Перед этим всем давали выпить водки»¹⁶.

Саласпилс охраняла так называемая команда Арайса. В 1943 г. в ее состав входило максимальное число коллаборационистов — две роты или около 160–180 человек. Их возглавляли латыши Упенекс и Калейс. Последний был одним из самых жестоких палачей этой команды. Так, например, по свидетельствам бывших узников во время одного из расстрелов 30 цыган Калейс, «чтобы не тратить время», загнал их в подготовленную могилу и лично расстрелял сверху¹⁷.

В лагере на территории бывшего совхоза «Красный» (рядом с Симферополем) в распоряжении руководства находился 152-ой батальон добровольцев так называемой «вспомогательной полиции порядка»¹⁸. Многие его члены являлись бывшими солдатами Красной Армии, оказавшимися в плену и в дальнейшем согласившиеся сотрудничать с оккупационной властью¹⁹. Батальон проходил подготовку в Джанкое, а в январе 1943 г. был передислоцирован в Симферополь для охраны лагеря. Участники батальона, будучи задействованными в кампаниях против партизанского движения, осуществляли карательные акции против гражданского населения в Симферопольском, Бахчисарайском и Зуйском районах Крыма²⁰. Арестованных в ходе этих акций местных жителей солдаты переправляли в концентрационный лагерь. Кроме того, батальон принимал непосредственное участие в ликвидации концентрационно-

¹⁶ Алексеев Ю. Моглинский лагерь: история одной маленькой фабрики смерти (1941–1944). М.: Историческая память, 2011. С. 56.

¹⁷ Приговоренные нацизмом. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941–1945 гг. Рига: Историческая память, 2011. С. 27.

¹⁸ Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Крымский выпуск. Том 2 / Сост. Валякин А.В. Симферополь: Доля, 2010. С. 332.

¹⁹ См. например: Обвинительное заключение по делу Умярова Х. (29.04.1944 г.) // The United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG — 31.018M. Folder 56. P. 32; Заключение по уголовному делу № 18 720 в отношении Земляникина С.С. // USHMM. RG — 31.018M. Folder 56. P. 56–57.

²⁰ См. например: Протокол допроса свидетеля Ярыгина П.С. // USHMM. RG — 31.018M. Folder 56. P. 12–12 (об.).

го лагеря в совхозе «Красный», когда в ходе массовых расстрелов в ноябре 1943 г. и апреле 1944 г. все находившиеся там заключенные (не менее 3 500 человек) были убиты²¹.

Как уже отмечалось выше, концентрационные лагеря выполняли разные функции, но главными из них являлись эксплуатация и уничтожение заключенных. Яновский концлагерь изначально был создан для обслуживания предприятия ДАВ (от нем. DAW)²², для работы на котором отбирались профессионалы, например, специалисты по металлообработке, плотники, слесари, каменщики. Остальные заключенные выполняли тяжелый неквалифицированный труд²³. Зачастую узников лагерей заставляли делать работу, которая не имела никакого смысла (например, переносить землю с одного места на другое), что должно было иметь угнетающий психологический эффект²⁴. Подобные бессмысленные работы являлись обычно результатом личного произвола администрации и практиковались в лагерях на территории Третьего рейха только в начальный период их существования. Позже, когда в нацистской Германии была создана регламентированная «машина террора», труд заключенных использовался уже только в производительных целях²⁵.

Концлагеря в Прибалтике, за исключением Саласпилса, были ориентированы в первую очередь на эксплуатацию труда заклю-

²¹ Показания подсудимого Менаметова // USHMM. RG- 31.018M. Reel 69. Case Asanov S., Menzatov N., Menametov E. Vol. 17. P. 22; Mehrfertigung StA München I 22 Js 204/61 gg. Zapp u.A. // Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg (ZSL). AR-Z 219/59. Bd. 5. S. 1304.

²² Аббревиатура названия Deutsche Ausrüstungswerke GmbH — эссовское предприятие по производству вооружения, имевшее филиалы в ряде концентрационных лагерей.

²³ См. например: Протокол допроса свидетеля Пратнера М.О. // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 9. Д. 75. Л. 19; Протокол допроса свидетеля Островского Л.К. // Галуzeвий державний архів Службы безпеки України (ГДА СБУ). Ф. 7. Оп. 8. Д. 1. Л. 34; Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Симферополь // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 9. Д. 47. Л. 25.

²⁴ Протокол допроса свидетеля Долинера И.Я. // ГДА СБУ. Ф. 7. Оп. 8. Д. 1. Л. 53.

²⁵ *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей. М.: Текст, 2003. С. 233.

ченных. Например, узников Вайвары и его филиалов эксплуатировала организация Тодт и предприятие «Балтийская нефть»²⁶.

Во всех концентрационных лагерях в СССР расстрелы осуществлялись как на территории самих лагерей, так и в непосредственной близости от них. Например, систематическое уничтожение заключенных в Яновском лагере началось с 1943 г. Прибывавшие узники расстреливались неподалеку от лагеря, в районе Пески, а также в Лисиничском лесу, находившемся по дороге на Тернополь в нескольких километрах от Львова. Осенью 1943 г. были ликвидированы все рабочие бригады лагеря. Оставшиеся заключенные-евреи были либо уничтожены, либо депортированы в другие лагеря, в рамках нацистской операции «Праздник урожая»²⁷. Зачастую узники шли на расстрел под аккомпанемент лагерного оркестра, состоявшего из профессиональных музыкантов Львовской консерватории и созданного по инициативе бывшего музыканта, одного из руководителей Яновского лагеря, эсэсовца — Рихарда Рокиты²⁸.

В лагере на территории бывшего совхоза «Красный», помимо расстрелов, для убийства заключенных использовались так называемые «душегубки» — специально переоборудованные с этой целью автомашины. Они приезжали в лагерь летом и осенью 1943 г. и после уничтожения заключенных вывозили их трупы в находившийся рядом район Дубки²⁹. В Колдычево с помощью «душегубки» уничтожались представители польской интеллигенции, на-

²⁶ *Weiß-Вендт А.* Бизнес выживания: ООО «Балтийская нефть» и лагеря принудительного труда для евреев в Эстонии. [Электронный ресурс]. URL: http://netzulim.org/R/OrgR/Library/YadVaShemResearch_1-2/number02/weiss_wendt.pdf С. 321. (Дата обращения: 15.10.2020 г.)

²⁷ Sandkühler T. Endlösung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn: Dietz, 1996. S. 270. Акция «Праздник урожая» (от нем. Aktion Erntefest) имела своей целью уничтожение всех евреев, оставшихся в Генерал-губернаторстве.

²⁸ Протокол допроса свидетельницы Пайцур А.К. // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 24; Протокол допроса свидетеля Шаль К.И. // ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 145 (об.).

²⁹ Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Крымский выпуск. Том 2 / Сост. Валякин А.В. Симферополь: Доля, 2010. С. 335.

ходившейся в концлагере³⁰. «Душегубки» функционировали также в районе Сырецкого лагеря, Саласпилса и Малого Тростенца.

Число погибших в каждом из концлагерей, как следствие и общее число жертв, вряд ли когда — либо будет установлено точно. Однако даже если брать в расчет минимальные оценки числа погибших, то общее количество составит около 225 000 человек.

Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной территории СССР, как и концлагеря на территории Третьего рейха, были центрами реализации и координации политики перманентного унижения и террора, рабской эксплуатации и геноцида. Зачастую вместе с близлежащими местами уничтожения узников — Бабьим Яром, Румбульским и Лисиничским лесами, Песками, Дубками, они превращались в «зоны смерти» — территории, все более расширявшейся «абсолютной власти».

По сравнению с лагерями Третьего рейха нацистские концентрационные лагеря в СССР являлись более эклектичными. Они вобрала в себя черты различных этапов развития лагерной системы и, вместе с тем, имели свои особенности. Это сближало их с лагерями в Германии 1933 г. — начала 1934 г. — периода зарождения и становления лагерной системы Третьего рейха. При этом по своим функциям они вполне соответствовали современным им концентрационным лагерям, которые уже с конца 1941–1942 гг. превратились в центры массовой эксплуатации и уничтожения заключенных.

Особенным был и лагерный мир заключенных. В целом гомогенный по своей языковой структуре — подавляющее большинство заключенных говорило на русском языке или понимало его — казалось бы, он должен был предоставлять больше возможностей для установления контактов между заключенными, а значит и для самоорганизации узников. Однако организованная взаимопомощь различных групп заключенных здесь так и не стала распространенным явлением. Этому препятствовало перманентное перемещение

³⁰ Aufklärung von Tötungsverbrechen im Gebietskommissariat Baranowitschi / Generalbezirk Weißruthenien in den Jahren 1941–1944 // ZSL. AR-Z 16/67. Bd. 1. S. 51.

заключенных в другие лагеря и их массовое уничтожение, как в период побед вермахта, так и с началом поражений немецкой армии.

Недостаток организованной поддержки среди узников мог быть обусловлен и структурой социума концентрационных лагерей в оккупированном СССР. Здесь не превалировали группы, обладавшие долагерным опытом сплоченной самоорганизации, разделявшие единую систему ценностей и, что не менее важно, имевшие способных организаторов. Многие потенциальные лидеры, уничтожались нацистами как коммунисты, политруки или евреи еще до попадания в лагеря, или сразу же после прибытия. В таких условиях заключенные в большей мере ориентировались на себя, на свою физическую силу и здоровье, и в еще большей мере, чем в концентрационных лагерях на Третьего рейха, зависели от произвола администрации и случая.

Наконец, и, возможно, это самое главное, как и «классические» концлагеря в Германии, Австрии или Польше, они выполняли функции ликвидации политических и расовых оппонентов, а также использования принудительного труда узников. Как отмечалось выше, погибло не менее 225 тыс. узников, что составило практически 70 % всего контингента заключенных. В абсолютном исчислении, несмотря на значительную разницу в общем количестве узников, этот показатель был идентичен проценту смертности в концлагерях Третьего рейха. Подобный факт является ярким примером, демонстрирующим, что система уничтожения действовала в концлагерях на оккупированных территориях СССР настолько же тотально, как и в концентрационных лагерях в рейхе.

Вячеслав Александрович Иванов
(Симферополь, Россия)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ В КОНЦЛАГЕРЕ «КРАСНЫЙ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ 1970-х гг.)

Аннотация. В статье анализируются материалы советской периодической печати Крыма, в которых освещались факты обнаружения нацистских преступлений на территории совхоза «Красный» и урочища Дубки. Акцентируется внимание на том, каким образом советская пресса показывала коллаборационистов и реакцию общественности на судебные процессы 1972–1977 гг. Раскрывается значение публикации материалов о судебных процессах 1970-х гг. на общий ход расследования преступлений, совершенных пособниками нацистов на оккупированной советской территории.

Ключевые слова: Концлагерь «Красный», 147-й, 148-й и 152-й добровольческий батальон «вспомогательной полиции порядка», урочище Дубки, периодическая печать.

Во время нацистской оккупации Крымского полуострова на территории бывшего совхоза «Красный» (с. Сарайлы-Кият, ныне с. Мирное Симферопольского района) гитлеровскими захватчиками и их пособниками из числа местных коллаборационистов был создан концентрационный лагерь, ставший местом содержания и уничтожения военнопленных, коммунистов, партизан, подпольщиков, включая местных жителей разных национальностей (русских, украинцев, белорусов, армян, крымских татар и других народов полуострова)¹. В результате нацистского террора в концлагере «Красный» и в урочище Дубки (ныне микрорайон г. Симферополя,

¹ Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 4–7; ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 1. Л. 90–91; ГА РК. Ф. Р-2638. Оп. 2. Д. 11. Л. 116–120; Информационный центр УМВД по Республике Крым (далее ИЦ УМВД РК). Ф. 12. Оп. 1 Д. 2. Л. 18–19; // Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ). Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 28. Л. 89–151; ЦА ФСБ РФ. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 28. Л. 152–179; ЦА ФСБ РФ. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 21. Л. 162–167.

где в 1973 г. воздвигнут мемориал жертвам массовых расстрелов нацистов) погибло более 15 тысяч человек.

Статьи в крымской периодической печати позволяют восстановить процесс расследования этих преступлений и наказания виновных. Осенью 1970 г. во время проведения строительных работ на шоссе Симферополь — Николаевка было обнаружено неизвестное захоронение останков около 1 500 советских граждан. Трагическая находка привела к воссозданию деятельности Республиканской комиссии по расследованию злодеяний фашистов и их пособников, которая санкционировала вместе с органами государственной безопасности расследование преступлений нацистов и их сообщников. В результате проведенных раскопок на территории совхоза «Красный», в октябре — декабре 1970 г. было обнаружено еще 26 ям².

25 декабря 1970 г. в Симферополе состоялась пресс-конференция для советских и аккредитованных в Москве иностранных журналистов (стран соцлагеря — ГДР, Чехословакии, МНР, КНР, а также США и Японии). Об этом свидетельствует опубликованная в газете «Крымская правда» обширная статья Г. Соколова и В. Ягупова. В фойе Дома культуры были выставлены вещи, свидетельствующие о массовом уничтожении советских граждан нацистами и их пособниками в урочище Дубки. На конференцию прибыли с советской стороны председатель Республиканской комиссии (УССР) — заместитель Председателя Совета Министров УССР П. Т. Тронько, члены комиссии — министр социального обеспечения УССР, дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров, заместитель министра внутренних дел УССР П. А. Олейник, заместитель прокурора УССР П. Г. Осипенко, секретарь Крымского обкома партии, член облисполкома М. Л. Тишин, первый секретарь Симферопольского горкома партии М. В. Ревкин, заместитель председателя Крымского облисполкома В. В. Барановский и другие члены городской комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев в районе совхоза «Красный». На пресс-конференции впер-

² В статье Г. Соколова «Тысяча четыреста семьдесят три... Новые факты о преступлениях гитлеровских палачей» // Крымская правда, 11 декабря 1971. № 291 (14469). С. 3 указано, что в процессе извлечения тел погибших узников найдено 8 ям и 1473 человеческих останков.

вые звучали имена виновных в совершенной трагедии: бывший начальник концлагеря лейтенант Карл Шпекман, его заместители Ганс Гунце и Ганс Рейнер, комендант лагеря Пауль Краузе, командир батальона СД Вильгельм Ганс Рот, его заместитель Ганс Штеккан, командир роты добровольцев вспомогательной полиции Ягья Ширинский, унтер-офицер Фрид Аппель, сотрудник СД в концлагере, сотрудник концлагеря Айзель, начальник канцелярии концлагеря Отто Комерляндер, начальник СД Крыма и Таврии обер-штурмбанфюрер Пауль Цапп, заместитель начальника СД Симферополя Гирке, начальник следственного отдела СД Вихерт, следователь СД Пантельман, полицей-фюрер Крыма генерал фон Альвенслебен, военнослужащие охранной роты СД, тайной полевой полиции и румынского контрразведывательного органа «Центр-1»³.

Члены комиссии также отметили факт преступления пособников нацистов из 147-го и 152-го «татарских добровольческих батальонов», назвали конкретных лиц, виновных в этих преступлениях. На наш взгляд, заключение комиссии не было вполне объективным. Во-первых, в этих батальонах служили представители разных национальностей, населяющих Крымский полуостров, а не только крымские татары. Во-вторых, сами нацисты никогда не именовали эти батальоны «татарскими».

Вследствие исследования мест массовых расправ над мирными гражданами, военнопленными, партизанами и подпольщиками, изучения документов военных лет и опроса свидетелей были собраны конкретные доказательства участия в них ряда лиц, которых разыскивали в разных уголках СССР. Эти дела были рассмотрены в ходе судебных процессов над т. н. добровольцами в составе 147-го, 148-го и 152-го батальонов вспомогательной полиции порядка.

29 мая 1972 г. в Доме культуры Симферопольского консервного завода имени Кирова начался первый судебный процесс над группой карателей, которые находились на службе в 152-м добровольческом батальоне СД. Обвиняемые — Тейфук Ходжаметов, Якуб Куртвелиев, Абкадыр Абжелилов, Шевкет Салаватов, Семен Па-

³ Соколов Г., Ягунов В. Фашистских палачей к ответу! // Крымская правда. 26 декабря 1970. № 302 (14174). С. 3.

расотченко, Николай Кулик — были преданы суду по обвинению в проведении активной карательной деятельности в период временной оккупации Крыма. Органы госбезопасности искали обвиняемых по всей территории Советского Союза. Абжелилова и Куртвелиева обнаружили в исправительно-трудовой колонии, где бывшие полицаи отбывали срок за растление малолетних детей. Кроме того, Абжелилов был судим за хулиганство и нанесение телесных повреждений. Отбыв заключение, он работал шофером. Салаватов работал в одном из автохозяйств г. Намангана Узбекской ССР. Семен Парасотченко устроился на работу на Крайнем Севере — в Магадане⁴.

Рассматривала этот судебный процесс выездная сессия военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа под председательством полковника юстиции А. Е. Бушуева. Народные заседатели — подполковник медицинской службы А. И. Шумило, майор Н. И. Прошкин. Государственное обвинение поддерживает заместитель военного прокурора округа полковник юстиции П. И. Модленко. Общественные обвинители: от тружеников совхоза «Красный» — председатель рабочкома Т. И. Третьяков, от партизан и подпольщиков Крыма — бывший комиссар партизанского движения в Крыму С. В. Мартынов; от «имени тысяч замученных фашистами» — бывший узник лагеря смерти Маутхаузен А. С. Бобенко. Защиту осуществляют члены Симферопольской городской коллегии адвокатов Н. М. Дугинец, А. Е. Шилко, М. В. Вишневский, Г. М. Фенько, Г. М. Шапшал и А. А. Булыгин.

11 июля 1972 г. трибунал признал всех подсудимых виновными по статье 56 УК УССР «о проведении активной карательной деятельности в период временной оккупации Крыма фашистами». Пятеро были приговорены к расстрелу, один из подсудимых — к 15 годам заключения в исправительно-трудовой колонии строго режима.

13 ноября 1974 г. начался второй судебный процесс, который вел уже Военный трибунал Одесского военного округа. Обвиняемые — Шихай Асанов, Энвер Менаметов, Насурла Мензатов — служили в том же 152-м добровольческом батальоне вспомогатель-

⁴ Соколов Г. Встать! Суд идет! // Крымская правда. 30 мая 1972. № 125 (14610). С. 3.

ной полиции порядка (щуцманшафта). Органы государственной безопасности искали военных преступников на территории всех среднеазиатских республик СССР. Асанова, в частности, арестовали в Самаркандской области, где он работал машинистом экскаватора в совхозе «Зеравшан» Хатырчинского района; Мензатова в Ферганской области, где он работал в г. Кувасай литейщиком на цементном заводе, а Энвера Менаметова, скрывавшегося под фамилией Османов — в г. Нальчик Кабардино-Балкарской АССР, где он работал в тресте ПМК-3 «Севкавкоопстрой».

Важные показания в ходе судебного слушания дали несколько свидетелей обвинения. Л. Легека работал в концлагере на территории бывшего совхоза «Красный» изначально слесарем, а позднее шофером. Н. Костриченко был очевидцем расправы над жителями деревни Саблы (как и в Хатыни, она была окружена отрядом немцев и коллаборационистов; жители были расстреляны по обвинению в связях с партизанами, а их жилища и имущество сожжены дотла). О преступлениях обвиняемых свидетельствовали бывшие узники концлагеря «Красный» жительница поселка Ленино М. Муждабаева и житель Феодосии Л. Т. Кондратьев. Показания дали также бывшие служащие этого батальона Ильясов, Ибрагимов и Чакая (несмотря на то, что они старались запутать следствие противоречивыми ответами, суду удалось установить истину, выявив несоответствия в их показаниях).

25 ноября 1974 г. Военный трибунал Краснознаменного Одесского военного округа, в составе полковника юстиции, Героя Советского Союза Е. Б. Фрадкова, народных заседателей майоров Ф. С. Доценко и Н. А. Боровкова приговорил Шихая Асанова и Энвера Менаметова к высшей мере наказания — расстрелу, Насурлу Мензатова — к пятнадцати годам заключения в исправительно-трудовой колонии строго режима⁵.

В 1977 г. еще трое обвиняемых — Мамед Мамутов, Артур Вольф, Сеитабдулла Мухтаров (служивших в 147-м и 148-м добровольческих батальонах СД) предстали перед Военным трибу-

⁵ Соколов Г. Последние показания из зала суда // Крымская правда. 24 ноября 1974. № 275 (15370). С. 4.

налом. В статье Е. Первомайской «Справедливое возмездие»⁶ подчеркивался тот факт, что полицаи из добровольческих батальонов участвовали в массовых расправах над советскими гражданами не только на территории Симферопольского района, но и по всему Крыму⁷. Заметим, что в статье практически впервые упоминался как место расстрела добровольцами десятый километр Феодосийского шоссе (печально известный «Ров» — место гибели евреев, крымчаков и советских военнопленных). «В ходе заседания военного трибунала уже рассказывалось о злодеяниях фашистских холоуев. Командир взвода М. Мамутов, переводчик А. Вольф, рядовой С. Мухтаров ревностно служили оккупантам, принимали непосредственное и активное участие в массовом уничтожении советских людей, в карательных операциях против партизан и мирных жителей», — пишет журналист Е. Первомайская. Когда выступили защитники обвиняемых, им дали последнее слово. Пытаясь оправдаться, пособники нацистов фактически начали выпрашивать прощение в зале судебного заседания: «М. Мамутов: «Я совершил преступление... Прошу за мою вину простить...»; А. Вольф: «Прошедший процесс раскрыл весь ужас... Прошу учесть мое раскаяние и наказать крайне нестрого...»; «С. Мухтаров: «Это отец мне сказал — «Мусульманский комитет требует, иди служи...». Приговор суда — Мамеду Мамутову и Артуру Вольфу — смертная казнь. Сеитабдулле Мухтарову — 12 лет лишения свободы в ИТК строго режима с конфискацией имущества.

Анализ периодической печати о трех судебных процессах 1970-х гг. позволяет сделать следующие выводы:

— Находка в урочище Дубки стала поводом для следственных и судебных органов продолжить расследование преступлений нацистов и их пособников. Поиск карателей и судебные слушания по факту массовой гибели людей позволили конкретизировать ряд фактов деятельности концлагеря на территории бывшего совхоза «Красный» и урочища Дубки, а также расстрелов мирных жителей, в т.ч. жертв Холокоста, на территории полуострова.

⁶ Первомайская Е. Справедливое возмездие. Из зала суда // Крымская правда. 3 июля 1977. № 155 (16165). С. 4.

⁷ Там же. С. 4.

— Судебные процессы освещали корреспонденты нескольких органов печати («Крымской правды», «Курортной газеты» и других изданий): Г. Соколов, В. Ягупов, Е. Первомайская.

— Ценность публикаций в прессе состоит в том, что они отражают не только ход судебных процессов над военными преступниками, но и дают психологические портреты палачей. Авторы статей донесли до общественности информацию, каким образом совершались преступления в концлагере. На процессе была также сделана попытка подвести итог общему количеству жертв массовых расправ нацистов и их подручных, в контексте восстановления хронологии убийств советских граждан в 1943–1944 гг.;

— Все преступники были осуждены по статье 56 УК УССР от 28 декабря 1960 г. «Измена Родине» (Раздел «Особо опасные государственные преступления»). Согласно этой статье, подсудимые «наказывались лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и с ссылкой на срок до пяти лет или смертной казнью с конфискацией имущества». На указанных процессах из одиннадцати подсудимых только двоих приговорили к 15 и 12 годам лишения свободы с полной конфискацией имущества;

— Открытые слушания вызвали значительный общественный резонанс. Залы, где проводились судебные заседания, были заполнены не только свидетелями, но и теми, кто хотел высказать свою гражданскую позицию. На улицу вынесли динамики с усилителями, что позволило знакомить крымчан о ходе процессов в «режиме реального времени».

— Хотя большинство подсудимых являлось крымскими татарами, это не значит, что все представители крымско-татарского народа являлись пособниками врага, как это нередко звучит в отечественной науке и публицистике: многие героически сражались на фронте, в партизанско-подпольном движении, ковали Победу над нацизмом в тылу. Трое подсудимых «добровольцев» — С. Парасотченко, Н. Кулик, А. Вольф — являлись представителями разных национальностей.

Олеся Михайловна Петровская
(Почеп, Брянская обл.)

СУДЬБЫ ОСВОБОЖДЁННЫХ УЗНИКОВ АУШВИЦА В СССР, ЕВРОПЕ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются судьбы узников Аушвица, освобождённых Красной Армией 27 января 1945 г., и влияние пребывания в лагере смерти на их дальнейшую жизнь в СССР, Европе и США.

Ключевые слова: Аушвиц, опыты Менгеле, марш смерти, проект «CANDLES», музей в Терре-Хот.

В феврале 1964 г. на первом Франкфуртском процессе по Аушвицу освобождённый Красной Армией австрийский врач Отто Волькен, свидетельствовал: «Мы обнимали и целовали наших освободителей. Мы плакали от радости, мы были спасены»¹.

Согласно официальным документам в Аушвице было освобождено более 7 тыс. заключённых. Среди них 180 детей, из которых 52-м не было и 8 лет. В докладной записке от 28 января 1945 г. начальник политотдела 60-й армии 1-го Украинского фронта генерал-майор Гришаев писал: «На всех дорогах от Бжезинки, Освенцима, Моновице, Дворы и далее на север я видел большие толпы людей, освобождённых нашей армией из этого лагеря смерти. Они истерически плачут, когда разговариваешь с ними. Их благодарность Красной Армии невозможно выразить словами. Несмотря на метель и мороз, как от страшного призрака, бредут они на восток от Освенцимского лагеря. Среди них — венгры, итальянцы, французы, чехословаки, греки, югославы, румыны, датчане, бельгийцы и т. д. Все они выглядят крайне измождёнными, много безруких, безногих, больных...»²

¹ Zeuge Otto Wolken VERHANDLUNGSTAG 24.02.1964 Frankfurter Auschwitz-Prozess, «Strafsache gegen Mulka u.a.», 4 Ks 2/63 Landgericht Frankfurt am Main [Электронный ресурс] URL: <https://www.auschwitz-prozess.de/zeugenausagen/Wolken-Otto/> (дата обращения 28.09.2020).

² ЦА МО.Ф. 236.Оп. 2675.Д. 340.л85.

Какова же судьба этих освобождённых узников? Эта статья стала результатом участия в проекте по поиску и установлению имён и судеб освободителей Аушвица. Источником информации послужили архивные документы с сайта Министерства обороны РФ, ОБД «Мемориал» и «Память народа», публикации и интервью в отечественных и зарубежных электронных и печатных СМИ.

Подняв значительный пласт информации по освобождению Аушвица, мы столкнулись с множеством фотографий. Особое внимание школьников привлекли те, на которых были запечатлены освобождённые дети. Жив ли кто-то с этой фотографии? Известны ли имена спасённых детей? Как сложилась их жизнь после освобождения? Эти вопросы мы постарались решить в ходе исследования.

О судьбе тех, кто репатриировался в СССР можно узнать из их воспоминаний. В них есть отрывочные сведения о пути на Родину. Председатель общественного объединения «Белорусская ассоциация бывших узников германских концлагерей и участников антифашистского сопротивления в годы Великой Отечественной войны» Александра Борисова в 2012 г. напишет: «Целый месяц нас откармливали в Кракове. Для укрепления здоровья давали зелень, витамины. Потом нас повезли на родину»³.

Дешкевич Софья Алексеевна 1916 г.р. из деревни Малые Негневичи Борисовского района добралась домой «только 17 марта 1945 г. В основном шли пешком. Ребенок (дочь Зина 2 года) совсем ослаб и через 7 дней умер»⁴.

Примо Леви вместе с рядом узников после освобождения из Аушвица оказался в советском пересыльном лагере для бывших заключенных в Катовице. Вместе с другими итальянскими гражданами через Польшу, Беларусь, Украину, Румынию, Венгрию, Германию и Австрию он добрался до Италии лишь год спустя.

Для большинства вышедших за ворота Аушвица путь домой стал непростым, но ещё более сложной оказалась дальнейшая жизнь.

³ *Борисова А. В., Козак К.И., Стучинская Г. Л.* Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. Минск, 2012. С. 118.

⁴ Там же. С. 157.

Сложнее всего оказалось тем, кто вернулся в СССР. Кроме большой психологической травмы, полученных увечий, подорванного здоровья приходилось преодолевать подозрительное отношение, упрёки знакомых, отказы в приёме на работу и др.

Василий Третьяков и многие другие бывшие русские узники Аушвица прошли через фильтрационные лагеря. Здесь СМЕРШ устраивал проверки всем побывавшим на оккупированных территориях и в концлагерях⁵.

Минчанка Нина Кузьминична Згировская (Петуховская, а после удочерения Кучун) 1927 г.р.: «Проверку прошла 19.06.1945 г. в г. Волковыске. После возвращения из лагеря неоднократно вызывали на допрос в МГБ. В 1948 году окончила кулинарное училище, получила шестой разряд повара, но устроиться на работу, кроме как в рабочую столовую, не могла»⁶.

После окончания войны при поступлении на работу каждый заполнял анкету, где в числе многочисленных вопросов были и такие: «Были ли вы или ваши ближайшие родственники в плену или оккупации в период Великой Отечественной войны?».

Сталкиваясь с презрением окружающих, упрёками, подозрениями, непониманием, многие пытались забыть своё лагерное прошлое, вывести номер, заклеить его потому, что он был напоминанием об ужасах.

Одна из бывших узниц вспоминала: «Пошла на танцы, там познакомилась с парнем. Он стал провожать. Случайно увидел номер на руке и говорит: «Ты что зэчка?». После этого бросил.

Прошлое всю жизнь преследовало этих людей, и большинство во избежание проблем о времени, проведённом в Аушвице, предпочитали молчать.

Но именно лагерный номер помог самой юной из освобождённых 3-х летней девочке, которую на известном кадре фильма «Освенцим» держит на руках медицинская сестра, спустя 30 лет узнать свою настоящую фамилию и найти маму, сестру и братьев.

⁵ Дневник узника Освенцима: «На волю вы выйдете только через трубу крематория». [Электронный ресурс] URL: <https://marionetki.net/dnevnik-uznika-osventsima-na-volyu-vy-v/> (дата обращения 29.09.2020).

⁶ Борисова А. В., Козак К.И., Стучинская Г. Л. Указ. Соч. С. 176.

Зинаида Ивановна Гриневич, которую воспитали в детском доме во Львове, лишь в 1975 году узнала о том, что её настоящая фамилия Пасенкова. Родилась она в городке Жуковка Брянской области и не 21 января 1942 г. как записали в паспорте, а в сентябре 1941 г. Её отчество не Ивановна, а Петровна. После 30 лет разлуки семья воссоединилась, но Зинаида Ивановна много раз задавалась вопросом, почему мать дала только одно объявление и больше не искала её?

«Это ранит меня по сей день, что мать ничего больше не предпринимала для того, чтобы найти меня. Наверное, она думала, что будут проблемы из-за меня, поскольку один из родственников занимал высокое положение в партии. А поиск переживших концлагерь именно при Сталине был делом неблагоприятным для тех, кто стремился к карьере. Возможно, мать просто испугалась, что в результате медицинских опытов, дочь могла стать инвалидом, как и многие другие. Я очень надеюсь, что не это было причиной. Ответ на этот вопрос мать унесла с собой в могилу»⁷.

Имена других девочек с фотографии — Ева и Мириам Мозес. После освобождения они вернулись к своей тётке в Румынию. Больше у них никого не было. «Только после иммиграции в Израиль в 1950 году сёстры перестали бояться преследований за то, что были евреями»⁸. Ева получила хорошее образование, служила в армии, в 1960 г. встретила пережившего Холокост американца Майкла Кора. Они поженились, и в 1965 она стала гражданкой США.

После выхода в эфир мини-сериала «Холокост» (1978 г.) на канале NBC, Ева Кор начала интересоваться, что случилось с детьми после освобождения. Куда они делись? Что они делали?

Вместе с сестрой, которая жила в Израиле, они стали искать выживших в смертельных экспериментах доктора Менгеле. В 1984 году Ева основала организацию «CANDLES» (Children of

⁷ Тиль Майер, Номер 77370 ищет номер 77369 [Электронный ресурс] URL: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/44089-nomer-77370-ischet-nomer-77369/> (дата обращения 29.09.2020).

⁸ CANDLES Holocaust Museum and Education Center [Электронный ресурс] URL: <https://candleholocaustmuseum.org/who-we-are/>

Auschwitz Nazi Deadly Lab Experiments Survivors). В результате усилий сестёр Мозес в первые годы деятельности «CANDLES» воссоединили 122 близнеца, живущих в десяти странах и четырёх континентах. Пожалуй, «CANDLES» были первой организацией, которая объединила бывших узников Аушвица.

В 1995 г. после того как доктор Мюнх, работавший в Аушвице и знавший Менгеле, подписал заявление, подтверждавшее существование газовых камер, Ева Мозес Кор заявила, что она простила Мюнха, Менгеле и всех нацистов. При этом она подчеркнула, что сделала это только от своего имени. По её словам, в этом акте она нашла силы для самоисцеления и сняла с себя невероятный груз страданий. Это событие было воспринято неоднозначно и вызвало бурную реакцию тысяч бывших узников концлагерей, переживших Холокост.

В 1995 году Ева открыла небольшой музей в г. Терре-Хот (США, штат Индиана) где были размещены различные артефакты из Аушвица и документы, касающиеся доктора Менгеле. В ноябре 2003 года музей в результате поджога был уничтожен, «CANDLES» же нет. Выживание в лагере научило их не сдаваться. Уже в апреле 2005 музей был открыт для посещений в новом здании. В мире это был второй музей об Аушвице после Аушвица.

В СССР только в 1991 году появился Указ №16 от 25 июля, предоставивший некоторые льготы бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей. Лишь в 1992 г. была отменена анкета с вопросом «Находились ли ваши родственники в плену или на оккупированных территориях?». Но, к сожалению, из-за недостатка новых бланков и большого количества старых, эта анкета использовалась вплоть до 2000-х. Были приняты специальные постановления Минтруда и Указ Президента России РР №1235 от 15 октября 1992 г. «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания». Французские и бельгийские жертвы медицинских экспериментов уже в 70-х гг. стали получать выплаты от Германии за нанесённый ущерб. В 1971–1973 гг. деньги на компенсацию были переданы Польше. Первый взнос в российский Внешторгбанк — 160 млн. марок — поступил 27 декабря 1993 г.

В 1988 году в Киеве был основан Международный союз бывших малолетних узников фашизма, который включил и тех, кто был в Аушвице.

Эти и ряд других событий стали началом перелома в отношении к узникам со стороны общества и государства.

Показателен и такой факт: в Европе узники «заговорили» на страницах печати уже в конце 40-х.

Первая книга Примо Леви о заключении в Аушвице «Человек ли это?» была опубликована в 1947 г. В 1958 вышла большим тиражом и была переведена на английский, французский и немецкий языки.

Австрийский психиатр Виктор Эмиль Франкл провёл в Аушвице несколько дней, затем был перемещён в Тюркхайм. В 1945 году он напишет свою всемирно известную книгу «Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере». На примере судьбы Франкла, который в 1946 году возглавил неврологическую клинику в Вене и находился на этом посту до 1971 года, врачей Отто Волькена (Австрия), Миклоша Нисли (Венгрия), Якова Гордона (Польша) и других мы можем увидеть, что клеймо «узника» не было препятствием для получения работы, научной деятельности в Европе. Сложнее было другое — заговорить.

У венгерки Евы Фахиди погибло 49 родственников, включая ее родителей и сестру. Её собственная судьба после освобождения сложилась благополучно. Но прошло 60 лет, прежде чем Е. Фахиди смогла начать говорить о своих трагических переживаниях. Главный инструментом самовыражения для неё стал танец. В перформансе «Морская Лаванда, или Эйфория бытия» танец переплетен с диалогом, в котором пожилая Фахиди с тяжелым прошлым делится своими мыслями и переживаниями с молодой женщиной, своей партнершей.

Венгерская балерина Эдит Ева Эгер выжила в Аушвице потому, что танцевала для Йозефа Менгеле. Её не освободили 27 января. Она прошла маршем смерти и практически умирала. Выжила случайно. С 1949 семья переехала в США. Эдит начала профессионально заниматься психологией. Со временем приобрела мировую известность, стала мотивирующим оратором. «Аушвиц в некото-

ром роде подарил мне потрясающий дар: я могу научить людей проявить стойкость и настойчивость»⁹.

Слова Эгер стали тем, что является объединяющим для всех освобождённых — Аушвиц нанёс большую психологическую травму, но взрастил сильнейшую жажду жизни, необыкновенное терпение, жизнелюбие и силу духа.

Изучив воспоминания и биографии порядка 200 бывших узников, мы сделали вывод, что судьбы вернувшихся из Аушвица во многом зависели от внутренней и внешней политики и идеологии государств, ставших их местом проживания.

⁹ CNN[Электронный ресурс] URL: <http://edition.cnn.com/2015/01/25/world/auschwitz-dancing-mengele/index.html>

Анна Валерьевна Белова
(Тверь, Россия)

ЖЕНСКИЙ ОПЫТ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ СОЮЗНИКАМИ НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ НАСИЛИЯ¹

Аннотация. Статья посвящена проблематизации артикулирования женского опыта в условиях Холокоста. Опираясь на исследования, связанные с феминистскими интерпретациями истории Холокоста, в особенности основоположницы изучения темы «женщины и Холокост» Джоан Рингельхайм, автор приходит к выводу о том, что остававшийся на протяжении длительного времени непроговариваемым опыт пережитого женщинами гендерного насилия, носившего многомерный и универсальный характер, воплощал травму женской социальной памяти, преодоление которой было сопряжено с обретением ими собственного автобиографического «голоса» и нарративной идентичности.

Ключевые слова: женщины, женский опыт, Холокост, феминистские интерпретации истории Холокоста, Джоан Рингельхайм, гендер, гендерное насилие, гендерная антропология, женская социальная память, женская автобиографическая память.

Проблема артикулирования женского опыта в условиях Холокоста является сложной и все еще актуальной темой в современной историографии, несмотря на почти сорокалетнюю традицию ее изучения. Начало систематическому обсуждению было положено конференцией «Выжившие женщины: Холокост», проведенной в колледже Стерн в 1983 г. Нью-Йоркским советом по гуманитарным проблемам при поддержке Института исторических исследований, благодаря чему она обрела феминистскую перспективу².

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)» (№ 19–09–00191).

² Proceedings of the Conference on Women Surviving: The Holocaust / ed. E. Katz and J. M. Ringelheim. N. Y., 1983; Рингельхайм Дж. Женщины и Холокост: переосмысление исследований // Антология гендерной теории. Сб. пер. / сост. и коммент. Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. Мн., 2000. С. 254, 277.

Основной вклад в организацию этой конференции внесла доктор Джоан Рингельхайм (род. 1939), заведующая отделом устной истории Исследовательского института Мемориального музея Холокоста в США. Данное научное событие стало знаковым, о чем свидетельствует размещение на официальном сайте коллекции документов Джоан Рингельхайм, переданной ею Мемориальному музею Холокоста в США в 2007 и 2016 гг.³ В ней собраны материалы по планированию конференции, переписка и фотографии, а также письменные материалы, лекции, тематические файлы, печатные материалы и корреспонденция, документирующая научную работу Джоан Рингельхайм по теме «Женщины и Холокост». Соединив два основных направления своей исследовательской и преподавательской деятельности — Холокост и феминистскую теорию, — она открыла новую область исследований.

Особое значение имеют собранные ею устные исторические интервью еврейских женщин, переживших Холокост. Аудиозаписи этих интервью, размещенные на сайте, позволяют звучать голосам самих женщин-узниц концлагерей во время Холокоста. В них они не только обретают свой голос, но, наконец, сами говорят своим голосом о личных переживаниях. То, насколько это важно в контексте сравнительно-исторических исследований травматического опыта Второй мировой войны и женской социальной памяти о нем, подтверждает помимо прочего написанная в том же 1983 г. документально-очерковая книга белорусской писательницы Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо», неоднократно подвергавшаяся официальной цензуре и самоцензуре автора при первых изданиях в СССР: «Все, что нам известно о войне, известно с “мужского голоса”. Мы все в плену “мужских” представлений и “мужских” ощущений войны. “Мужских” слов. А женщины молчат»⁴. Возможность изучения именно произнесённого самими женщинами с учетом не

³ United States Holocaust Memorial Museum. Joan Ringelheim papers. [Electronic resource]. URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn560446> (дата обращения: 17.10.2020).

⁴ Алексиевич С. У войны не женское лицо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt> (дата обращения: 17.10.2020).

только того, что произнесено, но и того, как это произносилось, как звучал или прерывался / дрожал голос в этот момент, когда и в связи с чем возникали паузы, каким образом извлекаемый из памяти опыт переживания Холокоста обретал контуры нарративной идентичности, позволяющей справляться с болезненными фреймами, заключает в себе эвристический потенциал исследования отличий опыта женщин во время Холокоста. Именно этот вопрос Дж. Рингельхайм поставила в центр своего анализа и критики⁵. Ее утверждение о том, что «опыт и переживания еврейских женщин затемнялись или поглощались описаниями жизни мужчин; сходство судеб евреев, ставших жертвами нацистских преследований, считалось более важным, чем гендерные различия»⁶ стало импульсом к постановке и изучению научной проблемы женщин и Холокоста.

Именно Дж. Рингельхайм в работе «Неэтичное и невыразимое: женщины и Холокост» (1981–1982), посвященной ею «родителям Анне и Дэвиду, а также памяти бабушки Мириам Рингельхайм, которая вместе со своим мужем Джейкобом и младшим сыном Джозефом была убита нацистами» (все же помимо бабушки и дедушки по отцовской линии у нее «восемьдесят восемь родственников по отцовской линии погибли в Польше во время Холокоста») и она в детстве «долго обсуждала со своим отцом предрассудки, расизм и Холокост»⁷), акцентировала внимание на «обнаружении различий, существующих между различными группами и классами», что, по ее мнению, «является центральной чертой всех исторических исследований»⁸, в том числе направления женской истории. Рингельхайм предположила, что понимание опыта женщин

⁵ Рингельхайм Дж. Указ. соч., С. 256.

⁶ Там же. С. 254.

⁷ *Butler D.* Holocaust Studies in the United States // Jewish Women's Archive. The Encyclopedia of Jewish Women. [Electronic resource]. URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/holocaust-studies-in-united-states> (дата обращения: 18.10.2020).

⁸ *Ringelheim J.* The unethical and the unspeakable: women and the Holocaust. [Electronic resource]. URL: <http://www.museumoftolerance.com/education/archives-and-reference-library/online-resources/simon-wiesenthal-center-annual-volume-1/annual-1-chapter-4.html> (дата обращения: 17.10.2020).

позволит «по-другому взглянуть на Холокост»⁹. Один из существенных ее выводов сводится к тому, что «игнорируя свидетельства женского опыта и предоставляя так называемую “универсальную основу”, мы неправильно понимаем и неправильно решаем вопросы, касающиеся сопротивления, выживания, пассивности и уступчивости»¹⁰. Она впервые артикулировала суждение о том, что «в литературе о Холокосте, особенно написанной мужчинами, не уделяется внимания гендерному опыту. Рассказанные истории, кажется, стирают или затемняют женщин. В случае стирания тот факт, что главным персонажем в истории является женщина, кажется рассказчику несущественным. Женские жизни нейтрализуются в так называемую “человеческую перспективу”, которая при рассмотрении оказывается мужской»¹¹. Дж. Рингельхайм приводит наиболее убедительные примеры игнорирования женского опыта даже в тех ситуациях, которые напрямую касались женщин. Так, она критикует решение юденрата гетто Шауляй о принудительном аборте из книги «Свидетели Холокоста» как «ситуацию, в которой напрямую пострададут только женщины, но женщины здесь не говорят; только мужчины делают»¹². Анализируя принятие мужчинами решения об осуществлении девятнадцати аборт, умерщвлении новорожденного после стимулирования преждевременных родов у одной из женщин, о санкциях к потенциальным, отказывающимся от принудительных аборт, матерям от лишения их минимальных жизненных благ (продовольственных карточек, медицинской помощи, дров), перевода работающих на худшую работу до угрозы выдачи полиции безопасности, предложения о запрете всем врачам и акушеркам оказывать помощь при родах, Дж. Рингельхайм резюмирует, что «юденрат использует такие же сильные методы запугивания, как те, что используются СС, для принуждения к этим абортам, но смысл этого почему-то отсутствует в повествовании»¹³.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ringelheim J. Op. cit.

Недоумение Рингельхайм вызывает и интерпретация Бруно Беттельхеймом в работе «Осведомленное сердце» (Нью-Йорк, 1971) известной истории танцовщицы, принужденной к исполнению танца в обнаженном виде перед офицером СС на пути в газовую камеру, в результате чего она «подошла к нему, схватила его пистолет и застрелила его». Дж. Рингельхайм дает оценку комментарию Беттельхейма, который «критикует евреев за то, что они не ведут себя как мужчины, но хвалит танцовщицу за то, что она ведет себя как женщина, и даже делает из нее пример “мужественности”»¹⁴. При этом проигнорирована ее история как женщины, находящейся «под взглядом» мужчины, как той, которой традиционным мировосприятием уготовано «быть рассматриваемой», служить объектом мужского созерцания и сексуального использования. По словам Рингельхайм, «на самом деле произошло то, что к ней приставали, смотрели, заставляли танцевать обнаженной для ээсовцев, когда она шла на газ. Это похоже на классическую сцену изнасилования». Однако для историка-мужчины важно то, что «умерев как человек», женщина, наконец, им станет. Не секрет, конечно, что историософская мысль XIX в. со всей серьезностью обсуждала вопрос, «человек ли женщина»¹⁵, но вряд ли подобная риторика была уместна в историографии в условиях второй волны феминизма. Дж. Рингельхайм определенно заявляет, что в данной интерпретации женщина остается невидимой как женщина. Она заключает: «В рассказе Беттельхейма нет такого аспекта истории, в котором учитывалась бы жизнь этой женщины как женщины. Но действия СС в этой истории были направлены против еврейской женщины, а не еврейки... Ее используют, присваивают не только СС, но и те, кто о ней пишет. Женщина в этих историях потеряна»¹⁶. Речь идет о маргинализации не только по этнической принадлежности, но и по гендерному признаку. Эрика Поттер в работе «Феминистские

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Рябов О.В. «Человек ли женщина?». Русская антропология XIX — начала XX века в контексте исторических поисков национальной идентичности // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург, 2001. С. 34–36.

¹⁶ Ringelheim J. Op. cit.

интерпретации истории Холокоста» поддерживает ту же идею, утверждая, что «одну идентичность нельзя отделить от другой»¹⁷. Она также считает, что «интерпретация Беттельхеймом Холокоста как успешной атаки на еврейскую мужественность — это отражение широко распространенного отказа признать женскую уникальную виктимизацию во время Холокоста»¹⁸.

Делая вывод о неэффективности традиционных этических конструкций для анализа Холокоста в условиях «выбора без выбора», Дж. Рингельхайм считает, что «имеет больше смысла начать использовать язык бессильных, язык угнетенных, чтобы понять эти ситуации, а не язык тех, кто имеет власть лишать других осмысленных решений, а именно тех, кто совершает угнетение»¹⁹. Поэтому она призывает «исследовать те свидетельства, которые до сих пор оставались глухими, — в данном случае словарный запас, концепты, жизни и смерти женщин»²⁰. При таком подходе в фокусе исследования оказывается непроговариваемый женский опыт²¹, отчасти из-за его непризнания и невидимости, отчасти из-за отсутствия соответствующего дискурса в языке патриархата, невозможности выразить женские переживания и практики в терминах доминирования, агрессии и героизма.

Несмотря на достаточно активную научную разработку темы в последующие годы²² значимый общественный резонанс она об-

¹⁷ *Potter E.* Feminist Interpretations of Holocaust History // Mount Royal Undergraduate Humanities Review. Vol. 4. P. 35. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/331910145_Feminist_Interpretations_of_the_Holocaust (дата обращения: 18.10.2020).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ *Ringelheim J.* Op. cit.

²⁰ Ibid.

²¹ *Waxman Z.* Unheard Testimony, Untold Stories: the representation of women's Holocaust experiences // Women's History Review. 2007. Vol. 12, 2003 — Issue 4. P. 661–677. [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09612020300200715?src=recsys> (дата обращения: 18.10.2020).

²² См., напр.: *Schwefelger R.* Women of Theresienstadt: voices from a concentration camp. Oxford; N. Y., 1989; *Rosenbaum J. F.* Female experiences during the Holocaust. Boston, 1993; *Kaplan M.* Between dignity and despair: Jewish women in the aftermath of November 1938. N. Y., 1996; *Baumel-Schwartz J. T.* Double jeopardy: gender and the Holocaust. L.; Portland, OR, 1998; *Women and the*

ретаает только к 2008 г., когда в Дрезденской картинной галерее экспонировалась созданная совместно с Мемориальным комплексом истории Холокоста «Яд Вашем» необычная мультимедийная выставка «Пятна света — женщина в Холокосте», в центре которой стояли разнообразные реакции еврейских женщин на насилие и угнетение в условиях Холокоста, а также их индивидуальное поведение и борьба за выживание²³. В 2011 г. теме переживаний еврейских женщин было посвящено учебное пособие о женщинах и Холокосте и прилагаемый к нему DVD-диск со свидетельствами очевидцев, переживших эту трагедию, выпущенное Департаментом общественной информации Организации Объединенных Наций в партнерстве с двумя ведущими научными институтами — Институтом визуальной истории и просвещения фонда Шоа при Университете Южной Калифорнии и Международной школой по изучению Холокоста при Яд Вашем²⁴. В Предисловии Заместитель Генерального секретаря по коммуникации и общественной информации Кийо Акасака отметил, что «несмотря на постоянные унижения, лишения и насилие, многие женщины смогли вернуться к нормальной жизни после Холокоста, что является свидетельством человеческой силы, позволившей им проявить стойкость и терпение, не только ради себя, но и ради тех, кто оказывает помощь другим, и тех, кто в такой помощи очень нуждается»²⁵. Предпринимая усилия на современном этапе, направленные на «обеспечение защиты прав женщин и девушек во всем мире, их способности вносить свой вклад в благосостояние человечества», достижение и соблюдение «гендерного равенства и расширения прав и возмож-

Holocaust: Narrative and Representation / ed. by E. Fuchs // Studies in the Shoah. V. 22. Lanham, MD, 1999; *Miller J. E.* Love carried me home: women surviving Auschwitz. Deerfield Beach, Fla., 2000; *Frauen im Holocaust* / B. Distel (Hg.). Gerlingen, 2001; *Baumgartner A.* Die vergessenen Frauen von Mauthausen: die weiblichen Häftlinge des Konzentrationslagers Mauthausen und ihre Geschichte. 2., durchgesehene Aufl. Wien, 2006; *Jacobs J.* Memorializing the Holocaust: gender, genocide and collective memory. L., 2010 и др.

²³ Lichtfleck: Frau sein im Holocaust. Dresden, 2008.

²⁴ Женщины и Холокост: Мужество и милосердие//Учебное пособие. Нью-Йорк, 2011.

²⁵ Там же. С. 5.

ностей женщин», закрепленные в Цели 5 ООН в области устойчивого развития²⁶, ООН способствовала выработке научной интерпретации проблемы гендерного насилия, имеющей существенное значение для исследований Холокоста. Согласно «Декларации об искоренении насилия в отношении женщин», принятой резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г., «...насилие в отношении женщин является проявлением исторически сложившегося неравного соотношения сил между мужчинами и женщинами, которое привело к доминированию над женщинами и дискриминации в отношении женщин со стороны мужчин, а также препятствует всестороннему улучшению положения женщин... насилие в отношении женщин является одним из основополагающих социальных механизмов, при помощи которого женщин вынуждают занимать подчиненное положение по сравнению с мужчинами»²⁷. Только в 2010 г. появилась коллективная монография, специально проблематизирующая тему сексуального насилия в отношении еврейских женщин во время Холокоста²⁸.

Осознание того, что именно женщины могут свидетельствовать о преступлениях нацизма, в том числе насилия, совершаемого в концлагерях, пришло к женщинам же, представительницам разных категорий узниц еще во время Второй мировой войны и было обнародовано сразу по ее окончании. Немецкая коммунистка Лина Хааг (1907–2012), имевшая опыт пребывания в гитлеровских тюрьмах и женском концентрационном лагере в Лихтенбурге, бывшая свидетельницей преследования и еврейских женщин, одной из первых в опубликованных в 1947 г. автобиографических записках «Горсть пыли» призвала к звучанию «голосов живых свидетелей» совершавшегося там «чудовищного насилия», среди которых, как

²⁶ Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек // Цели ООН в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/> (дата обращения: 18.10.2020).

²⁷ Декларации об искоренении насилия в отношении женщин // ООН. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 18.10.2020).

²⁸ Sexual Violence against Jewish Women during the Holocaust / edited by Sonja M. Hedgepeth and Rochelle G. Saidel. Waltham, 2010.

она знала, «было много мужественных женщин»²⁹. Однако еврейские женщины, пережившие Холокост, не смогли заговорить, как и многие другие женщины-жертвы нацизма.

Важно подчеркнуть, что изучение данного феномена исходит не просто из концепта травмы, но из понимания опытов гендерной травмы³⁰, различий переживания гендерного насилия. Философ Виктория Суковатая делает важные выводы на этот счет применительно к условиям тоталитаризма: «Гендерная травма не артикулирована как проблема в массовом сознании. “Травмированная” женщина обычно остаётся “молчащей” женщиной, ибо общество не способствует осознанию ею её субъективности. Для выражения своей гендерной субъектности женщине необходимо противопоставить себя патриархатным ценностям семьи, рода, нации, получив, неизбежно, статус “оппортунистки” и “предательницы”. Однако боль гендерной раны продолжает существовать в глубинах сознания и подспудно влиять на решения, поступки, настроения женщины»³¹. Изучение данной проблематики осуществляется на стыке исследований Холокоста и женских исследований на основе гендерной методологии, позволяющей обеспечить феминистские интерпретации истории Холокоста³². Доктор Дейдре Батлер в блестящей статье об исследованиях Холокоста в США отметила, что «изучение женщин и Холокоста — одно из самых быстрорастущих направлений исследований Холокоста. Хотя не все женщины-ученые работают конкретно с женщинами, среди них существует консенсус в отношении того, что женщины действительно должны учитываться при изучении Холокоста»³³.

²⁹ *Хааг Л.* Горсть пыли / пер. с нем. 2-е изд. М., 1987. С. 8.

³⁰ *Hirth B. B.* The Limits of Language: Gender, Trauma and the Holocaust: A Thesis for the Degree of Master of Arts in English. Central Connecticut State University, New Britain, Connecticut, 2008; *Hyder E.* Women in the Holocaust: the memoirs of Ruth Kluger, Cordelia Edvardson, and Judith Magyar Isaacson: A Thesis for the Degree of Master of Arts. Graduate College of Bowling Green State University, 2009.

³¹ Суковатая В. Устные истории, гендерная память и женские стратегии выживания в эпоху сталинизма // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2010. № 2 (35). С. 347.

³² *Potter E.* Op. cit. P. 34–45.

³³ *Butler D.* Op. cit.

Методологические подходы, обладающие при этом наибольшей эвристической значимостью, связаны с гендерной антропологией, изучающей насилие как антропологический феномен и делающей акценты на выявлении различий, а не сходств; теорией интерсекциональности, анализирующей женский опыт как пересечение дискриминаций и позицию сексуальной уязвимости; концептом гендерного насилия, имеющего системный характер как механизм социального подчинения женщин. Также Э. Поттер в работе «Феминистские интерпретации истории Холокоста» отмечает, что и «метод Alltagsgeschichte, истории повседневной жизни, использовался феминистскими историками Холокоста, чтобы выделить коллективный женский опыт Холокоста»³⁴.

В контексте теории интерсекционализма изучение опытов жизни и выживания женщин в условиях Холокоста приобретает особую актуальность и эвристическую значимость. Как утверждает Дейдре Батлер, вслед за Марион Каплан, «еврейские женщины подвергались двойной стигматизации со стороны антисемитизма и сексизма»³⁵. Каким бы ни было положение женщин в негласной иерархии, они всегда сохраняли сексуальную уязвимость, допустимость в отношении себя разнообразных проявлений гендерного насилия, включая сексуальное³⁶, выраженную роль жертвы, при всей сложности их определения, о чем пишет Карен Ховард («женщины не подходят под один заранее определенный ярлык «жертвы»... женский опыт и жертва также неоднородны»)»³⁷, несмотря на виды деятельности и способности адаптироваться к жизненным обстоятельствам. Применение концепта гендерного насилия к анализу положения женщин, выявление конкретных практик и структур институализированных насильствен-

³⁴ *Potter E.* Op. cit. P. 36.

³⁵ *Butler D.* Op. cit.

³⁶ Krieg und Geschlecht: sexuelle Gewalt im Krieg und Sex-Zwangsarbeit in NS-Konzentrationslagern / I. Eschebach, R. Mühlhäuser (Hrsg.). Band 3 von Materialien der Stiftung Brandenburgische Gedenkstätten. Metropol, Berlin 2008; Sexual Violence against Jewish Women during the Holocaust / edited by Sonja M. Hedgepeth and Rochelle G. Saidel. Waltham, 2010.

³⁷ *Howard K.* Challenging definitions of female victims of war. [Electronic resource]. URL: <https://karentrebyhoward.wordpress.com/2018/10/18/challenging-definitions-of-female-victims-in-war/> (дата обращения: 18.10.2020).

ных действий в нацистских концлагерях (включая калечащие медицинские эксперименты), влекущих за собой нанесение физического, психологического, сексуального урона, причинение ущерба здоровью и страданий, связанных со всеми видами деприваций, вместе с тем трансформация всех проявлений телесного «женского» опыта (беременности, родов, материнства) в травматический при любом исходе (сохранение цикла менструации при отсутствии гигиенических средств или возникающая аменорея, сохранение беременности или ее прерывание, вынужденный аборт по собственной воле или насильственный аборт, роды и лишение жизни новорожденного на глазах у матери, выхаживание младенцев с угрозой для жизни и матери, и ребенка или необходимость сделать выбор в пользу сохранения жизни одного из своих детей) и потенциально опасный для жизни и выживания позволяют обозначить круг новых проблем, подлежащих исследованию. Как уже говорилось выше, Дж. Рингельхайм назвала опыт женщин во время Холокоста «выбором без выбора».

В рамках Holocaust Studies особую актуальность приобретает тема взаимной поддержки женщин как один из ресурсов выживания в Холокосте. Апеллируя к историографическим выводам Джоан Рингельхайм³⁸ о сплоченности и последовательной взаимовыручке и взаимоподдержке женщинами друг друга в период нахождения в лагере, благодаря чему им удавалось лучше, чем мужчинам, приспособляться к новым условиям и выживать, можно поставить ряд исследовательских проблем, связанных с пребыванием женщин в нацистских концлагерях. Как ни парадоксально, но традиционные гендерные роли заботы о других, самопожертвования и обесценивания себя ради благополучия близких, способность «создавать или воссоздавать “семьи” и тем самым обеспечивать сети выживания»³⁹, потребность в эмоциональной близости и опоре способствовали тому, что, по мнению Дж. Рингельхайм, «женщин выживало больше, чем мужчин»⁴⁰.

Мужчины выступали в этой ситуации в позиции двойной маргинализации, характерной обычно для женского статуса — как ев-

³⁸ Рингельхайм Дж. Указ. соч. С. 254–279.

³⁹ Ringelheim J. Op. cit.; Рингельхайм Дж. Указ. соч. С. 261.

⁴⁰ Рингельхайм Дж. Указ. соч. С. 260.

реи и как заключенные, лишённые шансов на выживание вне взаимной поддержки. Заключенные мужчины-евреи, ставшие жертвами нацистского режима, в ряде случаев оказывались в отношении женщин-узниц такими же насильниками, как и представители лагерных служб. Лишившись личной семейной власти над женами, олицетворяющей собой устойчивый социальный порядок и принятый гендерный контракт, мужчины-узники утрачивали человеческую, межгендерную, этническую солидарность и, находясь сами в ущемленном положении, были готовы причинить ущерб посредством открытого сексуального насилия.

Таким образом, исследование женского опыта во время Холокоста не только позволяет понять многомерность и универсальность насилия в отношении женщин. Жертвы-женщины составляли одну из «молчащих групп» в соответствии с теорией Эдвина Арденера, которая вынуждена молчать или временно оставаться вне пространства артикуляции. Женщины, составлявшие половину еврейского населения и половину погибших в Холокосте, могут быть рассмотрены как «немая», «молчащая» группа, находившаяся в позиции двойной стигматизации со стороны антисемитизма и сексизма как еврейки и как женщины, опыт которых, обесцененный в историческом прошлом, впоследствии оставался невидимым и для ученых-мужчин, изучавших «историю Холокоста, как если бы это была только история мужчин в Холокосте»⁴¹. Женщины-ученые, сделавшие учет гендерных факторов основной категорией анализа, стали ставить вопросы о Холокосте, которыми не задавались ученые-мужчины, включая табуированные темы сексуальности и насилия из области так называемой «запретной» антропологии. Феминистские интерпретации истории Холокоста включили в него прежде маргинальные сюжеты и темы, целостное осмысление практик гендерного взаимодействия, исследования роли и опыта женщин, бросающих вызов пониманию женщин и Холокоста и меняющих представления о нем и его изучении.

⁴¹ Butler D. Op. cit.

Егор Иванович Кудрин
(Екатеринбург, Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА

Аннотация. В статье рассматривается деятельность надзирательниц нацистских концентрационных лагерей на завершающем этапе их функционирования, эвакуации или ликвидации, во время так называемых «маршей смерти». Надзирательницы, ранее отличавшиеся жестокостью по отношению к заключенным, кардинально меняют свое отношение к ним, понимая неизбежный конец Третьего Рейха и стремясь облегчить свою судьбу. Дается обзор первых послевоенных судебных процессов, на которых фигурировали бывшие надзирательницы концентрационных лагерей.

Ключевые слова: концентрационный лагерь, надзирательницы, марш смерти, освобождение концентрационных лагерей, послевоенные процессы.

К январю 1945 г. численность надзирательниц в концентрационных лагерях достигала 3508 человек, что составляло примерно 10% от общей численности лагерного персонала. Данное число подтвердил в своих показаниях перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге бывший комендант Равенсбрюка штурмбаннфюрер СС Фриц Зурен¹. Впоследствии эти цифра укоренилась в отечественной и зарубежной историографии. В настоящее время исследователи сходятся в мнении, что за всю историю существования женских лагерей и лагерных отделений для женщин в системе нацистских концентрационных лагерей с 1938 г. служили 4297 надзирательниц².

¹ Deposition on oath by Suhren, Fritz // Nazi Conspiracy and Aggression. Vol. VII. Washington, 1946. P. 211.

² Кудрин Е.И. Численность надзирательниц в нацистских концлагерях. Опыт реконструкции /Е.И. Кудрин // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (148). С. 175–184.

Большинство женщин оказалось на службе в системе концлагерей добровольно: одних привлекала высокая заработная плата и преимущества государственной службы, других — относительно не тяжелые условия труда. С января 1943 г. с началом всеобщей мобилизации руководство военных и промышленных предприятий привлекают своих служащих и работниц для надзора над заключенными близлежащих лагерей, принудительный труд которых промышленники начинают активно использовать. Обязательным условием привлечения принудительного труда заключенных-женщин на промышленных и военных предприятиях являлось предоставление достаточного числа надзирающего персонала из числа собственных сотрудниц для соответствующего инструктажа (в Равенсбрюке или другом близлежащем лагере) и облечения всеми полномочиями.

Начиная с 1990-х гг. надзирательницы привлекают пристальное внимание исследователей самых разнообразных отраслей знаний (историки, социологи, антропологи, психологи и т. д.), поскольку, несмотря на их незначительную численность и относительно маргинальное положение в лагерной иерархии, они формировали неотъемлемую часть и обуславливали повседневную жизнь заключенных, поскольку мужчинам-охранникам доступ в женские отделения лагерей был, как правило, запрещен. На них возлагались, в первую очередь, обязанности по несению охраны заключенных на работах за периметром лагеря. Надзирательницы же следили за порядком и чистотой на территории лагеря, жилых (блокфюрерин) и производственных помещений (коммандофюрерин), отвечали за проведение утренней и вечерней поверки и численность заключенных в лагере (раппортфюрерин). Наконец, во главе женского персонала стояла старшая надзирательница (оберауфзеерин), контролировавшая как деятельность находившихся в ее подчинении надзирательниц, так и заключенных.

Фактически надзирательницы занимали промежуточную позицию между комендатурой с ее разветвленной строгой командно-иерархической структурой и собственно заключенными. Женщины не являлись членами СС, организации сугубо мужской, таким образом, не могли отдавать приказы мужчинам, служившим в ла-

герях, независимо от ранга и должности последних. С другой стороны, будучи так называемым «сопровождением СС» (*SS-Gefolge*), деятельность женщин-надзирательниц подпадала под юрисдикцию суда СС в случае совершения каких-либо служебных правонарушений.

В массовой культуре образ надзирательницы предстает одиозным. Воспоминания бывших заключенных-женщин рисуют мрачные картины лагерной повседневной жизни, полной жестокостей и издевательств, которым подвергали их бывшие надзирательницы иногда в качестве наказания за малейшее нарушение лагерного распорядка, иногда из личной неприязни, иногда просто от скуки или дурного настроения.

Тем не менее, невозможно унифицировать поведенческие модели этой в значительной степени неоднородной с социальной, возрастной и профессиональной точки зрения группы сотрудниц концлагерей. Были среди них и те, кто рискуя собственной свободой и жизнью, помогали бывшим заключенным, пронося в лагерь продукты питания, медикаменты и прочие запрещенные предметы (периодические издания, письма и небольшие посылки от родных и близких)³. Подобные случаи встречаются практически во всех лагерях, включая Майданек и Аушвиц.

С продвижением восточного фронта вглубь территории Рейха и эвакуацией лагерей на Востоке (Майданек) среди рядового персонала наблюдается изменение поведенческих моделей. Надзирательницы, ранее отличавшиеся чрезвычайной жестокостью по отношению к заключенным, осознавая близкий и неизбежный конец, меняют к ним отношение: снабжают столь необходимыми едой и водой, даже спят вместе с ними⁴. Примером тому может служить Алиция Орловски (30.09.1903), прославившаяся своей жестокостью в Майданеке и Плашове. Сохранились многочисленные воспоминания бывших заключенных, свидетельские показания во время процессов в Кракове (24 ноября–22 декабря 1947 года) и Дюссельдорфе (26 ноября 1975–30 июня 1981 г.), характеризую-

³ Instytut Pamięci Narodowej (далее — IPN). IPN GK 196/141. S. 173–174.

⁴ IPN. IPN GK 196/144. S. 312–317.

щие деятельность этой надзирательницы в лагерях: побои, участие в так называемых детских акциях и селекциях для заключенных для отправки в газовые камеры. Во время «марша смерти» из Аушвиц в Лослау А. Орловски начинает заботиться о благополучии заключенных. Таким образом, бывшие надзирательницы, запятнавшие кровью свои руки, стремились облегчить свою послевоенную участь. Тем не менее, Верховный национальный трибунал в Кракове приговорил Орловски к пожизненному тюремному заключению, которое впоследствии было сокращено до 10 лет. Второго вердикта А. Орловски уже не дождалась, скончавшись в 1976 г. во время самого долгого в истории послевоенной Германии судебного процесса в Дюссельдорфе, рассматривавшего дела бывших сотрудников лагеря Майданек (Люблин).

Другие надзирательницы в ходе так называемых «Маршей смерти» не меняли своей модели поведения. Рут Хилднер (01.11.1919) и Ингеборг Ассмусс (07.04.1923) снискали славу жестоких садисток, сопровождая заключенных из лагерного отделения Хелмштедт по направлению в Волари (с 13 апреля по 5 мая 1945 г.) маршем смерти, во время которого по некоторым оценкам погибло порядка 278 человек⁵. Надзирательницы подгоняли изможденных узниц палками или указывали на обессиливших женщин конвоирам, сопровождавшим группу. Те отводили их в лес и расстреливали. Рут Хилднер была арестована американцами и предстала перед чрезвычайным народным судом в г. Писек (Чехословакия), приговорившем ее к смертной казни через повешение 2 мая 1947 г.

Ее коллега Ассмусс так и не предстала перед судом. Вплоть до своей смерти в августе 1996 г. она прожила незаметную жизнь, скрывая свое темное прошлое и избежав, в конечном счете, заслуженного наказания⁶.

После войны судьба бывших надзирательниц сложилась по-разному. Во-первых, необходимо отметить, что крайне незначительное число женщин предстало перед правосудием. Большинству женщин удалось избежать наказания. В 1945–1949 гг. в Британ-

⁵ BStU. MfS HA IX/11. RHE 50/69 Teil 1; Blatman D. *The Death Marches: The Final Phase of Nazi Genocide*. Cambridge, 2011. P. 192.

⁶ *Bazyler M.J., Tuerkheimer F.M. Forgotten Trials of the Holocaust*. NY., 2015. P. 165.

ской зоне оккупации оказались на скамье подсудимых 49 женщин в рамках 5 судебных разбирательств, в Американской зоне оккупации — 89 человек, во Французской — 25, наконец, в Советской — порядка 99 человек⁷. В Австрии к военному суду были привлечены 12 человек, Голландии — 19, Польше — 95; бывшей Чехословакии — 61 человек⁸. Во-вторых, большинство приговоров отличалось мягкостью по сравнению с приговорами, вынесенными мужчинам. В Британской зоне оккупации, отличившейся наибольшим числом смертных приговоров, к повешению были приговорены 8 женщин из числа бывших надзирательниц, в Польше — 9, в Чехословакии, по крайней мере, — 3. Американцы не вынесли ни одного смертного приговора женщинам. Во Французской зоне оккупации все смертные приговоры были пересмотрены в сторону их смягчения. Советскими военными трибуналами к высшей мере наказания были приговорены 4 бывшие надзирательницы.

Крайне неожиданным образом сложилась судьба надзирательницы, стоявшей у истоков системы лагерей для женщин. Йоганна Лангефельд (05.03.1900) служила в Лихтенбурге (с 1938 г.), Ра-венсбрюке (с 1939 г.) и Аушвице (1942 г.). Без сомнения, являясь старшей надзирательницей и входя в руководящий состав концлагерей, Й. Лангефельд напрямую или косвенно несет ответствен-

⁷ *Coburger M.* Ehemalige KZ-Aufseherinnen als Internierte und SMT-verurteilte Häftlinge im sowjetischen Speziallager Sachsenhausen (1945–1950) // Im Gefolge der SS: Aufseherinnen des Frauen-KZ Ravensbrück. S. 154, Elling H., Krause U. Die Ravensbrück-Prozesse vor französischen Militärgerichten in Rastatt und Reutlingen, in: Informationen des Studienkreises Deutscher Widerstand 1933–1945, 37/38 (1993), S. 22–36, Eschebach I. Gespaltene Frauenbilder: Geschlechterdratargien im juristischen Diskurs ostdeutscher Gerichte // „Bestien“ und „Befehlsempfänger“: Frauen und Männer in NS-Prozessen nach 1945. Göttingen Vandenhoeck und Ruprecht, 2003. S. 96, Pendaries Y. Les procès de Rastatt (1946–1954), Frankfurt a. M., 1995, Schwarz J. Die französischen Militärgerichtspozesse gegen KZ-Aufseherinnen. Probleme und Grenzen der Beweisführung // Im Gefolge der SS: Aufseherinnen des Frauen-KZ Ravensbrück. S. 129–141.

⁸ *Lasik A.* SS-Aufseherinnen von polnischen Gerichten // Im Gefolge der SS: Aufseherinnen des Frauen-KZ Ravensbrück. S. 170, Rudorff A. Die Strafverfolgung von KZ-Aufseherinnen in Polen // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Jg. 61. Heft 4. 2013. S. 331.

ность за санитарно-бытовые условия содержания заключенных, их питание, участие в разного рода отборах заключенных (для медицинских экспериментов, перевода в другие лагеря и уничтожения). Тем не менее, бывшие заключенные единогласны в одном: актов жестокого обращения по отношению к заключенным Лангфельд никогда себе не позволяла. Наоборот, старалась облегчить их участь, уничтожая доносы других надзирательниц. Ее деятельность и перманентные конфликты с мужским руководством лагерей привели к тому, что в 1943 г. сама Лангфельд оказалась под арестом за симпатию, которую она проявляла к польским заключенным.

В 20 декабря 1945 г. Лангфельд была арестована американцами и экстрадирована в Польшу в сентябре 1946 г. Здесь она ожидала начала процесса в тюрьме в Монтелюпиче (Краков), когда бывшие польские заключенные Равенсбрюка организовали ее побег 23 декабря 1946 г. Несколько лет бывшая старшая надзирательница скрывалась в монастыре, пока, наконец, в 1958 г. не бежала в Германию, где жила вплоть до смерти в 26 января 1974 г.

Иначе сложилась судьба коллег Лангфельд Эммы Циммер (14.08.1888) и Марии Мандль (10.01.1912), чья профессиональная траектория была во многом схожа с траекторией их бывшей коллеги и начальницы. Обе начали службу в Лихтенбурге в 1938 г.: одна в поисках более высокой заработной платы, другая — элементарных средств к существованию. М. Мандль впоследствии (22 апреля 1942 г.) возглавила Равенсбрюк, а когда ее перевели в Аушвиц (8 октября 1942—30 ноября 1944 г.) на место Й. Лангфельд, не работавшейся с тогдашним комендантом, способствовала переводу Э. Циммер в качестве своей помощницы. М. Мандль, фактически добившаяся неограниченной власти, прославилась как садистка, участвовала в селекциях заключенных и других индивидуальных и групповых актах жестокости⁹.

Мария Мандль после войны была арестована 10 августа 1945 г., экстрадирована в Польшу 6 ноября 1946 г., где и была казнена

⁹ Müller M. Die Oberaufseherin Maria Mandl. Werdegang, Dienstpraxis und Selbstdarstellung nach Kriegsende // Im Gefolge der SS. S. 48–58.

24 января 1948 г. по приговору Верховного национального трибунала в Кракове.

Эмма Циммер 12 мая 1945 г. была арестована и предстала перед Британским военным трибуналом (2–21 июля 1948 г.), приговорившим ее к смертной казни через повешение, в том числе, за отбор заключенных для отправки в другие лагеря «осознавая природу и возможные последствия, которые данные селекции могут иметь для заключенных»¹⁰.

Зачастую, говоря о жестокости лагерного персонала, мы должны понимать, что это был вопрос личного выбора. Жестокость лагерного персонала эксплицитно была запрещена, о чем свидетельствуют правила внутреннего распорядка, с которыми все сотрудники лагерей были ознакомлены. Однако, сам социальный конструкт концентрационных лагерей способствовал трансформации персонала, снимая психологические и этические ингибиторы. На завершающем этапе существования системы концентрационных лагерей рядовой персонал лагерей, к которому относились и надзирательницы, осознавая неминуемое поражение в войне и неизбежное наказание за совершенные преступления, адаптирует свои поведенческие модели сложившимся обстоятельствам. Другие же сохраняют верность режиму и продолжают привычную линию поведения.

¹⁰ PRO. WO 235/529B.

Раздел 2. Источники и историография об освобождении союзниками гетто и концлагерей

*Джеремии Хикс
(Лондон Великобритания)*

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛАГЕРЕЙ В ОТРАЖЕНИИ АНГЛИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация. В статье дан сравнительный анализ освещения освобождения Майданека и Аушвица в периодической печати Великобритании и СССР. Показано значение фронтовой прессы при изучении этих событий в «режиме реального времени».

Ключевые слова: Майданек, Аушвиц, фронтовая печать, союзники, Адександр Верт, месть.

Тема статьи — освещение в периодической печати освобождения концлагерей, прежде всего, лагеря Аушвиц (Освенцим). Этот сюжет в научной литературе подробно отражен в монографии моего коллеги из Великобритании Дэна Стоуна¹. Эта книга ценна тем, что автор попытался создать полную картину освобождения лагерей: не только британцами и американцами, которых он называет «западными союзниками», но и советскими войсками, показав как Красная Армия освободила Майданек и Аушвиц. Таким образом, в этой монографии представлена синтетическая картина освобождения лагерей союзниками.

Я же буду говорить про освещение этой темы в советской армейской прессе. Но сначала несколько слов о Великобритании. Как известно, британское общество не сразу поверило советской

¹ Dan Stone. The Liberation of the Camps. The end of the Holocaust and its aftermath. New Haven, CT: Yale University Press. New Haven, 2015.

прессе о нацистских зверствах в целом и об освобождении концлагерей в частности. Так, не вышел в эфир репортаж корреспондента газеты *The Sunday Times* и радиокompании BBC Александра Верта про освобождение Майданека²: редакторы BBC посчитали, что это советская пропаганда. Лишь когда британские войска освободили Берген-Бельзен в апреле 1945 г., вышел целый ряд статей в британской прессе. И могло показаться, что именно британцы нашли в этих лагерях что-то беспрецедентное, и что именно Берген-Бельзен был самым страшным, самым убийственным из всех нацистских концлагерей. Как мы знаем, это было далеко не так. Хотя авторы этих статей обратили внимание на особую судьбу евреев в этих лагерях, но не уделили этому вопросу слишком много места. Как подчеркивает Д. Стоун, в основном британцы, как и другие союзники посчитали, что все эти преступления и их фиксация относятся к национальной истории. Британская версия должна была подчеркивать именно британскую сторону событий и поэтому не требовалось обратить внимание читателя на особую судьбу еврейских узников, так как это не было важным для такой интерпретации. Тем не менее — это последний момент, на который я обращаю внимание относительно британской интерпретации — именно читатели таких сообщений сделали выводы об особом характере этих преступлений. В официальной версии это интерпретировалась так: теперь мы знаем, против чего мы воюем. Читатели часто писали, что «хороший немец — это мертвый немец» и т. п. Тема мести в таких откликах присутствует очень сильно, точно также, как и в советской прессе.

² См. Александр Верт. *Россия в войне 1941–1945*. — М.: Прогресс, 1967. «Майданек, — писал А. Верт, — ярче, чем все остальное, показал истинную природу, масштабы и последствия нацистского режима в действии. Ибо здесь было огромное промышленное предприятие, где тысячи «простых» немцев трудились полный рабочий день над уничтожением миллионов других людей... относясь к происходящему с деловитой уверенностью в том, что это такая же работа, как и любая другая».

Именно освобождение Майданека привело к появлению в центральной советской прессе статей многих известных советских писателей и поэтов — К. Симонова, Б. Горбатова, Е. Кригера, Е. Долматовского. Это удивительно, если сравнить с откликами на освобождение Аушвица, о котором в советской центральной прессе писали сравнительно мало. Самая главная публикация — это статья Бориса Полевого «Комбинат смерти в Освенциме» («Правда», 2 февраля 1945). Отметим и статью С. Крушинского в «Комсомольской правде». Кроме этого в центральных газетах практически ничего не было.

Но в армейской прессе, в тех газетах, которые издавались подразделениями 1 Украинского фронта, в частности, 60-й армии, освободившей Аушвиц, мы можем найти довольно много публикаций.

Такие армейские газеты выходили раз или два раза в неделю. Они были написаны непосредственно на фронтах. Если фронтально читать эти газеты, то бросается в глаза особенная трактовка нацистских зверств. Они чаще всего писали о преступлениях именно против советского населения и общий вывод авторов состоял в том, что солдаты в бою должны отомстить за них.

Примером может служить статья в газете «Фронтовик» 3-й ударной армии от 7 февраля 1945 г.

В основном фронтовые газеты писали о том, что главные жертвы — советские люди и Красная Армия должна освободить именно их. Даже уже при описании боев в Германии типичны заголовки статей «Я вызволю тебя, сестра, из неволи!» или «Я спасу тебя, Петрусь». Даже накануне освобождения концлагерей главный тезис фронтовой печати: там наши люди, своих людей надо освободить.

Переходим к периоду освобождения Аушвица. Газета 60-й армии «Армейская правда» сообщала в конце января 1945 г. прежде всего об освобождении Кракова, а про Аушвиц писала довольно скупо. Но в день освобождения лагеря в ней можно найти такие строки: *«здесь был свой Майданек. Лагерь смерти в Освенци-*

ме и лагерь заложников в Плашуве. Шесть тысяч человек томилось в заложниках». Т.е. об освобождении Аушвица сообщалось оперативно, 27 января, но о том что же на самом деле представлял собой лагерь смерти фронтовые корреспонденты узнали позже. Через 3 дня, 30 января 1945 г., «Армейская правда» посвятила этому и самому освобождению уже целую полосу.

В заголовке статьи приведены уже не цифры освобожденных узников, а число погибших. Причем ошибочно указывалось о 6 миллионах. Мы знаем, что это не так, это была ошибка. Но, тем не менее, это уже показатель, что журналисты начали понимать масштабы массового уничтожения людей в этом лагере. Но при этом эти данные интерпретировались так, что жертвами были именно советские люди. Это можно увидеть на рисунке, которым сопровождалась статья: с одной стороны, Красная Армия освобождает лагерь, а вот иллюстрация кого именно освобождает — советских людей с повязками «Ost».

Некоторые авторы пытались понять, что же на самом деле там происходило. Иногда находим упоминания, что в этом лагере первыми уничтожали евреев и поляков. А это уже не только «свои люди», не остарбайтеры и т. д. В той же статье обращено внимание на газовые камеры. Статья называется «Вот он, новый порядок». Главным образом журналисты брали интервью у остарбайтеров. В их числе была украинка Мария Горбанек, которая описывала функционирование трудового лагеря. Она явно обладала весьма скудной информацией, упоминая лишь один транспорт, прибывший весной 1944 г., пассажиров которого сразу же уничтожили. Очевидно, что она смутно представляла полную картину и функцию этого лагеря.

Я считаю, что материалы армейской прессы заслуживают большего внимания исследователей. Действительно, интерпретация событий нацелена на призывы «освободите», «отомстите», «за своих отомстите». Это вполне объяснимая первая реакция на то, что увидели и узнали освободители. Несомненно, эта информация неполна и противоречива. Но именно в этой противоречивости лежит

ее истинная ценность для историков. Мы можем узнать больше фактов из этих источников, чем из статей Б. Полевого в «Правде», потому что они более ориентированы на точку зрения именно этих свидетелей, которые особенно не обращали внимание на факт массового уничтожения жертв Холокоста.

*Филипп Букара
(Париж, Франция)*

МАРК ЯРБЛЮМ — ПУБЛИКАТОР ОТЧЕТОВ О МАЙДАНЕКЕ И АУШВИЦЕ В 1944–1945 гг. В ПАРИЖЕ И ЖЕНЕВЕ

Аннотация. В статье рассматривается история первых публикаций в Швейцарии и Франции сведений о деятельности нацистских лагерей смерти и судьбе жертв Холокоста. Установлено авторство М. Ярблума в подготовке к печати этих документов и уточнены даты их первых изданий.

Ключевые слова: Майданек, Аушвиц, Марк Ярблум, «протоколы Аушвица», Гистадрут.

Информация об освобождении нацистских лагерей в период с июля 1944 года по май 1945 года вызвало ужас и шок в Западной и Восточной Европе. Как известно, многочисленная информация о лагерях доходила до правительств союзников задолго до освобождения. Оглядываясь назад, можно задать неудобный вопрос: так как же нам смириться с тем фактом, что эта информация не была предоставлена широкой публике, или (если в какой-то степени она и была распространена) почему даже не была полностью внедрена в общественное сознание? Уже тогда можно было ощутить сложность пробивания воображаемой стены замалчивания. Данная статья направлена на изучение обстоятельств, связанных с первой публикацией на французском языке документов, которые историки называют «протоколами Аушвица»¹. Это четыре публикации, из которых первые две были опубликованы в Женеве в сентябре

¹ Вопрос о первых публикациях на французском языке этих документов рассматривался Аннетт Вевьоркой (*Déportations et génocide*, Paris, Plon, 1992), Дидье Эпельбаумом (*Pas un mot, pas une ligne. 1944–1994: des camps de la mort au génocide rwandais*, Paris, Stock, 2005), Франсуа Азуви (*Le mythe du grand silent — Auschwitz, les Français, la mémoire*, Paris, Fayard, 2012) и Лор Фуртаж (*Et après? Une histoire du secours et de l'aide à la réinsertion des rescapés juifs des camps nazis — France, 1943–1948*, thèse de doctorat, Paris I, 2019). Цель данной работы — предоставить дополнительные источники и объяснения.

1944 года, а две другие — в январе и марте 1945 года в Париже. Все они подготовлены одним автором, Марком Ярбломом, хотя его имя фигурирует только в четвертой публикации.

Женева

Анонимный буклет на 96 страницах «*La lute des Juifs contre les nazis*» («Борьба евреев с нацистами») вышел в Женеве с предисловием, датированным августом 1944 года. Он был издан Editions Hist (Гистадрутом, Еврейским профсоюзом Палестины), скорее всего, в сентябре. Его основная тема — обзор еврейского сопротивления в Европе и вклада евреев в военные действия союзников. В цитатах из документов, переданных подпольными организациями, упоминается не только Треблинка (с ошибочным указанием, что она находится недалеко от Люблина!), но также Собибор и Белжец. Выдержки из показаний двух евреев, бежавших из Аушвица (Рудольфа Врба и Альфреда Вецлера), приведены в приложении. В предисловии также цитируются их слова и решительно осуждается бездействие союзников и международных организаций, несмотря на то, что им было известно об преступлениях против евреев. Следует отметить, что в список нацистских преступлений включено убийство польских офицеров в Катыни, что отражает данные советской пропаганды.

В тот же период издается буклет объемом в 78 страниц без имени автора, места и даты публикации под названием «*Souvenirs de la maison des morts. Le Massacre des Juifs. Documents inédits sur les camps d'extermination*» («Воспоминания из дома мертвых. Убийство евреев. Неопубликованные документы о лагерях смерти»). Мы можем опираться на несколько источников, чтобы определить, что он вышел осенью 1944 года в Женеве:

— Двойная аннотация (написанная от руки и напечатанная на машинке) Марка Ярблома на копии из его архива, хранящемся в Яд Вашем².

² Файл P7/5. В библиотеке Мемориала Шоа в Париже есть копия со следующей надписью: «Documents à faire lire autour de vous, je vous prie» («Пожалуйста, разошлите эти документы кому возможно, чтобы они были прочитаны»),

— Дата («1944»), указанная в «*Liste mensuelle d'ouvrages catalogués à la Bibliothèque de la Société des Nations*» (ежемесячный список книг, каталога Библиотеки Лиги Наций), изданный в Женеве в начале 1945 года.

— Указание преподобного Жака Пужоля: «вероятно, в Швейцарии, в конце 1944 года, один из первых печатных текстов о Холокосте» в «избранной библиографии» его «тематического и биографического словаря «*Protestants dans la France en guerre, 1939–1945*» («Протестанты Франции на войне, 1939–1945»)»³.

— Более того, Жак Пужоль, Филипп Жутар и Патрик Кабанель объясняют в своем справочнике «*Cévennes, terre de refuge*» («Севенны, земля убежища»), что преподобный Жак Мартен, Праведник народов мира, действовавший в регионе Лангедок, дал им копии буклета, который он, вероятно, получил вскоре после его публикации. По их оценкам, это было «не до освобождения юга Франции», которое началось 15 августа 1944 года, а в полной мере было осуществлено в сентябре⁴.

Буклет содержит следующие сведения: «Донесение о концентрационном лагере Аушвиц в Польской Силезии», приписываемый «польскому офицеру, который в течение длительного периода был интернирован в Аушвице» и полностью «Отчет о лагерях Аушвиц, Биркенау и Майданек», написанный Рудольфом Врба и Альфредом Вецлером, имя которых не было указано. Эти два текста сопровождаются схематическими планами, предисловием без подписи и приложением, цитирующими протоколы судебного процесса над немецкими военными преступниками, проходившего в Харькове в декабре 1943 года. Первым представленным документом является отчет польского майора Ежи Табо, интернированного в Аушвице под вымышленным именем Ежи Весоловского, которому 19 декабря 1943 года удалось бежать вместе с Романом Целишко. Отчет был

с подписью З.Ч. Вероятно, это связано с раввином Залманом Шнеерсоном, который жил в районе Гренобля; двоюродный брат Исаака Шнеерсона, который основал Современный еврейский центр документации (предшественник Мемориала «Шоа») в 1943 году также в Гренобле.

³ Paris, Editions de Paris, 2000, p. 280.

⁴ Montpellier, Presses du Languedoc, 1987, p. 262.

составлен в декабре 1943 -январе 1944 года, затем перепечатан в Женеве в августе 1944 года и распространен по инициативе польского правительства в изгнании. Показания Врбы и Вецлера, словацких евреев, которые бежали 7 апреля 1944 г., были отредактированы примерно 24 апреля. Эти два документа легли в основу официальной американской публикации Коллегии Бюро по делам военных беженцев в Вашингтоне 26 ноября под названием «Немецкие лагеря смерти Аушвиц и Биркенау — два свидетельства очевидцев». Можно утверждать, что их публикация в Женеве на французском языке, скорее всего, предшествовала публикации на английском языке⁵.

Цитаты, приведенные в приложении под заголовком «Признание», взяты из книги «Преступление и наказание — Харьковский процесс», опубликованной в Женеве 20 февраля 1944 года⁶, делающие прямую отсылку к Достоевскому... Они фокусируются на перекрестном допросе офицера СС Хайниша о массовых отравлениях газом. В предисловии приводится факт, что распространение информации об Аушвице сделало возможным международное давление, которое позволило летом 1944 года приостановить депортацию евреев из Венгрии.

Париж

В январе 1945 года «*La lutte des Juifs contre les nazis*» было переиздано в Париже издательством Editions Réalité. Предисловие, датированное октябрём 1944 года, осталось без изменений. В библиотеке Alliance Israélite Universelle (Всемирный еврейский союз) в Париже есть экземпляр с дарственной надписью Марка Ярблума писателю Анри Герцу и его жене, датированной 15 декабря 1944 года. Автор-

⁵ Позже историки решили описать их как «Протоколы Освенцима», связав их с третьим документом, свидетельством Арнольда Розина и Чеслава Мордовича, двух других словацких евреев, бежавших из Освенцима 27 мая 1944 года. См. Золтан Тибори Сабо: «Отчеты Освенцима — кто получили их и когда? В «Отчеты Освенцима и Холокост в Венгрии» » под редакцией Рэндолфа Брахама и Уильяма Дж. ванден Хьювеля (ред.), Нью-Йорк, Columbia University Press, 2011, стр. 83–120.

⁶ Эта дата указана в *Forfaits hitlériens — recueil de documents officiels*, Geneve, Trois Collines, 1945 год, стр. 151.

ство буклета ясно подтверждается упоминанием («тем же автором») в другой публикации Марка Ярблума, которая рассматривается ниже.

Новая версия буклета о лагерях была выпущена в Париже в марте 1945 года издательством Editions Réalité под сокращенным названием «*Documents inédits dur les camps d'extermination nazis*» («Неопубликованные документы о нацистских лагерях уничтожения»), дополненная упоминанием на форзаце: *Dossiers du Congrès juif mondial* (Нью-Йорк, Париж) («Досье Всемирного еврейского конгресса»). Новое предисловие подписано Марком Ярблумом. В то время, как первое предисловие представляло обращение к союзникам, хорошо информированных о преступлениях против евреев, но остающихся инертными, новое предисловие предлагает более общий взгляд на процесс уничтожения. Собибор и Белжец здесь не упоминаются, также как и лагерь Хелмно, который был освобожден 20 января 1945 г. С другой стороны, его демографические оценки надежны.

На трех страницах были добавлены «новые уточнения относительно лагерей в Польше», основанные на сообщениях англо-американских журналистов из Москвы, посетивших Майданек. Часть этих уточнений касается массовых депортаций из Варшавского гетто. Здесь также достоверны демографические оценки. Вместо приложения, посвященного Харьковскому процессу, приведены большие отрывки из отчетов советских журналистов, побывавших в Майданеке: Константина Симонова из «Красной звезды», Евгения Кригера из «Известий» и Бориса Горбатова из «Правды».

Один и тот же автор

Марк Ярблум, инициировавший эти четыре публикации, родился в Варшаве в 1887 году и был одним из основателей Сионистской социалистической партии «Поалей-Цион», предшественницы Партии труда Израиля. Друг Давида Бен-Гуриона с юных лет, он обосновался в Париже в 1907 г. и иммигрировал в 1954 г. в Израиль, где и умер в 1972 г. Перед Первой мировой войной его попытка нелегального возвращения в царскую Россию закончилась депортацией в Сибирь. После Февральской революции он вернулся в Петроград и сыграл важную роль в руководстве своей парти-

ей. М. Ярблом продолжил свою деятельность в Варшаве в 1918 г., в качестве городского советника, но с 1920 г. жил в Париже. Он стал там основным каналом связи еврейского рабочего движения в Палестине (политической партии и профсоюзов) с Социалистическим рабочим интернационалом и с Амстердамским интернационалом профсоюзов. С 1935 г. был представителем миссии Еврейского агентства в Палестине при французских властях и членом-учредителем Исполнительного комитета Всемирного еврейского конгресса. Регулярно публикуя статьи в основных ежедневных газетах на идише по всему миру, в качестве корреспондента или обозревателя, он стал в 1937 г. президентом самой важной общественной организации еврейских иммигрантов во Франции, *Fédération des sociétés juives* (Федерации еврейских обществ).

После июня 1940 г. связи, которые Марк Ярблом установил во многих кругах, позволили ему взять на себя первостепенную ответственность за деятельность по оказанию помощи, спасению и сопротивлению евреям во Франции. Скрываясь в Швейцарии с марта 1943 г. по сентябрь 1944 г., он оставался в тесном контакте с подпольными организациями. Он сотрудничал с социалистами из Швейцарии и других стран и с различными фракциями в еврейских организациях, среди которых он воспринимался как человек, способный к компромиссам. Изучение его архивов за этот период показывает, что он был в состоянии получить точную и актуальную информацию о нацистских преступлениях и провести ее четкий анализ⁷.

Различные редакции

15 декабря 1944 г., а затем 15 января и 15 февраля 1945 г. выдержки из «Протоколов Аушвица» были опубликованы в Париже в бюллетене Центральной службы депортированных евреев — небольшой организации, созданной молодыми борцами си-

⁷ См. Филиппа Букара: «Друзья Парижа- политические и личные отношения между Давидом Бен-Гурионом и Марком Ярбломом», под редакцией Дорис Бенсимон и Бенджамина Пинкуса: *Les Juifs de France, le sionisme et Israël (Евреи Франции, сионизм и Израиль)*, Париж, 1989 год, Publications des Langues O, стр. 153–170.

онистского сопротивления. Под заголовком «Extraits du Rapport d'un officier polonaie sur les camps de Haute-Silésie et de Pologne» («Отрывок из отчета польского офицера о лагерях в Верхней Силезии и Польше»), затем «Extrait d'un récit sur les camps de Haute-Silésie et de Pologne» («Выдержка из отчета о лагерях в Верхней Силезии и Польше»), и наконец в «Extrait du rapport sur les camps d'Auschwitz, de Birkenau et de Majdanek » («Выдержка из отчета о лагерях Аушвиц, Биркенау и Майданек»), они предоставили данные, которые не были достаточно прокомментированы, чтобы позволить дать им соответствующую интерпретацию.

В июле, через четыре месяца после этой публикации, французское издательство Editions Réalité, — подразделение Министерства информации Франции, полностью переиздало отчет Врба-Вецлера под названием *Les camps d'extermination d'Auschwitz. et de Birkenau* («Лагерь смерти Аушвиц и Биркенау»). Удивительно, но первые два буклета, опубликованные Ярблломом в их Женевской версии, были переизданы в 1945 году. «Воспоминания из дома смерти» были выпущены неким Л. Симоном, о котором ничего не известно. «*Le ghetto en flammes. La lutte des Juifs contre les Nazis*» («Горящее гетто. Борьба евреев против нацистов») с прежним названием, ставшим подзаголовком, вышло за подписью «О. Грегуар» в издательстве La Presse étrangère-Oreste Zeluck. Важный фактор — это было издательство, базирующееся во Франции и Швейцарии, эклектичное в выборе тематике и далекое от коммунистических идей влияний.

Марк Ярбллом хранил в своем архиве копию 40-страничного буклета на французском языке под названием «*Un soldat rouge raconte*» («Рассказ красного солдата»), подписанного только инициалами Т. Н., и датированного 1943-м г. В нем описывается варварское обращение с советскими военнопленными немецкой армией; автор также ясно выражал сочувствие к евреям как жертвам еще более худшего варварства. В архивах Ярбллома можно найти рукопись первых 20 страниц буклета, которая оставляет место для гипотезы о том, что Ярбллом участвовал в его переводе и / или публикации⁸.

⁸ Архив Яд Вашем. P7/43. Этот файл также содержит трафаретную копию *Rapport d'un officier polonais* (Донесение польского офицера) на немецком языке.

Что касается Editions Réalité, то они уже опубликовали в 1939 г. книгу Ярблума, критикующую новую британскую антиссионистскую политику, и в начале 1940 года два номера журнала *La Vie juive*, печатного органа Федерации еврейских обществ. В начале 1947 г. это антирасистское издательство выпустило еще одну книгу Ярблума на те же темы, в которой рассказывалось о поездках в Польшу, в лагеря для перемещенных лиц в Германии и в Палестину. Преподобный Александр Гласберг, Праведник народов мира, опубликовал две книги у того же издателя: одну в 1946 г. по вопросу о прибытии иммигрантов во Францию, а другую в 1948 г., в которой поддерживал сионистский взгляд на Палестину⁹.

Еще один аргумент. Documents inédits цитируются журналистом-нонконформистом Жаном Гальтье-Буасьером в его дневнике 14 апреля 1945 года: «полезная датировка для того, чтобы уточнить, когда информированные круги в Париже узнали» о реальности Холокоста¹⁰. Психолог Йорам Мушник взял интервью у женщины по имени Одиль, которая в возрасте 11 с половиной лет поняла, что ее мать не вернется из депортации, когда ее отец принес этот буклет к ним домой¹¹.

⁹ Marc Jarblum: *Le destin de la Palestine juive — de la déclaration Balfour (1917) au Livre blanc (1939)* ; id. : *Ils habiteront en sécurité — des ghettos d'Europe à la Palestine* ; Alexandre Glasberg : *A la recherche d'une patrie — la France devant l'immigration* ; id. : *Vers une nouvelle charte sociale — l'espoir palestinien*.

¹⁰ Christian Delporte : *Les médias et la Libération en Europe, 1945–2005*, L'Harmattan, 2006, p. 294.

¹¹ Les passeurs de mémoire — élaboration et transmission, soixante ans plus tard, chez les enfants juifs, traqués et cachés en France sous l'Occupation », in Annelise Schulte-Nordholt : *Témoignages de l'après-Auschwitz dans la littérature juive française d'aujourd'hui — enfants de survivants, survivants-enfants*, Amsterdam—New York, Rodopi, 2008 ; p. 57–58.

Леонид Абрамович Терушкин
(Москва, Россия)

ДОКУМЕНТЫ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ МАЙДАНЕКА В КОНТЕКСТЕ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ

Аннотация. В статье дается обзор и анализ ряда доступных воспоминаний и свидетельств узников и освободителей нацистского лагеря Майданек. Она подготовлена на основе опубликованных источников на русском языке, и с привлечением архивных документов и интернет — ресурсов. Делается вывод о необходимости дальнейшего исследования судеб узников Майданека и его освободителей в рамках международного сотрудничества, образовательных и мемориальных программ по истории Холокоста.

Ключевые слова: Холокост, Красная армия, евреи, жертвы нацизма, польско-советская комиссия, Майданек, военнопленные, концентрационный лагерь, воспоминания.

Концентрационный лагерь СС «Люблин», более известный как Майданек, в СССР был одним из символов нацистских преступлений. Опубликованные в 1960–1970-х гг. исследования были переводом работ сотрудников Музея в Майданеке¹. Главным источником оставалось официальное коммюнике, подготовленное в августе 1944 г. Польско-советской Чрезвычайной комиссией по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в Люблине. Советская Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК) также собрала немалое количество документов и свидетельств, но они так и не были изданы. Хотя такое предложение было сделано еще в 1947 г.² Только

¹ Муравска-Грынь З., Грынь Э. Концентрационный лагерь Майданек. Люблин, [1976]; Грынь Э., Муравска З. Майданек концентрационный лагерь. Люблин, 1966

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 169. Л. 49.

в 1990 г. отдельные выдержки из протоколов допросов без указания источника были опубликованы на страницах «Военно-исторического журнала»³. Современные российские авторы обращались к Майданеку эпизодически и только в контексте изучения других тем: трагедия советских военнопленных, коллаборационизм, история нацистских преступлений и концлагерей в целом, послевоенное преследование нацистских преступников. Следует отметить 10-й том 12-томника «Великая Отечественная война. 1941–1945», полностью посвященный освобождению нацистских лагерей, где специальный раздел был отведен Майданеку⁴. Но особое место Майданека в системе концлагерей СС, способы и масштабы уничтожения там еврейского населения до последних лет глубоко не рассматривались.

Между тем, источниковая база по Майданеку весьма богата — в США, Израиле, Польше, Германии, России сохранились интересные комплексы документов: следственные дела лагерных охранников и германских военнопленных, воспоминания спасшихся узников (граждан разных государств) и военнослужащих Красной армии, кино-фото-аудио документы.

В 1941–1942 гг. лагерь для военнопленных войск СС с февраля 1943 г. получил официальное название Концентрационный лагерь СС «Люблин» (KL Lublin). Наименование «Майданек» является неофициальным названием. Нацисты называли его «еврейским лагерем», потому что именно эта категория заключенных доминировала численно. В лагере происходила эксплуатация рабского труда советских военнопленных, поляков, угнанного населения СССР и евреев. В лагере существовали женская и детская зоны.

Как место для массового уничтожения евреев Майданек начинает использоваться только с осени 1942 г. 3 ноября 1943 г. про-

³ Обнаженный фашизм / Публ. В.А. Бобренева // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 47–51.

⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Том X. Освобождение Красной армией нацистских «лагерей смерти» / ред. колл. Н. А. Панков, В. А. Золотарев и др.; сост. А.М. Соколов, И.А. Пермяков и др. М., 2017.

изошла самая массовая акция уничтожения («Праздник урожая», как называли ее нацисты), в ходе которой погибли 18 400 евреев.

Польский Мемориальный музей Майданека дает минимальную цифру жертв в 80 000 человек, из которых 60 000 — евреи. Общее количество узников оценивается в 150 000, из них 74 000 евреев (в том числе — 56 500 — польских, 17 500 — из других государств), около 6000 советских военнопленных⁵.

Концлагерь существовал с октября 1941 года по июль 1944-го. Хотя уже в марте 1944 г. началась его постепенная эвакуация.

Майданек был освобожден войсками 1-го Белорусского фронта в ходе Люблин-Брестской наступательной операции (18 июля–2 августа 1944 г.). 21 июля войска 8-й гвардейской и 2-й танковой армий прорвались к Люблину. 23 июля советские солдаты вошли в Майданек. Там оставалось около 1500 заключенных, в том числе 900 советских военнопленных. Майданек стал первым лагерем уничтожения, освобожденным Красной армией, да и вообще союзниками по антигитлеровской коалиции.

Собственно, свидетельства и воспоминания воинов-освободителей и освобожденных военнопленных — граждан СССР остаются важными свидетельствами и сегодня. На интернет-ресурсе «Я помню» (<https://iremember.ru>) можно найти многих солдат и офицеров Красной армии — участников освобождения Майданека и других концлагерей.

Матвей Гершман, служивший в 88-ой гвардейской стрелковой дивизии, был одним из тех, кто первым вошел в Майданек. Позднее он следующим образом описывал впечатления о лагере: «Скелеты, обтянутые кожей, на земле лежат.

...Подошел к старушке одной, освобожденной нами узнице, и говорю: “Не плачь бабушка, теперь жить будешь”. Она отвечает: “Да мне всего 23 года...” Я смотрел на весь этот кошмар и думал о своей семье, с июля 1941 года я не знал, что с ними, живы или погибли в гетто»⁶.

⁵ Концентрационный лагерь Майданек. Исследования. Документы. Воспоминания/Под ред. К.А. Пахалюка. Л.А. Терушкина. М., 2020, С. 81–82.

⁶ Гершман Матвей Львович // Я помню. 2006. 14 июля. URL: <https://iremember.ru/memoirs/pulemetchiki/gershman-matvey-lvovich/> (дата обращения: 16.10.2019).

Захар Красильщиков, командир взвода зенитно-пулеметной роты 117-й стрелковой дивизии, вспоминал: «Мы испытали ощущение подлинного ужаса, бойцы стояли в оцепенении, не в силах сдвинуться с места, некоторые не могли сдержать слез. А потом, как по команде, все кинулись к баракам, спасать тех, кто еще был жив... Поймали нескольких немцев-охранников, которые не успели скрыться из Майданека, и расстреляли их на месте...»⁷

Командир зенитного орудия Иван Борисенко вспоминал о том, как их послали грузить освобожденных военнопленных на санитарные машины: «Страшное дело, одни кости, обтянутые кожей. И мы не могли за него взяться... Не могут ребята, боятся братья за человека...»⁸

Архив НПЦ «Холокост» располагает воспоминаниями и ныне здравствующего освободителя- полковника в отставке Ростислава Дмитриевича Битянова, 1926 г.р., живущего в Москве⁹. Летом 1944 г. он был командиром отделения автоматчиков 400-го стрелкового Севастопольского полка 89 стрелковой дивизии. Из воспоминаний советских узников Майданека главными являются воспоминания военного врача Сурена Константиновича Барутчева (1896- 1980), которые только в 2020 г. были опубликованы в полном объеме¹⁰. С. К. Барутчев попал в плен в августе 1943 г. и прибыл в Майданек 2 октября 1943 г. Здесь он находился более 9 месяцев вплоть до самого освобождения. Уже 29 июля 1944 г. С.К. Барутчев упомянут в справке начальника 7-го отдела Политотдела 8-ой гвардейской армии гв. подпол-

⁷ Красильщиков Захар Евсеевич // Я помню. 2010. 28 окт. URL: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/krasilschikov-zakhar-evseevich/> (дата обращения: 16.10.2019).

⁸ Борисенко Иван Федорович // Я помню. 2017. 16 июля. URL: <https://iremember.ru/memoirs/zenitchiki/borisenko-ivan-fedorovich/> (дата обращения: 16.10.2019).

⁹ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 14- Колл. «Аудиовизуальные материалы», Оп. 1. Ед. хр. 65. Р.Д. Битянов в 1942–1944 гг.- боец партизанского отряда «Буревестник» в Одесской области Украины, участник штурма Берлина. Его документы были получены при содействии руководства ГБОУ Школа № 1161.

¹⁰ Концентрационный лагерь Майданек. Исследования. Документы. Воспоминания / Под ред. К. А. Пахалюка и Л. А. Терушкина. — М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. С. 126–296.

ковника Шелюбского, как бывший заключенный, рассказавший о Майданеке¹¹. 5 августа 1944 г. был назначен помощником по медицинской части начальника госпиталя бывших военнопленных. Вскоре госпиталь вошел в состав 2810-го эвакогоспиталя. В служебном отзыве говорится, что «тов. Барутчев имел большой авторитет среди всех бывших военнопленных не только как хирург и опытный врач, но как человек хороший, гражданин нашей великой Родины. В трудных условиях Майданека тов. Барутчев успешно скрывал в хирургическом отделении 28 советских военнопленных евреев»¹². Кстати, нацисты в лагере неоднократно пытались «обвинить» Барутчева в том, что он еврей, а не армянин. После проверки контрразведчиков из СМЕРШ его полностью восстановили в правах с присвоением звания майора. Важную роль сыграло теплое отношение к нему со стороны других бывших заключенных, многие из которых обязаны были ему жизнью. Барутчев активно участвовал в работе Польско-советской чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения Майданек в Люблине, читал лекции об ужасах концлагеря, помогал в подготовке специальной выставки. Так вчерашний узник стал одним из активнейших участников сохранения памяти о преступлениях нацистов. Он провёл паспортизацию более 700 предметов и фотографий концлагеря и в октябре 1944 г. сопровождал их отправку в Москву, в Военно-медицинский музей (ВММ), который сейчас располагается в Санкт-Петербурге. Ряд фотографий (в том числе и самого С.К. Барутчева) были использованы НПЦ «Холокост» при подготовке выставки «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение».

Во время нахождения в плену С.К. Барутчев вел дневник, большая часть которого была уничтожена из-за угрозы обнаружения. Его свидетельства о выживании поразили военных корреспондентов, известных писателей Константина Симонова и Бориса Горбатова. Они предложили Барутчеву написать книгу. Как раз в это

¹¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 661. Л. 303–308.

¹² *Барутчева Э. Семья: узоры судьбы на путях истории.* СПб, 2006. С. 257.

же время К. Симонов подготовил и опубликовал 10 августа 1944 г. в «Красной Звезде» (№ 189) статью «Лагерь уничтожения». Позднее К. Симонов так описывал встречу с лагерным врачом: «Об этом страшном быте лагеря мне тогда, в конце июля — начале августа 1944 года, рассказывал там же на месте, в бараке, отведенном под лагерный лазарет, советский военврач Сурен Барутчев <...> в нечеловеческих условиях он все-таки старался помогать попадавшим в лагерный лазарет заключенным и некоторым из них спас жизнь»¹³. В конце 1944 г. Барутчев написал первые очерки о Майданеке, но они не были опубликованы. Уже в Москве, в 14 марта 1945 г. он выступал с докладом на заседании Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК). Стенограмма этого выступления сохранилась в ГА РФ (Ф. 8114). В ГА РФ хранится и машинописный оригинал рукописи Барутчева «Майданек. Воспоминания военнопленного врача»¹⁴.

Все попытки Барутчева опубликовать воспоминания или даже книгу о Майданеке были безуспешны. Они не вписывались в общие идеологические рамки, хотя были созданы по горячим следам и с опорой на отдельные сохранившиеся дневниковые записи. Фактически это первое подробное описание жизни (если это можно назвать жизнью) в Майданеке. В 1965 г. К. Симонов пытался вернуться к идее публикации рукописи, о чем даже сообщил С. К. Барутчеву, однако из этого опять ничего не вышло. Только в 1971 г. в журнале «Прометей» (№ 8) Л. Палиевская опубликовала интервью с Барутчевым, включавшее отрывки из воспоминаний. Акцент был сделан на ужасах концлагеря: тяжелом положении узников, издевательствах немцев и капо, борьбе советских врачей за спасение больных в лазаретах. Рассказывалось и о событиях 3 ноября 1943 г. — факт, что расстреливались именно евреи, не замалчивался, хотя, конечно, «еврейской теме» особого внимания не уделялось¹⁵.

¹³ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1942–1945 годы. М., 2005. С. 359.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 107. Д. 32.

¹⁵ Концентрационный лагерь Майданек, С. 131.

Из немногих свидетельств бывших узников-евреев, переведенных на русский язык, особый интерес представляют воспоминания «Побег из Майданека» словацкого еврея Диониса Ленарда¹⁶. Он был депортирован в Майданек в апреле 1942 г. Примерно в конце июня — начале июля того же года ему удалось бежать и добраться до Словакии. В 1943 г. он перебрался в Венгрию. Вероятно, во время массовых депортаций венгерских евреев в 1944 г. в Аушвиц он сумел вернуться в Словакию. Его послевоенные следы теряются.

Это первое по времени свидетельство выжившего узника Майданека, повествующее о том, что из себя представлял этот концлагерь в период своего становления. Написанное еще в период войны и Холокоста, оно было призвано предупредить современников о грозящей им опасности. Отметим, что это не единственное свидетельство относительно этого периода: в 1944 г. мир узнал о докладе словацких евреев Рудольфа Врбы (Вальтера Розенберга) и Альфреда Вецлера об Аушвице¹⁷. 16–27 июня 1942 г. Врба находился в Майданеке, откуда сам попросился перевести в его в Аушвиц, а потому включил в свой текст небольшой блок, посвященный этому лагерю. Сравнение двух источников, появившихся независимо друг от друга и описывающих Майданек примерно в одно и то же время, показывает множество переключек и общих моментов, что дополнительно свидетельствует об их достоверности.

Если вернуться к рассмотрению документов Польско-Советской Чрезвычайной комиссии по расследованию немецких злодеяний на Майданеке в городе Люблин, то следует отметить, что помимо давно известного Коммюнике этой комиссии в ГА РФ сохранились 7 протоколов ее заседаний¹⁸, которые опубликованы в сборнике «Концентрационный лагерь Майданек». Для советской

¹⁶ Там же, С. 89–125.

¹⁷ *Mailaender E.* Female SS Guards and Workday Violence. The Majdanek Concentration Camp. 1942–1944. Michigan State University, 2015, P 41.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 107. Д. 30. Л. 71–74 (Протокол № 1, беловик), л. 98–120 (Протокол № 2, беловик), л. 144–120 (Протокол № 3, беловик), л. 188–203 (Протокол № 4, черновик), л. 215–219 (Протокол № 5, беловик), л. 220–221 (Протокол № 6, черновик), л. 222–260 (Протокол № 7, черновик), л. 25–47 (Коммюнике).

стороны было важным подчеркнуть, что именно Красная армия несет с собою освобождение польскому народу, и именно этот факт должен был стать залогом стабильных отношений двух государств в будущем.

Следы преступлений в Майданеке действительно поразили представителей советского командования, и с учетом политического момента было принято решение о совместном расследовании. Председателем комиссии был А. Витос, вице-председатель Польского Комитета национального освобождения (ПКНО), заместителем — представитель советской стороны доктор Д. И. Кудрявцев, члены — прежде советские военные медики (среди них было немало евреев) и польские жители Люблина. Первое заседание состоялось 18 августа, последнее — 28-го августа. Это был первый опыт совместной советско-польской работы по фиксации нацистских преступлений. Можно сказать, что это был и первый международный опыт тоже. За весьма короткий период комиссия опросила ряд бывших заключенных, сотрудников лагеря и местных жителей. Естественно, поставленные сроки позволяли составить лишь самое общее представление об этом концлагере. Ключевым источником являлись свидетельские показания, а многие выводы делались на основе приблизительных расчетов.

Основной задачей было возвестить миру о преступлениях нацистов. В августе 1944 г. до краха нацистской Германии оставался, как мы сейчас знаем, еще год; кипели жестокие сражения на Западном и Восточном фронтах. В это же время происходило восстание в Варшаве, достаточно усложнившее отношения СССР с различными польскими политическими силами, тем более, что ПКНО был создан фактически как альтернатива польскому правительству в Лондоне. Все эти факторы оказали влияние и на работу комиссии, и на ее результаты, включенные в Коммюнике, и на отношение к ним зарубежной общественности.

Сохранение памяти о нацистских преступлениях в Майданеке было одновременно сопряжено с поиском доказательств обвинений против преступников и формированием образа СССР как страны-освободительницы от нацизма. Действительно, Майданек был первым концлагерем, который был освобожден и при этом сохра-

нился так, что все могли представить, что там творилось. Отсюда проистекало стремление подчеркнуть, что жертвами стали граждане многих государств, а это делало Майданек символом преступлений нацистов. Ввиду состава комиссии и свидетелей, основное внимание было уделено трагедии советских военнопленных и поляков, что вписывалось в общую идейную рамку, артикулируемую советской пропагандой: славяне как одна из ключевых жертв нацистского режима. Еврейская тема не выделялась, но и не обходилась стороной. Однако, предложение при подготовке Коммюнике одного из членов комиссии, члена ПКНО доктора Зоммерштейна особо выделить «поголовное истребление евреев»¹⁹, оказалось после обсуждения отклонено. Причем, наиболее активно возражали представители именно советской стороны. Так, Д.И. Кудрявцев заявил: «Я понимаю положение доктора Зоммерштейна. Он, как представитель своего народа, душевно скорбит по поводу массового избиения евреев Польши и Европы, но мне кажется, что мы должны говорить о всех народностях, представительство которых исчисляется в огромных количествах замученных в концентрационном лагере Майданек. Но мы должны также сказать о большом количестве убитых евреев»²⁰.

К сожалению, эта тенденция (и в дальнейшем тоже) привела к искусственному размыванию геноцида евреев, обезличиванию этой трагедии и даже ее преуменьшению. История Майданека, рассказанная словно через призму страдания всех народов Европы, оказалась недооценена и слилась с другими нацистскими преступлениями. Вскоре по публикациям в советской военной печати стало известно о Собиборе и Треблинке. Через полгода ужасы и масштабы Аушвица, а потом и других лагерей-освобожденных британскими и американскими войсками — затмили и заслонили Майданек.

Собранные комиссией материалы были положены в основу международной пресс-конференции, проведенной 27–28 августа в Люблине, а затем официального Коммюнике. Оно было пред-

¹⁹ Концентрационный лагерь Майданек, С. 368.

²⁰ Там же.С. 370.

ставлено на Нюрнбергском процессе, а в Советском Союзе стало фактически единственным источником о самом концлагере. К сожалению, пресс-конференция не вызвала желаемого общественно-го резонанса за рубежом.

Своеобразная уникальность Майданека заключается и в том, что именно там побывали уже в конце июля-августе 1944 г. многие советские военные фотокорреспонденты и кинодокументалисты. И польские тоже. Режиссер Александр Форд, прошедший боевой путь в составе 1-ой польской дивизии имени Т. Костюшко, уже в ноябре 1944 г. представил свой первый документальный фильм «Майданек — кладбище Европы»²¹. Одновременно в Майданеке работала группа советских кинооператоров во главе с Романом Карменом. Их фильм «Майданек. Кинодокументы о чудовищных злодеяниях немцев в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблин» демонстрировался в Москве 4–12 января 1945 г., а позднее — на Нюрнбергском процессе. В Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) хранятся свидетельства узников Майданека на разных европейских языках (помимо вошедших в фильм Р. Кармена)²². В РГАКФД, Центральном архиве электронных и аудио визуальных документов Москвы (ЦАЭ и АДМ) и в Архиве НПЦ «Холокост» есть фотографии из серии «Люблин—Майданек», сделанные фотокорреспондентом Совинформбюро Михаилом Трахманом. Эти фотографии уже использовались при подготовке серии «Сохрани мои письма...Сборники писем и дневников советских евреев периода Великой Отечественной войны» в 2007–2020 гг. и выставок НПЦ «Холокост». Необходимо вспомнить и художника Зиновия Толкачева, который создал известный альбом о Майданеке.

В рамках данной статьи хотелось бы обозначить те многочисленные источники, которые представляют интерес для изучения истории Холокоста, самого Майданека, судеб его узников и освободителей. Солдаты и офицеры, военные медики, военнопленные, журналисты — представители разных национальностей — остави-

²¹ Кинематография Народной Польши. Варшава, 1952. С. 11.

²² РГАКФД). 0–10856 V «а», 0–10856 V «б», 1–10856 I, 0–10856 VII, 0–10856 IX.

ли свидетельства об этой трагической странице Холокоста и преступлений нацизма. История Майданека в контексте истории Холокоста вполне заслуживает такого же глубоко изучения, как история Аушвица и Собибора (из Майданека тоже были массовые побеги военнопленных). И такого же внимания заслуживают совместные с зарубежными партнерами мемориальные, образовательные и просветительные программы.

Алексей Евгеньевич Фельдт
(Архангельск, Россия)

ВОЗМОЖНОСТЬ БОМБАРДИРОВКИ РЯДА ОБЪЕКТОВ АУШВИЦА АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ АВИАЦИЕЙ: ПУБЛИЧНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В США

Аннотация. Данная статья посвящена дискуссиям публичного характера, развернувшимся в последнее время в американских интернет-сообществах по поводу возможности бомбардировки Аушвица в 1944 г. англо-американской авиацией. Основой для общественных споров послужили работы американских историков на данную тему, публикация которых началась с конца 70-х гг., а также историографические дебаты, их сопровождавшие. В статье определены основные позиции, которые американская историография выработала по этому вопросу, а также тематически сгруппирована основная аргументация в рамках общественных представлений об отказе американского руководства разбомбить часть объектов Аушвица.

Ключевые слова: Холокост, Аушвиц, Германия, нацизм, США, Великобритания, евреи

Интерес специалистов к современным дискуссиям в интернете на историческую тематику вызван несколькими причинами. Во-первых, обсуждение тех или иных острых исторических проблем — это проявление исторической памяти современного общества. Во-вторых, держа руку на пульсе интернета, историк видит, каким образом преломляется историческое знание в общественном сознании. И, в-третьих, идеи, которые предлагают участники дискуссий, могут быть полезны для дальнейших академических исследований, поскольку зачастую дискуссия представляет собой своеобразный мозговой штурм, в котором присутствует и эмоциональный накал, и эпицентр, вспышка.

Изучение возможной бомбардировки отдельных объектов Аушвица англо-американской авиацией является частью другой, более объемной и проблемной темы — об отношении США к Холокосту.

Речь идет, по большому счету, о двух проблемах — официальной позиции правительства США по отношению к беженцам из нацистской Германии в 30-е гг. и возможности нанести удары по инфраструктуре Аушвица в 1944 г.

Нежелание американцев вмешаться напрямую, чтобы остановить Холокост, остается предметом серьезных споров в историографии Второй мировой войны. Часть историков утверждает, что поражение Гитлера и его вооруженных сил были наиважнейшим приоритетом, и что остановить Холокост без уничтожения нацистского режима было невозможно. Другие предполагают, что отказ США от бомбардировки или иного уничтожения лагеря смерти в 1944 г. только усиливают вывод, который можно сделать из американских иммиграционной политики 1930-х гг.: трагическая судьба европейских евреев не вызывала серьезного беспокойства политиков США в предвоенные и военные годы.

Предложение разбомбить Аушвиц и железнодорожные пути, ведущие к лагерю, стали предметом горячих дебатов в политических и военных кругах США и Великобритании в 1944 г., и в настоящее время продолжают быть в фокусе внимания историков и общественности. Широкая дискуссия началась со статьи американского историка Дэвида Ваймана, опубликованной в мае 1978 г. в журнале «Commentary» под названием «Почему Освенцим никогда не бомбили»¹. Его книга «Покинутые евреи: Америка и Холокост, 1941–1945»², увидевшая свет в 1984 г., развила идею бомбардировки Аушвица, в результате чего были бы спасены десятки тысяч жизней. Важно подчеркнуть, что именно в 1978 г. на телевизионные экраны США вышел минисериал «Холокост», привлекая к этой теме внимание широкой публики. После публикаций Ваймана к его аргументам присоединились и другие историки, в том числе два выдающихся исследователя Холокоста — английский и американский историки Мартин

¹ *Wyman D.S. Why Auschwitz Was Never Bombed // Commentary. 1978. May.*

² *Wyman D.S. The Abandonment of the Jews: America and the Holocaust, 1941–1945. N.Y.: Pantheon Books, 1984.*

Гилберт и Ричард Брайтман³. В 1985 г., через год после публикации книги Ваймана, Люси Давидович возразила ему в своей статье: «Могли ли Соединенные Штаты спасти европейских евреев от Гитлера?»⁴ Давидович писала, что отсутствие доказательств не помешало Вайману потакать своему историческому воображению. Джеймс Китченс, одно время работавший в Агентстве исторических исследований ВВС США и имеющий глубокие познания в авиационной сфере, поддержал опровержение Давидович исследования Ваймана⁵. Обсуждение вопроса разворачивается на страницах профессиональных журналов, в частности таких как «Aerospace Historian»⁶ и «Holocaust and Genocide Studies»⁷.

Отдельное внимание американскими историками было уделено позиции президента США Ф.Д. Рузвельта, степени его информированности в этом вопросе⁸. Уровень осведомленности американского общества о преступлениях нацистов в отношении евреев раскрыта в исследованиях Роберта Росса и Деборы Липштадт⁹.

³ *Gilbert M.* Auschwitz and the Allies. N.Y.: Henry Holt, 1982; *Breitman R., Kraut A.* European Jewry and American Refugee Policy, 1933–1945. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1987.

⁴ *Dawidowicz L.S.* Could the United States Have Rescued the European Jews from Hitler? // *This World*. 1985. Fall.

⁵ *Kitchens J.H.* The Bombing of Auschwitz Reexamined // *The Journal of Military History*. 1994. April.

⁶ *Foregger R.*, The Bombing of Auschwitz // *Aerospace Historian*. 1987. Summer. P. 98–110; *Hodges R.H.* The Bombing of Auschwitz: A Clarification // *Aerospace Historian*. 1988. Summer. P. 123–126; *Moskow M.G.* The Bombing of Auschwitz: A Reply // *Aerospace Historian*. 1988. Summer. P. 127–129.

⁷ *Foregger R.* Technical Analysis of Methods to Bomb the Gas Chambers at Auschwitz // *Holocaust and Genocide Studies*. 1990. Fall. P. 403–421.

⁸ *Bier R.L., Josepher B.* Roosevelt and the Holocaust. Fort Lee, N.J.: BarricadeBooks, 2006.

⁹ *Ross R.W.* So It Was True: The American Protestant Press and the Nazi Persecution of the Jews. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1980; *Lipstadt D.* Beyond Believe: The American Press and the Coming of the Holocaust, 1933–1945. N.Y.: The Free Press, 1986.

Активизация публичного интереса к указанной теме стала особенно заметна в 2019–2020 гг. в связи с юбилейной датой освобождения Аушвица советскими войсками, что придало дискуссиям политизированный характер.

Совокупность положений, встречающихся в интернет-дискуссиях, можно условно разделить на две большие группы: первая объединяет высказывания, связанные с вопросом — должны ли союзники осуществить бомбардировку части объектов Аушвица и подъездных путей, а вторая включает споры участников дебатов о технических аспектах, в частности, могла ли англо-американская авиация осуществить подобные операции в 1944 г. В данной статье в качестве яркого примера анализируется обширная дискуссия, состоявшаяся в ноябре 2017 г., в которой приняли участие как профессиональные историки, так и заинтересованные в обсуждении участники форума «Historum»¹⁰.

Аргументация тех участников дискуссий, которые обсуждают вопрос о политическом и военном решениях бомбардировки Аушвица сводится к следующему:

1. Обсуждение уровня информированности союзников о масштабах трагедии европейских евреев.

Союзники знали об Аушвице, но не все подробности. Командованию союзников было мало что известно о том, что на самом деле происходило внутри Аушвица-Биркенау. Предполагалось, что это был своего рода «нацистский ГУЛАГ» для советских и польских военнопленных, а также некоторого количества евреев. Любой отчет о Холокосте был воспринят командованием союзников и соответствующими правительствами с недоверием. Лишь немногие люди верили в истории о газовых камерах и физическом истреблении всех евреев в Восточной Европе. Только после того, как война закончилась, и лагеря были освобождены, весь мир начал понимать, что такое Холокост.

¹⁰ The Auschwitz Bombing Debate [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://historum.com/threads/the-auschwitz-bombing-debate.78805/> (Дата обращения 25.10.2020) — Загл. с экрана.

Холокост следует понимать как ретроспективную конструкцию. Это означает, что во время Второй мировой войны Холокост не занимал центральную тему или аспект войны. При принятии стратегических решений союзники мало обсуждали или беспокоились о судьбе евреев, приговоренных нацистами к тотальному уничтожению.

2. Освобождение узников концентрационных лагерей возможно в результате быстрой победы над Германией: «Самый быстрый способ остановить Холокост — это не бомбить лагеря и железнодорожные пути, ведущие к этим лагерям, а нанести поражение Германии. Это не похоже на то, чтобы бомбардировка лагерей или их железнодорожных путей внезапно лишила немцев возможности убивать своих пленников. Они просто использовали бы больше своих других методов для устранения “нежелательных”».

3. Бомбардировка Аушвица как «убийство из милосердия». Данный аргумент, оправдывающий страшный побочный эффект бомбардировок, встретил массу возражений. Это было бы политически ошибочное решение, полагают авторы коротких интернетовских сообщений, поскольку ответственность за массовые убийства узников в этом случае перелagается на союзников; «Бомбардировка Аушвица была бы действительно непродуманной идеей. Это делает союзников плохими парнями в 1944 году вместо нацистов в сорок пятом». Один из авторов пишет: «Я не понимаю, почему бомбардировка Аушвица остановила бы Холокост. Это был далеко не единственный лагерь смерти. Я не уверен, что узники оценили бы «убийство из милосердия» со стороны союзников». Встречаются и категоричные выводы: «Это нелепая идея. Единственная возможная причина, которую я вижу, — это «убийство из милосердия», и это вовсе не причина, потому что убивать кого-то, кто мог бы жить иначе, — это не милосердие: это убийство. В данном случае — массовые убийства истощенных мирных жителей и военнопленных союзных стран. За большие деньги. Без пользы. Вообще».

Моральный аспект гибели значительного количества узников от бомб союзной авиации в дискуссиях выходит зачастую на пер-

вый план: «Почему вы так уверены, что заключенные «приветствовали бы убийство из милосердия»? Если это так, что вы думаете о выживших, счастливых, что у них есть правнуки, или о праправнуках, счастливых, что у них есть собственные дети, которые все ведут счастливую и продуктивную жизнь? Миллионы людей рождаются потому, что их предок был спасен, а не взорван в Аушвице, так что не говорите слишком легкомысленно об “убийстве из милосердия”».

«Что касается «убийства из милосердия». Союзники этого не делали, и когда они освобождали лагерь, они не убивали заключенных, чтобы «избавить их от боли». Проще говоря, любой, кто находился в лагере и действительно хотел умереть (а не выжить, сбежать и выздороветь), мог бы разозлить, оскорбить или даже напасть (хотя и неэффективно) на охранника и исполнить их желание. Они могли заключить пакт, подобный «масаде», и покончить с собой. Они этого не сделали, потому что, по их мнению, это просто дало бы нацистам то, чего они хотели — их истребление»; «конечным результатом было бы — в лучшем случае — воспрепятствовать крошечной части кровавого Холокоста, в основном помогая немцам скрывать свои преступления».

Если бы Аушвиц действительно был разрушен, то функционировали бы другие концлагеря. А если бы нет, нацисты начали бы расстреливать каждого еврея. «Я вспоминаю, как читал, когда идея бомбардировки лагерного комплекса Аушвиц-Биркенау была предложена Артуру Харрису, главе бомбардировочного командования Королевских ВВС, он ответил, что лучше быть отравленным газом, чем сгореть от зажигательной бомбы».

Участники интернет-дискуссии подчеркивают, что Аушвиц не был военной целью. Различные законы поведения в то время сделали бы его бомбардировку военным преступлением, сравнимым с бомбардировкой Дрездена.

4. Значение бомбардировок Аушвица в рамках стратегических операций, осуществляемых союзниками. Основной тезис следующий: «Бомбардировка лагеря не остановила бы войну и не закончила бы ее ни на день раньше, а послужило бы отвлечением

сил бомбардировочной авиации. Это было основной аргументацией и в 1944 г.». «Союзники бомбили железнодорожные линии, узлы и т. п. в попытке перерезать линии снабжения немцев. Они не бомбили только концентрационные лагеря, потому что это не были военные цели». Кроме того, ставится под сомнение эффективность бомбовых ударов: «Подобно тому, как бомбардировки промышленных районов были бесполезны, поскольку до лета 1944 г. промышленное производство Германии увеличивалось. Сразу после войны почти 90% промышленности все еще могло производить продукцию. Бомбардировки Аушвица были бы бесполезными. Далеко не каждая бомба попала бы в район, а тем более в здание».

Таким образом, делается вывод: «Аушвиц не будет рассматриваться командованием союзников как важная и жизнеспособная цель для бомбардировок. Кампания союзников по территориальной бомбардировке была сосредоточена на важных стратегических целях (фабрики, мосты, нефтеперерабатывающие заводы, верфи) или густонаселенных немецких городских районах. В бомбардировке концлагеря не было стратегической ценности, и, прежде всего, это была бы очень рискованная миссия. Чтобы добраться до Освенцима, флот должен был бы перелететь через территорию Германии или Австрии и вернуться в Англию или Италию. Это было бы почти самоубийством».

5. Восточная Польша как территория, за которую отвечает Советский Союз: «Аушвиц расположен в центре Польши, что означает, что он был расположен (как считало союзное командование) как часть советского театра военных действий. Ответственность за то, что происходило в этой части Европы, лежала на Советах, а не на союзниках».

6. Отношение к евреям в США. «Лишь намного позже Холокост стал центральной частью повествования о Второй мировой войне, по крайней мере, в западном мире, и несколько человек, которые работали против геноцида, получили такое внимание общественности, которое было немыслимо во время или непосредственно после Второй мировой войны».

7. Предметом обсуждения служит также личное отношение Ф.Д. Рузвельта к возможности спасения заключенных гитлеровских концлагерей в 1944 г. «Евреи просили США и их союзников бомбить лагерь смерти, но американскому президенту было неинтересно знать, что там происходит. Вместо этого он спрашивал о состоянии лошадей в оккупированной Польше. Судьба евреев была менее важна, чем здоровье лошадей».

Рузвельт не мог бомбить лагерь. Польша, где все они находились, включая Аушвиц, находится по ту сторону Германии. До тех пор, пока она не была оккупирована, у Америки было мало самолетов в радиусе действия. Рузвельт организовывал войну. Что важнее для военных действий? Лошади, которые перемещают людей и товары и занимаются сельским хозяйством, или мирные жители, заключенные в тюрьму в тылу врага? У Рузвельта, вероятно, был загруженный маршрут из-за организации войны. Евреи, которых он встретил, не были представителями государства, армии или разведки и не могли отобрать время у тех, кто им был.

Вопрос о технических возможностях осуществления бомбардировок Аушвица и подъездных путей занимает в дискуссии меньше места, чем политические и моральные аспекты проблемы. Они сводятся к дальности действия союзной авиации, точности бомбометания, наличия разведанных, способности немцев быстро восстановить нанесенный ущерб (в частности, это касается железнодорожных путей). В качестве осуществленных операций, которые могли бы послужить примером, приводится операция британских ВВС «Иерихон» по спасению заключенных из Амьенской тюрьмы, относительно успешно проведенная 18 февраля 1943 г., и помощь Варшавскому восстанию в августе 1944 г., когда значительное количество сброшенного груза попало не в руки восставших, а на территорию, занятую немцами.

Во внимание берется значительная территория, на которой расположен Аушвиц, включая большое количество объектов: «Какой Аушвиц нужно было бомбить? Здесь мы говорим об очень большом комплексе лагерей, один из которых был лагерем смерти,

а другие — концентрационными, рабочими и т. д. Бомбардировка Аушвица фактически означает бомбардировку, в первую очередь большого количества поляков и других заключенных, помимо евреев, рабочих и других категорий».

Возможность нанести эффективные удары могла быть осуществлена, по мнению дискутирующих, только массированными ударами с воздуха: «Принимая во внимание состояние бомбардировочной техники в 1944 году, единственно возможным способом сделать это было бы ковровым бомбардировкой очень большой объект недвижимости, включая польских мирных жителей, живущих в непосредственной близости от лагерей и, таким образом, убив тысячи польских жителей. мирное население».

«Аушвиц находился очень далеко от авиабаз союзников, и до него было очень трудно добраться для достаточного количества тяжелых бомбардировщиков, которым пришлось бы лететь обратно на базы союзников (нет шансов, что Советы позволят союзникам использовать свои аэродромы). Это привело бы к довольно ужасным потерям в авиации и людях, которые, вероятно, серьезно затруднили бы дальнейшее воздушное наступление союзников».

Аргументация, связанная с косвенным эффектом ударов англо-американской авиации по инфраструктуре подъездных путей опирается на следующие умозаключения: «Бомбардировка железнодорожных путей до Аушвица остановила бы «поезда смерти». И железнодорожные пути в Белжец, Хелмно, Майданек, Собибор, Трешлинку и Маутхаузен в Австрии. Проблема была двойной. Озабоченность нацистов «окончательным решением» ограничила подвижный состав и железнодорожные пути, которые могли быть использованы для снабжения вермахта на Восточном фронте. Сталин не хотел этого, несмотря на то, что в Собиборе находились советские военнопленные. Итак, Сталин был против бомбардировок лагерей смерти или железнодорожных путей к ним». Участники дискуссии указывают на немецкий опыт быстрого восстановления железнодорожных путей после существенных повреждений: «Каждую ночь союзники бомбили

немецкие железнодорожные станции и рвали пути. Каждый день ремонтно-восстановительные бригады немецких железных дорог ставят его на место. Они были специалистами и имели в этом большой опыт. Задержка от разрыва трассы в лагерях была бы минимальной».

«Если бы поезда до Аушвица были остановлены, можно было бы спасти почти 100 000 евреев, поскольку русские пришли с востока».

Тема возможной бомбардировки Аушвица союзной авиацией используется в образовательном процессе в ряде учебных заведений США. Существуют методические разработки на основе материалов историографических дискуссий, что дополнительно свидетельствует о состоявшемся выходе научного обсуждения в публичную сферу.

*Николай Александрович Антипин,
Вячеслав Михайлович Кузнецов,
Игорь Александрович Новиков
(Челябинск, Россия)*

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ: ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ НАЦИСТСКОГО ПЛЕНА ЭКС-ПРЕМЬЕРА ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРАНЦИИ ЭДУАРА ЭРРИО ТАНКИСТАМИ-УРАЛЬЦАМИ В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Аннотация. В статье рассмотрены различные версии освобождения из нацистского плена бывшего премьер-министра Франции Эдуара Эррио и его супруги. Эти события реконструируются на основе фотографий, документов из архивов Москвы и Челябинска, воспоминаний командиров и военачальников Красной Армии.

Ключевые слова: Эдуар Эррио, Витольд Езерский, Николай Чиж, Михаил Фомичев, Бабельсберг, 1-й Украинский фронт, 63-я гвардейская Челябинская добровольческая танковая бригада.

В фондах Государственного исторического музея Южного Урала (ГИМ ЮУ) и Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) хранится фотография, запечатлевшая эпизод одного из последних дней Великой Отечественной войны¹. 24 апреля 1945 г. Челябинская гвардейская танковая бригада овладела предместьем Берлина Бабельсбергом, где находились в нацистском плену более 7 тысяч узников разных национальностей. Наши земляки-южноуральцы освободили также содержащихся в специальном госпитале «особо важных европейских военнопленных», среди которых были экс-премьер Франции Эдуар Эррио с супругой. В настоящей статье предпринята попытка восстановить на основе архивных документов и воспоминаний участников событий обстоятельства этого яркого примера исполнения героической миссии Красной армии в освобождении народов Европы от нацизма.

¹ ОГАЧО. Ф. П-765. Оп. 2. Д. 60. Л. 1.

Эдуар Эррио (1872–1957 гг.) — выдающийся политический и государственный деятель Франции, глава партии радикал-социалистов. В 1932 г. он подписал с СССР пакт о ненападении, в 1933 г. снова посетил нашу страну. Об этом визите был снят документальный фильм, писали советские и иностранные газеты. После победы Народного фронта на выборах 1936 г. Эррио был избран президентом Палаты депутатов. Он выступил против заключения Мюнхенского пакта, а в 1939 г. приветствовал вступление Франции в войну против Германии и немедленные меры к улучшению советско-французских отношений².

Э. Эррио перешел в умеренную оппозицию к правительству Виши, практически не занимался политикой, но в первые годы существования режима продолжал числиться почетным президентом палаты. По личному приказу маршала Петена он был подвергнут домашнему аресту по обвинению в «подрывной деятельности». В июне 1944 г. после высадки союзных войск в Нормандии Эррио был интернирован вишистскими властями в Маревилле. После того, как он отклонил предложение возглавить марионеточный кабинет, был выдан немецким властям. Когда гитлеровцам пришлось оставить Париж, они отправили его вместе с другими заложниками в Германию³. В знак протеста против режима абсолютной изоляции, которой он подвергался, Э. Эррио объявил голодовку, будучи в возрасте более 70 лет, в связи с чем похудел на 45 кг.

На сайте Министерства иностранных дел России размещена архивная коллекция посольства СССР во Франции, в которой содержатся документы, свидетельствующие об условиях заключения и последующего освобождения Э. Эррио. Его супруга Бланш Эррио писала 25 декабря 1943 г. из тюрьмы: «Я была очень занята своим пациентом последние 5 месяцев, и почти никому не писала, кроме нашей семьи. Может быть, множество людей интересуются судьбой моего мужа из-за старых отношений с ним. Мы благодарны всем за проявленное сочувствие, но не имеем возможности поддерживать с ними связь».

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы / МИД СССР. — В 2-х т. Т. I. — М.: Политиздат, 1990. — С. 221–222, 287.

³ Малафеев К. А. Эдуар Эррио: страницы жизни и деятельности / К. А. Малафеев // Новая и новейшая история. 1984. № 4. — С. 163–188.

Друзья и соратники Э. Эррио приложили немало усилий, чтобы облегчить положение заключенного, но лишь добились права на несколько встреч с его шурином — доктором Ребателем, всегда в присутствии агентов гестапо. После визита к нему в конце мая 1944 г. доктор отправил письмо секретарю президента Андре Энфьеру: «Наблюдение, которому подвергается мой зять, не позволяет ему самому писать Вам в более ясных выражениях... Как только у Вас появится реальная возможность, столь желанная президентом, свяжитесь с наиболее известными французскими и зарубежными политическими деятелями. Самая заветная воля президента Эррио — посвятить свои силы и связи Республике и восстановлению французского единства»⁴. Когда в апреле 1945 г. войска 1-го Украинского фронта приблизились к Берлину, в госпиталь явились эсэсовцы, чтобы по распоряжению Гитлера увезти Эррио на запад Германии. Главный врач и другие работники госпиталя решительно воспротивились, ссылаясь на то, что французский политик тяжело болен.

В журнале боевых действий 63-й Челябинской гвардейской танковой бригады на 6.00 часов утра 24 апреля было зафиксировано: «В результате боя за Бабельсберг и Штансдорф ... Освобожден от немецкого плена бывший министр Франции Эдуард Эррио»⁵. Эта информация дополняется и уточняется в итоговом боевом донесении штаба бригады за день: «Захвачен госпиталь, в котором находилось до 500 раненных офицеров и один генерал. Освобожден бывший премьер-министр Франции Эдуард Эррио с супругой»⁶.

Сухие цифры и скупые строки документов наполняются живыми голосами свидетелей и участников апрельских событий 1945 г. в воспоминаниях советских командиров и военачальников (см. табл.). Конечно, к воспоминаниям, как к любым другим источникам, необходим критический подход⁷. Изученным нами воспо-

⁴ Архив Внешней политики РФ (далее-АВП). Ф. 197. Оп. 26. Папка 93. Д. 12. Л. 2, 2об.

⁵ ЦАМО. Ф. 3161. Оп. 1. Д. 39. Л. 13об.

⁶ ЦАМО. Ф. 3411. Оп. 1. Д. 114. Л. 236.

⁷ См. *Кабанов В. В.* Исторические источники советского периода / В. В. *Кабанов* // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. — М.: РГГУ, 1998. 702 с.

минаниям часто также присущи *характерные черты* советских мемуаров: идеологическая заданность и «выдержанность»; стандартизация в характеристиках ситуаций и людей; формирование образа врага; стремление быть сопричастным к значимому историческому событию; объектом воспоминаний выступают не личные переживания автора, а герой рассказа — Э. Эррио.

Таблица 1. Командование частей Красной Армии, освободивших экс-премьера Франции Э. Эррио в апреле 1945 г.

Уровень	Командный состав
1-й Украинский фронт	<p>Командующий маршал Иван Степанович Конев</p> <p>Член Военного совета генерал-лейтенант Константин Васильевич Крайнюков</p> <p>Начальник штаба генерал армии Иван Ефимович Петров</p> <p>Начальник оргинструкторского отделения политотдела полковник Дмитрий Ильич Кочетков</p>
4-я гвардейская танковая армия	<p>Командующий генерал-полковник Дмитрий Данилович Лелюшенко</p> <p>Член Военного совета генерал-майор танковых войск Василий Георгиевич Гуляев</p> <p>Начальник штаба генерал-майор танковых войск Карл Иванович Упман</p>
10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус	<p>Командир генерал-лейтенант танковых войск Евтихий Емельянович Белов</p>
63-я Челябинская гвардейская танковая бригада	<p>Командир полковник Михаил Георгиевич Фомичев</p> <p>Начальник политотдела подполковник Михаил Александрович Богомоллов</p> <p>Начальник штаба майор Иван Александрович Черныш</p>

3-й батальон	Командир майор Михаил Григорьевич Акиньшин
2-я танковая рота	Командир старший лейтенант Виктор Крюков
2-я рота автотоматчиков	Командир лейтенант Витольд Станиславович Езерский

В. С. Езерский написал воспоминания о том, как его рота сражалась на юго-восточной окраине Бабельсберга: «подбежали две девушки, оказавшиеся русскими. Они не скрывали слез, благодарили нас за то, что ... освободили из фашистского рабства. Одна из девушек — Тамара Прусаченко из Сталинграда — между тем заявила, что рядом, в сосновом бору, расположен большой немецкий военный госпиталь, там в заточении находится Эррио. Фамилия эта нам была хорошо известна. Решили, что я с группой бойцов ... попытаюсь разыскать... Вскоре мы оказались у небольшого дома. Опасаясь, чтобы эсэсовцы в последний момент не расправились с Эррио, мы скрытно оцепили дом и по моему сигналу стремительно ворвались в него. Наши тревоги оказались напрасными. Эсэсовцы, оставив Эррио, разбежались. Мы увидели перед собой высокого пожилого мужчину с седыми волосами и добрыми выразительными глазами. Рядом с ним была его супруга.

При помощи Тамары Прусаченко, выступившей в роли переводчицы, у нас завязался разговор. Я от имени Советской Армии поздравил Эррио с освобождением из фашистского плена. Эдуар Эррио был растроган и с волнением торопливо говорил... благодарил нас и убеждал в своих симпатиях к Советскому Союзу, приглашал меня после войны приехать к нему в гости во Францию, в город Лион. Обстановка не позволяла вести длительную беседу, и я предложил Эдуару Эррио и его супруге по возможности быстрее собраться для следования в штаб нашей бригады. Через несколько минут супруги Эррио были готовы в путь. В это время противник усилил артиллерийский обстрел. Пока мои товарищи старались завести легковой автомобиль, обнаруженный в гараже госпиталя, к нам подъехал начальник штаба нашей бригады майор Черныш. Я доложил ему об обстановке. Майор Черныш усадил

в свой автомобиль супругов Эррио и уехал в штаб бригады... Я со своими автоматчиками примкнул к роте, ведущей бой. Перед нами был Берлин»⁸.

О встрече Э. Эррио в штабе бригады читаем в воспоминаниях полковника М. Г. Фомичева, который прилег было вечером отдохнуть, утомленный многодневными боями. Но вскоре его растормошил начальник политотдела М. А. Богомолов с сообщением об освобождении бывшего главы французского правительства: «Эррио тепло жмет мне руку, внимательно смотрит прищуренными глазами.

— Кто меня освободил? — интересуется он.

— Танковая бригада сибиряков-уральцев, — отвечаю я.

— О, о сибиряках я многое слышал! Отважный народ. Спасибо, что освободили от коричневой чумы, — говорит Эррио на немецком языке и на прощание просит меня сфотографироваться с ним и его супругой»⁹. Кроме этой исторической фотографии, впоследствии неоднократно опубликованной в газетах¹⁰, книгах¹¹ и интернете, младшим лейтенантом Николаем Григорьевичем Чижом была сделана еще одна фотография четы Эррио¹². Как редактор фронтовой газеты он всегда был в гуще событий, на его снимках танкисты бригады осматривают освобожденный концлагерь, читают письма от родных с Урала, раздают еду немецким женщинам и детям из своего котла¹³. В фондах архива нами выявлены фотографии

⁸ *Езерский В. С.* Освобождение Эдуара Эррио / В. С. Езерский // Так добывалась Победа. Воспоминания бойцов и командиров 63-й гвард. Челябин. Добровольческой танковой бригады. Изд. 2-е, дораб. — Челябинск: ЮУКИ, 1978. — С. 183–184.

⁹ *Фомичев М. Г.* Путь начинался с Урала / М. Г. Фомичев. — М.: Воениздат, 1976. 224 с. — С. 206.

¹⁰ *Альтман И. А.* «Чем ближе к Берлину, тем больше похоже на Подмосковье» / И. А. Альтман // Московский комсомолец. 2020. 24 апреля.

¹¹ Добровольцы Урала: Очерки. Воспоминания / сост. и литер. обр. Я. Резник; 2-е изд., доп. — Свердловск: СУКИ, 1980. 240 с. — С. 138.

¹² ОГАЧО. Ф. П-765. Оп. 2. Д. 61. Л. 1.

¹³ *Рохацевич Е. Б.* Экипаж машины боевой / Е. Б. Рохацевич // Архивные ведомости. 2020. 27 апреля. — С. 6.

М. Г. Фомичева¹⁴, М. А. Богомолова¹⁵, И. А. Черныша¹⁶, В. А. Крюкова¹⁷, В. С. Езерского¹⁸, самого Н. Г. Чижана¹⁹.

Полковник И. Д. Кочетков в своих воспоминаниях привел рассказ об Э. Эррио начальника политотдела бригады М. А. Богомолова: «Как истинный француз, он еще находил в себе силы блеснуть остроумием. Когда мы его спросили, не желает ли он покушать, он ответил: “Нет. Моя жена любит чай, а я — свободу!”»²⁰ Но командарм Д. Д. Лелюшенко позже написал: «Танкисты накормили супругов Эррио обедом, дали машину и с охраной направили в штаб фронта»²¹.

По воспоминаниям генерал-лейтенанта К. В. Крайнюкова, генерал Е. И. Гуляев сказал ему по телефону, как рассматривал чудом сохранившиеся у освобожденного лидера радикал-социалистов Франции диковинные старинные часы с выгравированной надписью: «Мэру города Лиона Эдуару Эррио от лионских ткачей»²².

Затем В. Г. Гуляев «неожиданно замялся и сбивчиво сообщил», что Эррио вернулся опять в концлагерь, где у него остались книги и вещи. Он пожелал непременно поехать сам и проститься с товарищами по заключению, записать адреса некоторых друзей, завершить свои личные дела. Это было опасно, ведь в этом районе продолжался бой, туда прорывалась 12-я немецкая армия Венка. Поэтому Эррио был отправлен на бронетранспортере в сопровождении десяти автоматчиков, вместе с ним находился заместитель

¹⁴ ОГАЧО. Ф. П-765. Оп. 2. Д. 53. Л. 1.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-765. Оп. 2. Д. 101. Л. 2.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. П-765. Оп. 2. Д. 341. Л. 1.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-765. Оп. 2. Д. 91. Л. 1.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. П-765. Оп. 2. Д. 288. Л. 1.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. П-765. Оп. 2. Д. 343. Л. 3.

²⁰ *Кочетков И. Д.* С закрытыми люками. — М.: Воениздат, 1962. 256 с. — (Военные мемуары). — С. 251.

²¹ *Лелюшенко Д. Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма / Д. Д. Лелюшенко. — Изд. 4-е, испр. — М.: Наука, 1987. 408 с. — С. 340–341.

²² *Крайнюков К. В.* Оружие особого рода / К. В. Крайнюков. 2-е изд. — М.: Мысль, 1984. 591 с. — (Военные мемуары). — С. 146.

начальника политотдела подполковник М. Н. Иваненко. Прошло несколько томительных часов, прежде чем Гуляев доложил, что Эррио благополучно вернулся из поездки в лагерь, посажен с супругой в восьмицилиндровый трофейный «хорьх» и в сопровождении того же бронетранспортера с автоматчиками направлен в штаб фронта. Об освобождении видного французского государственного деятеля узнали корреспонденты, радио передало информацию об этом, Ставка и Главное политическое управление потребовали донесения. К. В. Крайнюков признавался, что «немало поволновался в ту ночь. А вдруг бывший премьер Франции нарвался на блуждающий котел гитлеровцев, которые в различных местах норовили пробиться на запад? Но опасения оказались напрасными. Глубокой ночью 25 апреля Э. Эррио и сопровождавшие его лица добрались до штаба фронта. С помощью переводчика политик рассказал, что по пути в штаб фронта он встречал большие группы французов, освобожденных Красной Армией. Многие бывшие узники его узнавали, обнимали, целовали, пытались качать на руках. На митингах, стихийно возникавших на фронтовых дорогах, Э. Эррио несколько раз выступал перед своими соотечественниками. Он выражал сердечную благодарность Советскому Союзу и Красной Армии за спасение французских граждан и народов Европы от гитлеровской тирании».

Маршал И. С. Конев в воспоминаниях о встрече с Э. Эррио писал: «...несмотря на все напряжение этого дня, я сумел выкроить время для встречи ... прежде всего, постарался доставить ему то элементарное удовольствие, в котором особенно нуждается человек, только что вышедший из немецкого концлагеря: приказал подготовить походную баню и подыскать всю необходимую экипировку, чтобы он мог переодеться, перед тем как отправиться дальше... Разговор наш касался главным образом хода и характера войны... Он был счастлив и в разговоре со мной, не скрывая, радовался тому, что его освободили именно русские войска, подчеркнув при этом, что для него это лишнее подтверждение того, насколько он был прав, делая ставку на союз с Россией. Разговор был недолгим, так как я понимал состояние своего собеседника и опасался за его здоровье. После краткого отдыха Эррио специальным самолётом

был отправлен в Москву»²³. В примечании маршал отметил, что после публикации его воспоминаний в журнале «Новый мир» он получил письмо от В. С. Езерского, только тогда он выяснил фамилию этого лейтенанта и узнал о роли Т. Прусаченко в освобождении Эррио.

30 апреля посол СССР во Франции А. Богомолов отправил из Парижа в мэрию Лиона телеграмму: «Месье Годару. По сообщениям советских властей Красная Армия освободила господина Эррио с женой. Оба здоровы»²⁴. На присланные радостные телеграммы посол ответил: «Большая благодарность за поздравления»²⁵. Отдыхая в Москве перед отъездом на родину, Э. Эррио обратился на страницах журнала с теплыми словами, адресованными советской молодежи. Подчеркивая, что СССР и Франция стали союзниками в годы войны против гитлеровского фашизма, он призывал: «Нужно, чтобы наш союз был не только военным и политическим союзом, но чтобы он сблизил умы и сердца»²⁶.

Советский дипломат С. Л. Тихвинский встретился с Э. Эррио в Тегеране на торжественном приеме по случаю Победы, он только что прибыл проездом из Москвы в Париж: «Французский патриот-антифашист рассказывал о своем пребывании в германском концлагере, куда оккупанты заключили его в 1942 г., и об освобождении из лагеря советскими войсками, вовремя подоспевшими, чтобы предотвратить уничтожение узников лагерной охраной»²⁷.

Вернувшись во Францию, Э. Эррио был вызван в столицу для организации выборов в Национальную ассамблею, выступал свидетелем в суде над Петеном. После окончания войны снова стал во главе лионского муниципалитета. В 1947–1953 гг. занимал пост председателя Национального Собрания, однако у него не сложи-

²³ *Конев И. С.* Сорок пятый: записки командующего фронтом / И. С. Конев. — М.: Воениздат, 1970. — С. 49. — (Военные мемуары).

²⁴ АВП. Ф. 197. Оп. 26. Папка 93. Д. 12. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ *Эррио Э.* Читателям журнала «Смена» / Э. Эррио; пер. с франц. // Смена. 1945. № 8–9. — С. 10.

²⁷ *Тихвинский С. Л.* Из опыта советской дипломатии в годы Великой Отечественной войны / С. Л. Тихвинский // На дипломатических фронтах. 1941–1945. — М.: Кучково поле, 2020. С. 23.

лись отношения с Ш. де Голлем, и он вновь уехал в Маревилль²⁸. Кстати, известный английский журналист А. Верт приводил слова де Голля, сказанные еще в 1942 г. А. Богомолу о том, что «англичане затеяли интригу с целью противопоставить ему Эррио»²⁹.

Э. Эррио обещал написать своему освободителю по возвращении во Францию и слово свое сдержал. В 1945–1946 гг. В. С. Езерский получил от него два письма, одно из которых передал на хранение в Музей воздушно-десантных войск в Рязани: «Мэрия г. Лион. Кабинет мэра. 20 января 1946 г. Мой дорогой лейтенант! С большим удовольствием я получил Ваше любезное письмо от 15 октября. Я не забыл тот день, когда Вы вместе с Вашими товарищами пришли освободить нас. Это было для нас великой радостью. Я буду счастлив, если смогу когда-нибудь принять Вас во Франции и торжественно отметить этот день. Примите самые сердечные пожелания Вашему Великому Отечеству и лично Вам от меня и моей супруги. Эррио»³⁰.

Всю свою жизнь Эдуар Эррио был другом России и СССР, как политик выступал за сотрудничество Франции и Советского Союза. В своей последней большой речи, произнесенной в парламенте в 1954 г., выступил за улучшение отношений с СССР и против перевооружения Германии. Незадолго до своей смерти он писал: «Я был другом русских. Наша дружба не была чем-либо омрачена, хотя я ни в коей степени не являюсь коммунистом... Но я считаю, что наша дружба с Советским Союзом необходима для поддержания прочного мира»³¹. В 1955 г. ему была присуждена Международная премия мира.

Таким образом, изученные нами фотографии, документы и воспоминания об освобождении из нацистского плена экс-премье-

²⁸ Залесский К. А. Кто был кто во второй мировой войне. Союзники СССР / К. А. Залесский. — М.: Астрель, 2004. 894 с. — С. 887.

²⁹ Верт А. Россия в войне 1941–1945 / А. Верт; пер. с англ. — М.: Воениздат, 2001. 664 с. — С. 134.

³⁰ ОГАЧО. Ф. П-765. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

³¹ Манфред А. З. Вступительная статья // Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936 / Э. Эррио, пер. с фр. О. В. Волкова и В. Б. Княжинского. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — 772 с.

ра Франции Э. Эррио танкистами Челябинской добровольческой танковой бригады позволяют не только восстановить детали этой яркой страницы истории, но и сформулировать вопросы для дальнейшего исследования. Во-первых, вызывает затруднения реконструкция хронологии и топографии событий 24–25 апреля 1945 г. в связи с ненадежностью ретроспективной датировки на основе воспоминаний. Во-вторых, разночтения в источниках о месте заключения французского политического деятеля в Бабельсберге (тюрьма, госпиталь или концлагерь) обращают внимание на необходимость изучения условий его содержания (возможно, с привлечением документов германских архивов и воспоминаний свидетелей). В-третьих, несомненный интерес представляет знакомство с историей пребывания четы Эррио в СССР и судьбами их освободителей-танкистов.

Мария Витальевна Гилева
(Москва, Россия)

НАЦИСТСКИЕ ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ОСВОБОЖДЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ФИЛИППА ФРИДМАНА

Аннотация. В статье рассматривается комплекс источников по истории нацистских гетто и лагерей из архива Филиппа Фридмана, хранящегося в Исследовательском институте идиша YIVO (США). Филипп Фридман — свидетель и переживший Холокост, эмигрировавший в США в конце 1940-х гг., где он стал одним из пионеров изучения Холокоста. Анализируется собранная автором информация о функционировании гетто и концлагерей, сведения об освобождении и статистике жертв, а также авторский взгляд на эту проблему. Делается вывод о недостаточном использовании материалов архива Филиппа Фридмана современными историками и установлении его роли в развитии американской историографии Холокоста.

Ключевые слова: Холокост, концлагеря, гетто, историография, США, Филипп Фридман.

Существует точка зрения, все больше обретающая черты мифа¹, что в западных странах (прежде всего Европе и США) вплоть до 1960-х гг. тема Холокоста не получала должного внимания. Речь идет не только о мемориализации, но и попытках осмыслить Холокост в научных категориях. Между тем необходимость этого ощущалась еще самими жертвами. Попытки документирования зверств нацистов велись уже буквально в дни освобождения².

В августе 1944 г. в Люблине для изучения Холокоста был организован Еврейский исторический комитет, в декабре 1944 г. он был переименован в Центральную еврейскую историческую комиссию, директором которой стал один из основателей комитета — впоследствии известный исследователь Холокоста в США, внесший

¹ См., напр.: *Diner H.R.* We Remember with Reverence and Love: American Jews and the Myth of Silence after the Holocaust, 1945–1962. N.Y., 2009.

² *Lipstadt D.E.* Holocaust. An American Understanding. New Brunswick; New Jersey; L., 2016. P. 14.

большой вклад в развитие историографии темы, — Филипп Фридман, лично посетивший несколько лагерей после освобождения, делавший записи свидетельств переживших и впоследствии дававший показания на Нюрнбергском процессе. Под его руководством было собрано и опубликовано огромное количество свидетельств и документов по истории Холокоста. Фридман одним из первых среди исследователей осознал важность накопления, обработки, сохранения и публикации источников — в отличие от израильских историков, возглавлявших в 1950-х «Яд Вашем», которые на данном этапе считали необходимой только разработку методического инструментария для осуществления исследований в будущем³.

В период работы в Центральной исторической комиссии польских евреев Фридману приходилось дискутировать с членами комиссии о приоритетах в направлениях деятельности. Часть из них, как и Фридман, считала, что необходимо сосредоточиться на сборе и публикации документов и подготовке научных монографий, другая же часть, напротив, настаивала на необходимости производства, прежде всего, изданий популярного жанра — воспоминаний и беллетристики⁴. Кроме того, в освобожденной Польше ощущалось давление коммунистической идеологии, которой требовались «антифашистские» пропагандистские акценты. После эмиграции в США в 1948 г. по приглашению своего бывшего наставника Сало Барона и начала работы в Колумбийском университете, Фридман *«почувствовал себя движущей силой среди тех, кто считал, что документирование уничтожения европейского еврейства является главным приоритетом»*⁵.

Филипп Фридман (27 апреля 1901 г. — 7 февраля 1960 г.) родился во Львове, получил блестящее образование в университетах Польши, Литвы и Австрии, владел несколькими иностранными языками и защитил в 1925 г. докторскую диссертацию о судьбе

³ Laying the Foundations for Holocaust Research: The Impact of the Historian Philip Friedman, Search and Research — Lectures and Papers 15. / By Roni Stauber. Jerusalem: Yad Vashem, 2009.

⁴ Weinbaum L. Remembering a Forgotten Hero of Holocaust Historiography // Jewish Political Studies Review. Vol. 24, No. 3/4, Fall 2012. P. 135.

⁵ Ibid.

евреев Галиции в 1848–1868 гг.⁶ Он стал одним из наиболее авторитетных исследователей, сыгравших ключевую роль в формировании области изучения Холокоста в США. Известная исследовательница Холокоста Люси Давидович отмечала, что работы Ф. Фридмана восхищают «дисциплиной методологии, наложенной им на материал, и самообладанием, с которым он управлял своими эмоциями как еврей и как выживший»⁷.

Вплоть до самой смерти в 1960 г. Фридман активно вел исследования в области Холокоста (отдельным его проектом стало создание путеводителя по библиографии еврейской литературы на эту тему). Значительная часть его личного архива, переданного на хранение в YIVO, содержит материалы по истории Холокоста. В коллекцию в первую очередь входят материалы послевоенных исследований Фридмана, а также его административной деятельности в различных организациях. Основную часть коллекции составляют вторичные источники, собранные Фридманом, а также рукописи Фридмана и других авторов, библиографические руководства и методические материалы, подготовленные для совместного документального проекта YIVO и Яд Вашем, а также переписка с организациями и с частными лицами.

Наиболее известными его книгами о Холокосте стали исследования о восстании в Варшавском гетто⁸ и Праведниках народов мира⁹. Фридман публиковал большое количество статей и рецензий на английском, французском, иврите, идише, польском, избранные из них были изданы после его смерти отдельным сборником¹⁰.

Особенностью подхода Фридмана было стремление интерпретировать Холокост в контексте довоенной жизни евреев в Европе,

⁶ *Friedman P.* Die galizischen Juden im Kampfe um ihre Gleichberechtigung (1948–1868) [The Struggle of the Galician Jews for Their Equality, 1948–1968]. Frankfurt: Kauffmann, 1929.

⁷ *Dawidowicz L.* Holocaust Historian // The New York Times. Jan. 11, 1981.

⁸ *Friedman P.* Martyrs and Fighters: The Epic of the Warsaw Ghetto. N.Y.: F.A. Praeger, 1954.

⁹ *Friedman P.* Their Brothers' Keepers. New York: Crown Publishers, Inc., 1957.

¹⁰ *Friedman P.* Roads to extinction: essays on the Holocaust. / Ed by A.J. Friedman. N.Y.: Conference on Jewish Social Studies: Jewish Publication Society of America, 1980.

что, безусловно, во многом объясняется его исследовательским опытом по основной специализации. Он уделил значительное внимание социально-экономическим аспектам повседневной жизни в гетто, что позволило ему дать принципиально новый взгляд на проблему сопротивления евреев, понимание которой в тот период ограничивалось известным стереотипом «евреи шли, как овцы на убой». Фридман одним из первых приравнивал к сопротивлению акты того, что мы сегодня называем духовным сопротивлением. В частности, доказывал, что поступок Януша Корчака — это подвиг и пример сопротивления, в то время как критики называли это «пассивной реакцией».

Фридман критиковал многих коллег, которые в попытках дать Холокосту всеобъемлющее объяснение настолько погружались в исторический контекст, что со временем основывали отдельные направления, отдаленные хронологически и содержательно от истории Холокоста.

Тема Холокоста на территории СССР в архиве Фридмана представлена, прежде всего, материалами по гетто и концлагерям в Украине (Броды, Дрогобыч, Львов, Ровно), Беларуси (Белосток, Брест, Гродно, Пинск), Литве (Вильнюс) и Латвии (Рига, Каунас, Двинск). Эти материалы содержат ценные свидетельства очевидцев «акций» и ликвидаций гетто, попытки проанализировать статистику жертв и стратегии их выживания (в том числе акты сопротивления), а также сведения об отношении мирного населения на оккупированных территориях к евреям (из отчетов айнзатцгрупп и СС).

Важно отметить, что в большинстве документов упоминается об освобождении в контексте того, сколько удалось обнаружить выживших евреев. Так, Фридман упоминает, что 21 мая 1942 г. при финальной ликвидации гетто в Бродях около 2500 евреев погибли, и после освобождения летом 1944 г. были обнаружены только около 50 выживших. Можно предположить, что Фридман вел подготовку материалов для создания своеобразной энциклопедии Холокоста, поскольку материалы его архива содержат много документов, напоминающих обобщающие статьи по разным населенным пунктам. И важно то, что в годы, когда большая часть иссле-

дователей была сфокусирована на изучении механизмов принятия «окончательного решения» и выстраивания машины уничтожения, Фридман уделял внимание именно разным аспектам выживания, сопротивления и спасения евреев, а не действиям палачей. Именно поэтому, в отличие от многих обобщающих исследований авторитетных авторов первого этапа изучения Холокоста, тема освобождения звучит у него не как просто фактическое завершение Холокоста в том или ином месте, а ему придается большее значение — спасение.

Известно, что в историографических дискуссиях о причинах того, почему США не бомбили Аушвиц и так затягивали с оказанием адресной помощи евреям, часто звучит популярный в годы войны тезис: все силы положить на скорейшее завершение войны, это и будет лучшей помощью. Между тем, в своей книге «Это был Освенцим. История лагеря уничтожения», одной из первых, а, возможно, и самым первым академическим изданием об этом лагере (в 1945 г. — на польском и в 1946 г. — на английском) Фридман достаточно подробно описывает подготовку нацистов к ликвидации лагеря в сентябре 1944 г., приводя в качестве первой (они в книге пронумерованы) причину приказа Берлина от 2 сентября об остановке работы газовых камер — освобождение Красной армией Майданека, в ходе которого выявленные там зверства «вызвали всплеск антигерманских настроений в мировом сообществе»¹¹.

Он также приводит факт бомбардирования лагеря (ряда его объектов) 13 сентября 1944 г. американской авиацией, в результате которого несколько узников были тяжело ранены. По словам Фридмана, они были госпитализированы, и командование прислало «жертвам американского варварства» цветы и шоколад. Что не помешало, однако, спустя несколько дней после очередной селекции в лагере отправить этих самых жертв (несмотря на полученный приказ!) в газовые камеры.

Фридман описывает последние дни лагеря перед освобождением и настроения узников — что достаточно редко можно встретить

¹¹ *Friedman F. This Was Oswiecim. The Story Of A Murder Camp. London: The United Jewish Relief Appeal, 1946. P. 77.*

даже в современной историографии — включая прибытие в лагерь 25 января группы из гестапо и спецслужб (Sonderdienst). Описывая освобождение лагеря, Фридман подчеркивает роль Красной армии и дает близкую к точной статистику выживших — 5000 «живых скелетов»¹². Такая же цифра фигурирует в журнале боевых действий 106-й стрелковой дивизии.

В заключение хотелось бы вновь напомнить о знаменитых словах Михаила Гэфтера: «нет геноцида против “кого-то” — геноцид всегда против всех». Именно эта идея проходит красной нитью в исследованиях Фридмана: «окончательное решение» было, несомненно, преступлением против еврейского народа, но также — преступлением против человечества (humanity) в целом. Эта мысль, кажущаяся нам сегодня прописной истиной, в первые послевоенные десятилетия была не только революционной для широкой общественности, но и спорной даже для академического сообщества изучающих Холокост.

¹² Ibid. P. 79.

Раздел 3. Политика и культура памяти об освобождении нацистских концлагерей

Илья Александрович Альтман
(Москва, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ АУШВИЦА В СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрено формирование политики памяти в СССР и современной России об Аушвице и его освободителях. Показана эволюция этой политики и дана ее периодизация. Отмечено отсутствие Национального дня памяти жертв Холокоста и воинов-освободителей. Показаны усилия общественных организаций по изменению этой ситуации.

Ключевые слова: политика памяти, Аушвиц, Международный день памяти жертв Холокоста, мемориальные вечера, В.Я. Петренко

27 января — Международный день памяти жертв Холокоста, приуроченный к освобождению в 1945 году войсками Красной Армии лагеря смерти Аушвиц и его филиалов. Рассмотрим формирование в нашей стране политики памяти об этом событии в контексте дискуссии о роли союзников в спасении узников нацистских лагерей смерти.

Политика памяти о Холокосте и об Аушвице как символе преступлений нацизма начинает обретать свои контуры уже в годы Великой Отечественной войны. Источниковая база по теме достаточно обширна. Выделим выступления лидеров страны, официальные заявления (Декларации, Заявления, ноты наркома иностранных дел В.М. Молотова), Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии о расследовании злодеяний немецко-фашистских оккупантов и их пособников (ЧГК).

В конце войны идеология и практика нацизма представлялась в СССР как лишенная антисемитской составляющей политика уничтожения прежде всего славянских народов. Символично, что

буквально накануне Дня Победы, 7–8 мая 1945 г., в центральной прессе публикуется сообщение ЧГК, которая в течение трех месяцев расследовала преступления нацистов в Аушвице. В нем говорилось, что в этом лагере смерти уничтожались граждане 27 государств. Справедливо подчеркивалось, что именно Красная Армия освободила лагерь, а советские врачи лечили оказавшихся на грани смерти узников. Но что отсутствовало в этом сообщении? В нем не говорилось о том, что подавляющее большинство жертв — евреи. Более того, слово «еврей» употребляется только один раз, когда речь идет о показаниях свидетеля, врача из Франции, который рассказал о медицинских экспериментах нацистов. Это было, безусловно, не случайно. Показательно, что в этом документе речь шла о четырех миллионах человек, уничтоженных в Аушвице (т. е. почти в 4 раза превышалось реальное число жертв)¹.

Отсутствие указания, что 90% погибших — евреи; замещение этого факта сведениями о гражданах около 30 государств, заложило основу особой советской политики памяти. Это наложило отпечаток и на культуру памяти в построении музейных экспозиций, фильмов и учебных программ как в СССР, так и в странах социалистического лагеря в целом. Отдельно скажем и о том, что вплоть до последнего времени сам лагерь в нашей стране назывался по имени польского города Освенцим, а не Аушвиц.

При характеристике политики памяти об Аушвице исследователи, помимо официальных документов, опираются также на периодическую печать, материалы судебных процессов над нацистскими преступниками и коллаборационистами. Сведения о Холокосте на оккупированной территории СССР, отраженные в 1941–1943 гг. в специальных публикациях и официальных заявлениях о нацистских преступлениях именно против еврейского населения² посте-

¹ Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. 1945 г. // «Правда». 7 мая 1945 г.

² См., например, Заявление Информбюро НКВД СССР «Осуществление гитлеровскими властями плана уничтожения еврейского населения Европы» // «Известия», 19 декабря 1942 г.

пенно мимикрировали к формуле «убийства мирных советских граждан». Наиболее наглядно это проявилось в редактировании информации о жертвах Бабьего Яра при подготовке в феврале 1944 г. очередного сборника важнейших сообщений ЧГК: слово «евреи» в нем трижды было заменено на «мирные советские граждане» и «жители Киева»³.

Не менее важны другие виды источников, прежде всего — визуальные, которые следует трактовать в контексте государственной политики по фиксации нацистских преступлений. Один из самых ярких примеров — это подготовка и премьера документального фильма «Освенцим», в котором принимали участие несколько фронтовых операторов, в том числе крымский татарин Кенан Кутуб-Заде (1906–1981) — мусульманин, родившийся в турецком Константинополе. Именно он дольше своих коллег работал в освобожденном лагере, создавая кинолетопись как преступлений нацистов, так и спасения узников. Документальный фильм «Освенцим» был представлен уже в самом начале Нюрнбергского процесса, в ноябре 1945 г., и произвел шокирующее впечатление как на обвинителей, так и подсудимых. По просьбе членов зарубежных делегаций в Нюрнберге показывались и другие документальные фильмы о преступлениях на оккупированной территории СССР. По свидетельству очевидцев, «плакали поголовно все — мужчины и женщины, молодые и старые»⁴. Это был очень важный элемент советской политики памяти — наглядное документальное представление зверств нацистов, наряду с фиксированием свидетельств спасенных узников и медицинского персонала. Но в этом фильме также не подчеркивалась национальность большинства жертв, а указывалось их гражданство.

Особую группу составляют документы личного происхождения, из которых выделяются мемуары. В воспоминаниях освободителей преобладали достаточно отрывочные сведения о том, как именно Красная Армия освобождала и спасала узников концлаге-

³ См. *Альтман И.А.* Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. // Учебное пособие для студентов. М., 2002. С. 275–276.

⁴ См. *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог. 3 изд. — М.: Юридическая литература, 1983. С. 25.

рей⁵. Еще более лапидарно была представлена тема спасения узников гетто. Причины этого кроются в той политике памяти о жертвах нацизма, которая сформировалась в Советском Союзе к концу войны и в первое послевоенное десятилетие. Не случайно, первые воспоминания выживших узников Аушвица появились лишь в конце 50-х гг.⁶

Еще один важный момент, который также часто трактуется изолированно от советской политики памяти — это создание серии рисунков замечательного фронтового художника, еврея по национальности Зиновия Толкачева (1903–1977). Выставки его работ, которые в последние десятилетия готовятся нашими зарубежными коллегами, идут обычно под названием «Рядовой Толкачев у ворот ада». То есть он позиционируется как случайный свидетель — один из бойцов 60-й армии, который фиксировал нацистские преступления и образы узников. Но ведь Зиновий Толкачев, получивший профессиональное признание еще перед войной, летом 1944 г. был направлен именно политорганами сначала в освобожденный Майданек, где он подготовил свою серию рисунков об этом лагере, а затем официально прикомандирован к сотрудникам Чрезвычайной государственной комиссии, которые расследовали преступления в Освенциме (Аушвице). Любопытно, что созданные З. Толкачевым альбомы «Майданек» и «Цветы Освенцима» были изданы в Польше, но не в СССР⁷. От имени польского, а не советского правительства, эти альбомы в 1945 г. были разосланы главам стран антигитлеровской коалиции, министрам союзных государств и военачальникам.

Возвращаясь к проблеме отсутствия у союзников планов по спасению узников Аушвица, важно напомнить, что именно в СССР были получены первые достоверные сведения об этой фабрике

⁵ См., например, *Конеv И.С.* Сорок пятый. — М., 1970; *Катышкин И.С.* Служили мы в штабе армейском. Глава 6. На пути к Одеру. М. 1979; *Елисаветский Г.Д.* Мы вместе сражались. — М.: Московский рабочий, 1980; *Амаглобели О.Н.* Свобода пришла с востока. — М., 1989.

⁶ См. *Лишакова З.М., Тринда А.Ф., Цветкова Т.М.* В фашистских застенках. Записки. — Минск, 1958.

⁷ Альбом «Освенцим» будет издан в Киеве только в 1965 г.

смерти. Двое советских военнопленных бежали из этого лагеря осенью 1943 г. Они оказались в партизанском отряде в Чехословакии и лишь летом 1944 г. сообщили советским спецслужбам подробные сведения о составе узников, в том числе — о гражданах СССР и военнопленных, которые привлекались к принудительному труду в его филиалах. Эти данные были доложены руководителю НКВД Украины и посланы затем в Москву. В сентябре 1944 г., т. е. накануне планирования Висло-Одерской операции, они были проверены и, в целом, подтверждены начальником 4 управления НКВД П.В. Судоплатовым⁸. Примечательно, что эти данные стали известны в СССР практически одновременно с публикацией в Швейцарии и Франции отчёта двух словацких евреев, бежавших из Аушвица в апреле 1944 г.

Но еще раньше, в середине августа 1944 г., название этого лагеря смерти появляется в самой популярной армейской газете «Красная Звезда», в очерке известного советского поэта периода войны Константина Симонова, посвященного освобождению Майданека и совершенных там преступлениях. В конце статьи (автор зачитывал ее текст в те же дни по всесоюзному радио) упоминалось об еще более страшном, чем Майданек лагере смерти — Освенциме. Здесь мы сталкиваемся с загадкой, которая очень волновала генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза В.Я. Петренко при написании его мемуаров⁹. Начальник кафедры военного искусства Академии им. Фрунзе, получивший доступ к материалам Ставки Верховного командования по разработке Висло-Одерской операции, задавал в этой книге вопрос: почему ему, командиру дивизии 60-й армии 1-го Украинского фронта, не было ничего известно о наличии этого лагеря смерти? Почему при подготовке к Висло-Одерской операции задача освобождения Аушвица не ставилась

⁸ См. *Терушкин Л.А., Тиханкина С.А.* Освобождение Освенцима(Аушвица) — уникальный пример межнациональной толерантности./Под ред. И.А. Альтмана. //Методические рекомендации по организации поисковой работы школьников и педагогов по установлению имен воинов-освободителей./Приложения. — М., 2017 (http://gimnalter.ucoz.ru/metodicheskie_rekomendacii_po_proektu_osvoboditeli.pdf)

⁹ *Петренко В.Я.* До и после Освенцима. — М.: Фонд «Холокост», 2000.

Ставкой перед командованием фронта? Этот вопрос волновал генерала всю жизнь, и он выдвинул свою версию — это отсутствие заботы о советских военнопленных со стороны советского руководства и антисемитизм.

Представляется, что данное объяснение неполное. Общая стратегическая задача, которая объединяла союзников — это скорейшая победа в войне, а не спасение узников концлагерей. Это общая парадигма не только для Красной Армии, но и для других стран антигитлеровской коалиции. Накануне 75-летия освобождения Аушвица премьер-министр Польши заявил, что Красная Армия остановилась осенью 1944 г. в двухстах километрах от лагеря и не стремилась погасить печи и крематории Аушвица. Могла ли Красная Армия наступать осенью 1944 года на Варшаву — это отдельный вопрос, который активно обсуждается политиками и учеными. Напомним, что к октябрю 1944 г., благодаря восстанию еврейской зондеркоманды в Аушвице, перестали действовать печи крематориев, что остановило убийство евреев в газовых камерах. Когда Красная Армия оказалась рядом с Аушвицем, более 50 тысяч узников разных национальностей (евреев там было меньшинство) были депортированы вглубь Германии. Вероятно, точно также немцы поступили бы и осенью 1944 году, а может быть, — потому что тогда еще не ясен был исход войны — прибегли к массовой казни узников, расстреляв их.

Тем не менее, можно выдвинуть версию, что именно отсутствие отдельного плана освобождения и спасения узников, которое свершилось де-факто, наряду с замалчиванием национального состава жертв, повлияло на политику памяти в СССР об этом и других лагерях смерти. Упор делался на преступления нацистов, особый характер их зверств, медицинские опыты над людьми, но не роль Красной Армии и советских врачей, лечивших узников после освобождения.

Практически весь советский период проводниками политики памяти об Аушвице выступали общественные ветеранские организации. Первый список оставшихся в живых узников был составлен в 1958 г. Надеждой Тимофеевной Цветковой (бывшей участницей Минского антифашистского подполья) и передан в Советский Ко-

митет ветеранов войны, в составе которого была создана секция бывших узников фашистских концлагерей во главе с Петром Мишиным (бывший военнопленный, узник Аушвица с 1941 г.) и Ириной Хариной, советской разведчицей, находившейся в Аушвице с апреля 1943 до середины января 1945 гг. и ставшей позднее вице-президентом Международного Освенцимского комитета. Именно Советский комитет ветеранов войны стал организатором встреч бывших узников концлагерей в Москве и других городах СССР. Уже в 1959 г. состоялась их первая поездка в Польшу. Вскоре выходят первые воспоминания о лагере¹⁰. К 20-летию Победы, в 1965 г., создаются республиканские Советы ветеранов войны с секциями бывших узников концлагерей, в т.ч. Освенцима (например, в Белоруссии)¹¹. При поддержке государства Комитет сформировал в 1960 г. делегацию для участия в мемориальных мероприятиях к 15-летию освобождения лагеря, в которых принимал участие генерал В.Я. Петренко. Судя по его воспоминаниям, организаторы уделяли основное внимание судьбе польских узников, практически не упоминая о евреях¹².

С середины 60-х гг. и особенно с начала 80-х именно В.Я. Петренко становится «брендом» советской политики пропаганды роли Красной Армии в освобождении Аушвица. Он трижды участвует в мемориальных мероприятиях в Польше. По приглашению Нобелевского лауреата Эли Визеля посещает в октябре 1981 г. Международную конференцию освободителей узников нацистских концлагерей в Вашингтоне, проходившую в Госдепартаменте. В ходе визита в США в 1987 г. В.Я. Петренко встречается с руководством Центра Визенталя в Лос-Анджелесе и становится почетным гражданином столицы штата Нью-Джерси г. Трентона. Он посещает также Бразилию и Великобританию, а в 1982 г. при отсутствии дипломатических отношений с Израилем выступает в Тель-Авиве

¹⁰ *Лебедев А.Ф.* Солдаты малой войны. Записки освенцимского узника. — М.: Госполитиздат. 1961.

¹¹ *Борисова, А. В.* Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. — Минск : Літаратура і Мастацтва, 2012. С. 13.

¹² См. *Петренко В.Я.* Указ. Соч. С. 147–148.

и рассказывает об освобождении Аушвица Красной Армией. Именно визит в США в 1981 г., по воспоминаниям В.Я. Петренко, стал для него переломным в осознании масштабов Холокоста, потому что в ходе конференции и бесед со спасенными узниками ему чаще всего задавался вопрос о спасении именно еврейских узников¹³.

К 1991 году в советской историографии и политическом дискурсе Освенцим (Аушвиц), с одной стороны, позиционировался как символ преступлений нацизма, а с другой — место уничтожения миллионов мирных граждан и советских военнопленных, без выделения жертв Холокоста в качестве важнейшей категории узников. В череде побед и сражений Красной армии освобождение Аушвица, как и других центров уничтожения, концлагерей и гетто никак не выделялось в официальной политике памяти.

Для современной России рубежом признания роли Красной армии в освобождении Аушвица как главного символа Холокоста становится 1995 год. Инициатором этого становится не государство, а общественная организация. До этого, с 1992 года, только что созданный Центр «Холокост» вместе с еврейскими организациями и посольством Государства Израиль регулярно проводили в Москве вечера памяти евреев-жертв нацизма и героев Сопротивления, приуроченные к восстанию в Варшавском гетто. Но в 1995 г., когда в Польше широко отмечалось 40 лет освобождения Аушвица, в московском Центральном Доме Кино прошло первое мемориальное заседание с участием более тысячи человек как вечер российской, а не только еврейской общественности. Главными героями вечера стали все проживавшие в Москве воины-освободители Аушвица. В том же году подобные мероприятия прошли в сенате Берлина и в столице Великобритании. Таким образом, политика памяти об Аушвице в России развивалась синхронно с признанием даты освобождения этого лагеря в Европе.

Подчеркнем, что формирование этой политики начинается по инициативе общественных организаций. Инициатором выступил Центр «Холокост» с участием ветеранских организаций, объединений бывших узников гетто и концлагерей. Самое активное участие

¹³ Там же. С. 148–151.

в мероприятиях принимали люди, которые освобождали Аушвиц или были его узниками. Проведение этих вечеров стимулировало в российском обществе и СМИ дискуссию о дате 27 января 1945 г. в истории Второй мировой войны.

Одним из важных факторов на пути официального включения даты освобождения Аушвица в международный календарь стали инициативы известных общественных деятелей, бывших узников лагерей смерти. Некоторые из таких инициатив исходили и из России. В 1995 г. В.Я. Петренко получил приглашение Президента Польши принять участие в мемориальных мероприятиях. В ответном письме генерал попросил «довести до глав предложение установить международный день памяти мучеников нацистских концлагерей». В написанных накануне 55-летия освобождения Аушвица мемуарах генерал завершил их словами: «я верю, что этот день — 27 января — станет международным Днем памяти всех уничтоженных нацистами мирных граждан Европы»¹⁴. Именно с середины 1990-х гг. В. Я. Петренко становится своего рода послом памяти именно о еврейских жертвах Аушвица, выступая на мемориальных вечерах в Москве и за рубежом.

Следующая веха политики памяти снова связана с очередным юбилеем освобождения Аушвица. В 2000 году на Стокгольмскую конференцию по Холокосту руководители и представители 47 государств мира собрались по приглашению премьер-министра Швеции именно 27 января. Представителем нашей страны была Валентина Ивановна Матвиенко, тогда заместитель председателя Правительства РФ. В ее выступлении прозвучали очень важные слова: «Самим фактом своего присутствия на конференции среди других стран цивилизованного мира Россия демонстрирует, что многолетняя стена умолчания Холокоста в нашей стране разрушена»¹⁵.

¹⁴ *Петренко В.Я.* Указ. соч. С. 115, 158.

¹⁵ Из выступления заместителя Председателя Правительства Российской Федерации В.И. Матвиенко на Международной конференции по Холокосту в Стокгольме // Антисемитизм: концептуальная ненависть: Сборник, посвященный Симону Визенталю / Под ред. И.А. Альтмана, Шимона Самуэльса, Марка Вейцмана. М.: Центр и Фонд «Холокост», 2009. [Электронный ресурс] — URL: <https://pub.wikireading.ru/34927> (дата обращения: 01.10.2020)

Примечательно, что в этом заявлении впервые от имени России прозвучало признание Холокоста и значение даты 27 января 1945 г. в его истории.

Вскоре после Стокгольмской конференции В.Я. Петренко обратился с предложением к президентам России, Беларуси и Украины. В нем просил установить День памяти жертв Холокоста и воинов-освободителей именно 27 января. К сожалению, ответов он не получил...

Новый этап политики памяти в России об Аушвице и Холокосте начинается после 2005 года, когда наша страна в числе 6 государств (в т. ч. Украины и Израиля) внесла проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об учреждении Международного дня памяти жертв Холокоста. После ее принятия лидеры нашего государства, выступая на различных международных форумах (особенно отметим выступление В.В. Путина в 2010 г. в ходе мемориальных мероприятий 27 января в Польше), четко говорили о еврейских жертвах, о недопустимости антисемитизма, о роли Красной Армии, которая остановила Холокост.

Важной вехой в формировании этой политики стал 2015 г., когда по инициативе Российского еврейского конгресса и Центра «Холокост» и при поддержке Правительства Москвы начала проводиться «Неделя памяти», приуроченная именно к 27 января. Заседание прошло впервые не в одном из учреждений культуры, а в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, что подчеркивало его официальный статус. О признании темы свидетельствует также экспонирование выставки «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение», подготовленной Центром «Холокост», в Государственной Думе (2016 г.) и Совете Федерации (в 2018 и 2019 гг.), нескольких десятках республиканских, краевых и областных центрах. С 2019 г. официальным соорганизатором «Недели памяти» впервые становится Федеральное агентство по делам национальностей, что позволяет существенно расширить возможности инициатив общественных организаций. В 2020 г. в Календарь мероприятий, приуроченных к юбилею Победы, впервые была включена презентация одной из выставок, проводимых в рамках «Недели памяти» — о спасителях евреев, которые совер-

шали свой подвиг на оккупированной территории РСФСР, либо проживали после войны в России. С 2016 г. дата 27 января включена Министерством образования и науки РФ в ежегодный Календарь образовательных событий в учебных заведениях, что также отражает изменения в политике памяти и позволяет существенно расширить состав участников и географию проведения мемориальных мероприятий.

Мемориальные события в России в последние годы гораздо подробнее освещаются в отечественных СМИ, что в немалой степени было обусловлено участием в них первых лиц государства. Отметим, что с 2015 г. они не получают приглашения на юбилейные форумы в Польше, но принимают участия в церемониях, которые проводятся в Еврейском музее и центре толерантности, а также в Мемориальной синагоге на Поклонной горе. Сочетание этих двух факторов также стало важным информационным поводом в освещении истории освобождения Аушвица и проведения коммеморационных мероприятий в России и за рубежом.

В силу указанных выше причин, масштабы мемориальных мероприятий в России с каждым годом расширяются. Так называемая «Неделя памяти» в Москве в 2020 г. длилась целый месяц. Одним из ярких событий стала демонстрация выставки об освобождении нацистских концлагерей и гетто в центре Москвы, на Никольской улице, что позволило ознакомиться с ней десяткам тысяч москвичей и гостей города. Это уже был новый этап популяризации даты 27 января, равно как и представление выставки за два года в четырех штаб-квартирах международных организаций, семи парламентах, музеях и университетах пятнадцати государств мира (при активном содействии Россотрудничества). Акцент в этой экспозиции, варианты которой были подготовлены на 9 языках, был сделан на участие в освобождении Аушвица представителей разных народов СССР. Показательно, что командиром полка, который освободил Аушвиц-Биркенау, был мусульманин, аварец М. Т. Танкаев. Среди 5 командиров дивизий, участвующих в освобождении этого лагеря и его филиалов были русские, украинец и латыш. Лечение освобожденных узников проводили совместно советские и польские медики. Таким образом, появились новые возможности представить

освобождение Аушвица как события, которое не только не должно приводить к «войнам политики памяти», но способствовать нахождению таких его граней, которые сплачивают, а не разъединяют народы и постсоветские государства. Этому способствуют серьезные научные исследования и воспоминания¹⁶, в которых уточняются как история функционирования лагеря, так и факты о «лжеосвободителях» Аушвица¹⁷.

Но мы по-прежнему сталкиваемся с феноменом, который достаточно не просто объяснить. В России, стране, которая была одной из тех, кто внес на Генеральной Ассамблее ООН проект резолюции о Международном дне памяти жертв Холокоста, отсутствует национальный день памяти. Одна из причин — это наличие другой даты, выпадающей на 27 января, — полное снятие блокады Ленинграда. При этом, проект «Освободители» Центра «Холокост» позволяет увидеть очень много общего между блокадой Ленинграда и освобождением Аушвица. Одна из пяти дивизий носила название «Ленинградская». Врачи, спасавшие узников, имели опыт лечения болевших дистрофией блокадников. Погибший накануне освобождения Аушвица в боях за г. Освенцим подполковник С.М. Беспрозрачный до войны был директором Большого драматического театра в Ленинграде.

¹⁶ См. *Погожев А.А., Стенькин П.А.* Побег из Освенцима: Остаться в живых. — М.: Яуза, 2005; *Борисова, А. В.* Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. — Минск : Літаратура і Мастацтва, 2012 (<http://gwminsk.com/files/osvencim.pdf>). Дата обращения: 1.10.2020) *С.И. Горбунова.* Освобождение концентрационного лагеря Аушвиц. Документальное исследование. В кн: *Немецкий нацистский лагерь смерти — концентрационный лагерь Аушвиц (Освенцим).* Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». М., 2015. С. 58–67.

¹⁷ См. *Лунатов С.А.* Освобождение лагеря смерти Освенцим — Аушвиц Красной армией в 1945 // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). — 2014. — № 2 (3) (<https://www.noo-journal.ru/2014-2-3/article-0027/> — дата обращения: 1.10.2010); *Немецкий нацистский лагерь смерти — концентрационный лагерь Аушвиц (Освенцим).* Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». М., 2015. 85 с.

Видимо, не только совпадение дат препятствует осознанию важности введения Международного дня памяти жертв Холокоста и воинов освободителей в нашей стране. Десятилетия забвения жертв Холокоста, конкуренция жертв — вот истинные причины отказа от учреждения национальной даты, которая призвана всем мировым сообществом и служить данью подвигу Красной Армии. Лишь с ее официальным принятием трансформация политики памяти получит свое достойное завершение. Но эта политика не формируется сама по себе. Должен прозвучать голос как научного сообщества, так и российской общественности для того, чтобы день освобождения узников Аушвица получил полноценное официальное признание в нашей стране.

Стивен Эрик Броннер
(Нью-Брунсвик, США)

УЖАС — НА ОБОЗРЕНИЕ: К 75-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КОНЦЛАГЕРЕЙ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности реакции американских солдат и современного общества в целом на ужасы нацистских лагерей смерти. Показаны механизмы забвения или преуменьшения числа и страданий жертв в контексте истории других геноцидов и мировых войн. Анализируются причины особого места памяти о Холокосте в США. Отмечена роль киноиндустрии в сохранении этой памяти.

Ключевые слова: Т.В. Адорно, Х. Арндт, Р. Лемкин, Т. Снайдер, геноцид, Голливуд, Вторая мировая война.

Слову «геноцид» едва исполнился год, когда сеть немецких концлагерей была наконец освобождена в 1945 году. Рафаэль Лемкин ввел этот термин в употребление в 1943–1944 годах, предполагая, что он будет применяться не только к нацистской Германии. Он имел в виду физическое и/или культурное истребление народа. История, несомненно, предлагает более чем достаточное количество примеров, чтобы оправдать этот термин. Первая мировая война унесла жизни около 40 миллионов человек, Вторая мировая война — 70–85 миллионов человек, и только в Китае погибло 50 миллионов. Гегель называл мировую историю «кровавой бойней». Мир привык к массовым зверствам, даже к «геноциду», как в случае с Карфагеном или истреблением анабаптистов, конголезцев, армян или жителей Хиросимы и Нагасаки. Было также представление, что массовые убийства происходили в Советском Союзе, благодаря произведениям бывших коммунистов, таких как Артур Кестлер, Джордж Оруэлл, Виктор Серж, и тем, которые включены в знаменитый сборник одного из лидеров лейбористской партии Ричарда Кроссмана «Бог, который потерпел неудачу», изданный в годы «холодной войны»¹.

¹ *Richard H. Crossman. The God That Failed. New York: Columbia University Press, 2001* (Кроссман Ричард. Бог, который потерпел неудачу. — Нью-Йорк, Колумбия Юниверсити Пресс, 2001)

Для Соединенных Штатов, однако, когда ворота концлагерей открылись, это выглядело совсем иначе. На мой взгляд, есть ряд причин, почему: 1) полуголодные и страдающие от болезней заключенные, с которыми столкнулись освободители, почти не были похожи на людей, и вызванный этим шок только усугубился, когда были обнаружены нацистские крематории. 2) Зверства в лагерях обычно рассматривались как продукт нацистского антисемитизма в чистом виде. 3) Усиленное средствами массовой информации и еврейскими общинами; это вызвало чувство вины, которое привело к американской поддержке образования Израиля. 4) Становилось все более очевидным, что пострадавшие были *такими же людьми, как мы*. В отличие от тех, кого истребляли в прошлом в Африке, Турции или Японии, эти евреи были белыми, их обычно изображали представителями среднего класса, они были обычно ассимилированным и, прежде всего, ни в чем не виновными. 5) Цифра в 6 миллионов получила символический статус, которая вызывала чувство вины и приводила к недостаточному вниманию к погибшим геем, цыганам и другим жертвам нацизма, а также о кровопролитии, которое произошло в месте, которое американский историк Тимоти Снайдер назвал «кровавыми землями»².

Холокост уникален или беспрецедентен в глубоком смысле, хотя это следует аргументировать, а не просто утверждать. Умножение наций и этнических групп в глобальной общественной сфере делает этот вопрос сложным и деликатным. Это утверждение легко преувеличить, как это было в случае с великим мыслителем Т.В. Адорно и его известным высказыванием, что «после Аушвица поэзия не может существовать». И это заявление как раз проливает свет на проблему, с которой освободителям Аушвица пришлось столкнуться позже. Если поэзия не может существовать после Аушвица, может ли она существовать после геноцидного уничтожения коренных американцев (индейцев), или рабства, или ГУЛАГа и Хиросимы, или геноцида, порожденного империализмом. Даже если бы Холокост считался *primus inter pares*, первым среди

² См. *Timothy David Snyder*. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. NY, 2010 (на русском *Снайдер Тимоти*. Кровавые земли. Европа между Гитлером и Сталиным. — Киев, 2015)

равных, используя такую логику, не может быть никакой поэзии, и точка! В любом случае, с точки зрения освободителей, Холокост уже не то зверство, по которому будут оцениваться все другие зверства.

Это косвенно влияет на то, как освобождение лагерей может (или нет) послужить основой для своего рода «народной дипломатии» или фундаментом для кампании против геноцида. Могут ли бывшие союзники взять на себя моральное руководство таким движением? Трудно привести аргумент: и Франция и Великобритания были вовлечены в кровавые формы колониализма, что не совсем ясно их гражданам, и американская общественность никогда не сталкивалась ни с одним примером геноцидной деятельности, будь то на Филиппинах или во Вьетнаме или в Ираке. Что касается России или, лучше сказать, Советского Союза: сталинизм и нацизм считаются взаимозаменяемыми понятиями в глазах западной общественности и, несомненно, большей части Восточной Европы. Поэтому, особенно в период существования Советского Союза, отличия этих двух тоталитарных форм стало вопросом огромной политической и пропагандистской важности. Так обстоит дело и сегодня, поскольку Россия переживает волну национализма и пытается восстановить свою роль во внешней политике.

Существуют различия между, скажем, «индустрией убийства» и старомодными формами произвольной резни. Также существует возможность противопоставить экономически развитую нацию, участвующую в наиболее радикальной форме эксплуатации и овеществления труда, и нацию, использующую миллионы и миллионы фактически рабов для быстрой модернизации. Французский философ и публицист Раймонд Арон³ высказал мысль о необходимости различать систему, которая изначально была злом, и систему, которая выродилась в варварство. Однако в некотором смысле все это академично. Оно вращается вокруг влияния геноцида и конкретного опыта жертв. Работали ли они до смерти, страдали от болезней и умирали от голода перед тем, как упасть замертво

³ См. *Раймонд А. Эссе о свободах: «Универсальной и единственной формулы свободы не существует»* [Электронный ресурс] — URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/1996-1-Aron.pdf> (дата обращения: 01.10.2020)

в ледяном холоде ГУЛАГа, или работали до смерти, страдали от болезней и умирали от голода перед тем, как оказаться в крематории, на самом деле не имеет большого значения. Призрак лицемерия будет преследовать попытки освободителей взять на себя ответственность за любую инициативу гражданской дипломатии.

Использование освобождения нацистских концлагерей в качестве основного импульса для новой гражданской дипломатии невозможно без серьезного отношения к этому вопросу. Просто недостаточно рассматривать Вторую мировую войну как «хорошую войну», в которой сражалось «величайшее поколение». И в Соединенных Штатах, и в России, несомненно, в основном считается, что это была борьба насмерть между дьявольскими нелюдями, истребляющими евреев, и альянсом союзников-гуманистов и советских войск. Нападки на предположение, что нацизмом руководили фанатичные идеологи концепции «сверхчеловека», были целью знаменитой фразы Ханны Арендт о «банальности зла» в ее знаменитой книге⁴. Изображение Эйхмана несло в себе идею (ошибочную в его конкретном случае), что он был просто винтиком в машине, неспособным к критическому размышлению, неспособным принять этическое решение, и, короче говоря, он был своего рода недотепой.

Суд над Эйхманом вновь вызвал интерес к истории лагерей и, конечно же, их освобождения. Реальность ужаса охватила массы — гораздо больше, чем сложный Нюрнбергский процесс. Какой бы ни была ценность ее квазипсихологического анализа нацистского бюрократа, Арендт и другие авторы пролили новый свет на механизм уничтожения и на «маленького человека», загнанного в его работу. Их идея о том, что обычные люди убивают других обычных людей, *таких, как мы*, как видится, сделала нацизм уникальным. Эту идею только подкрепили снятые на пленку остатки крематориев и лагерей — аккуратно сложенная обувь, волосы, зубы, кости и т. д., и кадры кинохроники, где немецких граждан заставляли проходить через освобожденные лагеря, в то время как

⁴ См. Ханна Арендт. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. — М.: Европа, 2004.

угрюмые офицеры концлагерей и капо сбрасывают трупы в братские могилы.

Это захватило американскую общественность, и сразу после войны ужасы сталинизма казались второстепенными. Особенно европейские союзники признали и отметили героическое сопротивление русских немецкой осаде Сталинграда. Однако довольно скоро это восприятие изменилось. В американской политике 1950-х годов начался процесс искоренения роли Советского Союза в борьбе с нацизмом. Его войска рассматривались скорее как оккупанты, чем как освободители Восточной Европы. Это восприятие только усилилось по мере того, как были установлены кровавые марионеточные режимы, поддерживаемые Советским Союзом; маккартизм стал мощной силой, и железный занавес опустился. В этих обстоятельствах, уроки, извлеченные Соединенными Штатами, были связаны не столько с кратковременной солидарностью, возникшей во время освобождения лагерей, сколько с «политикой умиротворения», проводимой премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом.

Политику умиротворения рассматривали всему виной, и профессионалы-антикоммунисты в американском правительстве считали, что та же ошибка не должна повториться, имея дело с Советским Союзом и другими коммунистическими режимами. Идеологическое использование умиротворения в Соединенных Штатах превратилось в анти-умиротворение, или столь же неверно истолкованное Джорджем Кеннаном понятие «сдерживания» в стратегическую основу послевоенной внешней политики Америки. Каким бы ни был дух антифашистского согласия, проявившийся во время Нюрнбергского процесса, маккартизм плюс разоблачения ГУЛАГа превратили Советский Союз не только в главного врага Соединенных Штатов, но и в новое воплощение зла. Коммунизм рассматривался как монолитное предприятие с глобальными амбициями, и, с дискредитацией нацизма, тоталитаризм, просто-напросто, стал отождествляться с коммунизмом.

Таким образом, возникла странная ситуация, в которой американская внешняя политика могла поддерживать кровавых диктаторов по всему миру, таких как Батиста на Кубе, Сухарто в Индоне-

зии или любых других, в борьбе против «тоталитаризма». Действительно, эта точка зрения была окончательно освящена в терминах «теории» послом США в ООН Джин Киркпатрик, занимавшей этот пост в администрации Рейгана. В ее статье, опубликованной в журнале *The National Interest*⁵ утверждалось, что тоталитарные режимы — это те авторитарные государства, противостоящие (спорно определяемые) американские интересы, в то время как те, которые поддерживали американские интересы, были просто диктатурами. С исторической точки зрения, американские ученые и сотрудники госдепартамента заменили умиротворение сдерживанием в ответ Советскому Союзу и всем возможным конфликтным ситуациями от Кореи до Вьетнама и Ирака.

Построение нового смысла партнерства, отражающего сотрудничество, связанное с освобождением лагерей и преданием нацистов суду в Нюрнберге, возможно только путем педагогического обращения с наследием холодной войны и смесью паранойи и ксенофобии, которую оно породило, и которые все еще с нами сегодня. Сдерживание было общей стратегической позицией, которую использовали против Советского Союза антикоммунисты, будь то либералы, социалисты или консерваторы. Оно было представлено западной публике в качестве единственного способа защитить свободу от врагов. Противостояние идеологическим предположениям такого рода во имя новой космополитической чувствительности является предварительным условием использования освобождения лагерей и спасения заключенных в качестве основы для гражданской дипломатии.

Голливуд не поможет исправить эту ситуацию. Он никогда особо не интересовался коммунистическим сопротивлением нацизму или ролью Советского Союза в освобождении лагерей, и это, по сути, остается так. Память о жертвах, принесенных русским народом, безусловно, является важным шагом в рассмотрении антифашизма и освобождения концлагерей как общего предприятия. Но это может означать, что телега запряжена впереди лошади. Дело

⁵ *Kirkpatrick J. A Normal Country in a Normal Time // The National Interest. Fall 1990. Pp. 40–44.*

в том, что Холокост как таковой требует определенной реабилитации. И если появились серьезные плодотворные исследования лагерей Ойгоном Когоном⁶ и Ханной Арендт (в книге «Истоки тоталитаризма»), а «Дневник Анны Франк» и «Ночь» Эли Визеля стали феноменальными бестселлерами, то педагогические начинания, касающиеся лагерей и их освобождения, тем не менее, могут выглядеть пока только как серьезная неудача.

Освобождение лагерей не играет серьезной роли в американских воспоминаниях о Второй мировой войне или даже о нацизме. Но это только верхушка айсберга. Опросы 2019 года показали, что две трети поколения миллениум в Соединенных Штатах и Великобритании не знали ничего об Аушвице и не могли дать даже самого элементарного описания Холокоста. Вездесущее желание все упростить и представить Холокост как «общечеловеческую» трагедию сыграло свою роль в том, что сейчас широко известно как «усталость от геноцида». Еще до того, как мы начнем думать о роли союзников или об освобождении лагерей, не говоря уже об их использовании для каких-либо новых дипломатических инициатив, необходимо новое педагогическое преподавание темы Холокоста, которое могло бы справиться с растущей потерей его значимости. Воспоминания исчезают: прежде всего необходимо их оживить и заново узнать о сложной природе тоталитаризма и его значимости на сегодняшний день. Чтобы вернуть дух освобождения лагерей и интегрировать его в практику борьбы с геноцидом в настоящее время, потребуются более глубокие знания о событиях и настроениях, которые кажутся все более чуждыми для большей части мира. Действительно, предстоит много работы.

⁶ *Eugen Kogon* . Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. Verlag Karl Alber, München 1946 (Ойген Когон. Государство СС. Система немецких концентрационных лагерей).

Игорь Котлер
(Нью-Брунсвик, США)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛАГЕРЕЙ В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ДИСКУРС

Аннотация. В статье дан сравнительный анализ освещения освобождения концлагерей в 5 американских изданиях разной политической направленности. Выделены главные сюжеты и особенности роли освободителей в контексте памяти о Холокосте в США. Отмечено присутствие двух версий интерпретации исторических фактов в некоторых публикациях. Подчеркивается, что освобождения нацистских лагерей — это важная часть американской истории, которая недостаточно отражена в СМИ. и благородная ее часть.

Ключевые слова: USA Today, The New York Times, The Wall Street Journal, Los Angeles Times, New York Post, Аушвиц, Дахau.

В контексте интереса к истории в американском обществе, основной фокус приходится на историю страны в ее пределах. Вторая мировая война отодвинута на задний план в историческом сознании американцев, в то время как корейская и, особенно, война во Вьетнаме занимают особое положение. Тема Холокоста, довольно широко освещаемая в Америке, поддерживает интерес ко Второй мировой войне, но в сравнительно узком смысле, связанном с геноцидаальной политикой нацистов.

Так как же американская пресса отражает историю освобождения нацистских лагерей? В этой статье дается анализ материалов из пяти ведущих газет США, две из которых представляют интересы либеральной публики, две консервативной и одна, USA Today, по сути, является информативным изданием, не публикующим полемические материалы.

Начнем с самого нейтрального источника — USA Today. В ней, самой многотиражной американской газете, была найдена только одна небольшая заметка под названием «Вспоминая освобожде-

ние Дахау 70 лет тому назад»¹. В нескольких строчках сообщается : «Канцлер Германии Ангела Меркель и посол США в Германии возложили венки в память о погибших в концлагере Дахау в Германии. Церемония ознаменовала годовщину его освобождения 70 лет назад»². Никакой исторической информации эта заметка не несет.

В других изданиях публикаций больше. Сначала обратимся к либеральной прессе, флагманом которой является The New York Times. 13 апреля 1970 г. там появляется маленькая заметка «День освобождения отмечен в лагере Берген-Бельзен»³, чем-то схожая с заметкой в USA Today. 20 апреля 1993 г. печатается небольшая статья «Лагеря времен Второй мировой войны были действительно освобождены»⁴, содержащая информацию об освобождении основных нацистских концлагерей советскими, британскими и американскими войсками. Статья не носит никакого дискуссионного характера и более похожа на историческую справку, напоминая читателю о важной миссии освободителей.

Основательно отличается от предыдущих публикация под названием «Пережить нацистов только для того, чтобы стать заключенными Америки»⁵, вышедшая 7 февраля 2015 г. В статье рассказывается о том, что после освобождения концлагерей американцами и силами союзников, бывшие узники, в основном евреи, были помещены в лагеря для перемещенных лиц. Они содержались там многие месяцы и даже годы, так как США и другие страны отказы-

¹ Dachau liberation 70 years ago remembered. USA Today, 3 мая, 2015 г. <https://www.usatoday.com/videos/news/nation/2015/05/03/26830015/>

² Других публикаций, напрямую посвященных освобождению лагерей, автором не обнаружено, но исследование в этой области еще не закончено и носит, в определенной степени, предварительный характер. То же самое относится к другим газетам, рассматриваемым ниже.

³ Liberation Commemorated at Bergen-Belsen Camp. The New York Times, 13 апреля 1970 г. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1970/04/13/issue.html>

⁴ World War II Camps Were Truly Liberated. The New York Times, 20 апреля 1993 г. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1993/04/20/877293.html?pageNumber=28>

⁵ Surviving the Nazis, Only to Be Jailed by America. The New York Times, 7 Февраля 2015 г. <https://www.nytimes.com/2015/02/08/sunday-review/surviving-the-nazis-only-to-be-jailed-by-america.html>

вались их принимать. Зачастую лагеря находились на территории бывших концлагерей, и условия содержания в них были немногим лучше чем при нацистах. Газета повествует, что в первые месяцы после войны тысячи заключенных погибли от болезней и недоедания. Еды не хватало настолько, что происходили голодные бунты, но командование союзников отказывалось выделять еврейским перемещенным лицам дополнительный рацион, не желая выказывать им таким образом свое предпочтение по сравнению с немецкими военнопленными и другими заключенными. Согласно статье, генерал Джордж Паттон, который командовал 3-ей американской армией, освободившей Дахау, не воспринимал за людей перемещенных лиц, в особенности евреев, которых он считал хуже животных. Он говорил, что в еврейских заключенных не осталось ничего человеческого, что они справляют естественные потребности прямо на пол и живут в жуткой грязи. Давая описание службы на Йом-Кипур (Судный день) в синагоге одного из лагерей, он отмечал зловоние собравшихся и поражался тому, что человеческие существа, созданные по образу и подобию Всевышнего, выглядели и вели себя подобным образом. Согласно некоторым свидетельствам, Паттон не только презирал освобожденных евреев, но под его командованием американские военнослужащие, напротив, относились с некоторым почтением к нацистским заключенным. Их, подчас, не только размещали вместе с еврейскими узниками, но им даже давали определенные полномочия в администрации лагерей.

С этой статьей перекликается статья «Для некоторых переживших Холокост даже освобождение было дегуманизирующим», опубликованная 28 апреля 2020 г.⁶ В начале в ней рассказывается о том, что увидели и о том, что чувствовали американские военнослужащие после освобождения концлагеря Ганновер-Алем 10 апреля 1945 г. Автор статьи сообщает, что в освобождении лагерей принимали участие более 30 американских воинских подразделений, которые также отвечали за медицинскую помощь, поставку продовольствия и организацию отправки бывших узников на ро-

⁶ For Some Holocaust Survivors, Even Liberation Was Dehumanizing, The New York Times, 28 апреля 2020 г. <https://www.nytimes.com/2020/04/28/magazine/for-some-holocaust-survivors-even-liberation-was-dehumanizing.html>

дину. Однако, не все они тщательно выполняли свои обязанности, и, по воспоминаниям некоторых узников, плохое обращение со стороны американских солдат еще больше травмировало их. Одна из бывших узников лагеря Гросс-Розен, Рут Клюгер, вспоминает, что первый же американский солдат, которого она и ее мать встретили и которому рассказали, что бежали из лагеря, не стал их даже слушать, демонстративно заткнув уши. Возможно, подобное поведение американских солдат объясняется тем, что они были шокированы происходящим, а возможно, это было проявлением антисемитизма с их стороны. Когда Эрл Харрисон, американский представитель Межправительственного комитета по делам беженцев, инспектировал лагеря для перемещенных лиц в Германии, он критично высказался относительно условий содержания: «похоже, мы [американцы] обращаемся с евреями так же, как это делали нацисты, за исключением того, что мы физически их не уничтожаем». Антисемитизм проявлялся и среди высших чинов американской армии. Так, генерал Джордж Паттон заявил своему командиру Дуайту Эйзенхауэру, что, по его мнению, узники сами виноваты в плохих условиях содержания, потому что они «гадят по углам», а майор Ирвинг Хеймонт, назначенный в лагерь для перемещенных лиц Ландсберг, говорил, что американцы предпочитают иметь дело с немецким гражданским населением, а не с освобожденными евреями, которых они считали животными, недостойными хорошего обращения. В конце автор отмечает, что «несмотря на эти расистские взгляды, в первые же дни и месяцы после освобождения возникли значимые связи — на физическом и социальном уровнях».

Еще один из примеров публикаций в либеральной прессе — это статья «Раса и освобождение Дахау», помещенная в газете Los Angeles Times 1 февраля 2012 г.⁷ Статья обсуждает вопрос участия американских частей, состоящих из афроамериканцев, в освобождении Дахау. Она, практически, не содержит исторической информации об освобождении и больше обсуждает тему расизма

⁷ Race and the liberation of Dachau. Los Angeles Times, 1 февраля 2012 г. <https://www.latimes.com/opinion/la-xpm-2012-feb-01-la-oe-perlman-dachau-20120201-story.html>

в исторических исследованиях и возможной предвзятости к чернокожим американцам.

Консервативная пресса представлена в первую очередь *The Wall Street Journal*. 27 января 2010 г. газета поместила статью под заголовком «Аушвиц и советские освободители»⁸. В ней показаны две точки зрения на поведение советских военнослужащих в освобожденном лагере со ссылкой на современную польскую прессу. Одна представляет освободителей в негативном свете. В частности, *The Wall Street Journal* пишет: «Консервативная польская ежедневная газета *Rzeczpospolita*, традиционно подозрительно относящаяся к России, публикует сегодня юбилейную статью под названием «Аушвиц: безразличие освободителей». «Мы были ужасно голодны», — рассказала выжившая в Аушвице Казимира Васиак. — В лагере нас кормили супом с переваренными жирными червями. Мы просили Советы (советских военных) дать нам хотя бы кусок мяса, но они бросали только кости в снег». «Советы? Я видела двоих из них», — сказала еще одна выжившая Ханна Вардак. «Они прошли мимо меня и других детей с веревками и даже не посмотрели на нас. Они не дали нам еды, они не помогли».

Представляя вторую точку зрения, которая показывает гуманизм освободителей, *The Wall Street Journal* продолжает: «А вот так история рассказывается либеральной ежедневной газетой *Gazeta Wyborcza*... «Солдаты Красной Армии [...] наконец добрались до барака с голодными, оборванными, больными детьми. Самому младшему может быть было два или три года. Солдаты открыли свои рюкзаки и дали им все, что съедобно. Шестилетний мальчик схватил [лейтенанта Юрия] Ильинского за руку и не хотел его отпускать. [...] Ильинский тут же решил забрать ребенка с собой, в свой батальон. Там его накормят и оденут, в армии ему будет лучше, чем среди гражданского населения. Но командир батальона приказал вернуть мальчика [в лагерь]. Ребенок плакал. У Ильинского тоже стояли слезы на глазах». Статья заканчивается следующими словами: «Обе истории легко могли произойти — тысячи

⁸ Auschwitz and Its Soviet Liberators. *The Wall Street Journal*, 27 января, 2010 г. <https://www.wsj.com/articles/BL-NEB-1279>

людей все еще находились в лагере, когда пришла Советская Армия, — но похоже, что по прошествии нескольких поколений мы никогда не узнаем наверняка, насколько правдивы противоречивые версии освобождения Аушвица, поэтому стоит принимать во внимание обе стороны истории».

15 ноября того же 2010 г. газета публикует статью «Переживший Холокост — спасибо американским солдатам» с подзаголовком «В День ветеранов, вспоминая людей из Радужной дивизии Седьмой армии, которые спасли моего отца»⁹. Автор, сын пережившего, пишет: «Мой отец выжил, потому что утром 30 апреля 1945 года американские солдаты из 42-й пехотной дивизии Седьмой армии, известной как Радужная дивизия, освободили лагерь, крича: «Вы свободны! Вы свободны!». Мой отец всегда с большой благодарностью и восхищением отзывался о солдатах, спасших ему жизнь. Когда Аллах (филиал Дахау) был освобожден, мой отец весил менее 80 фунтов. Он был покрыт вшами и слишком слаб, чтобы ходить. Солдаты доставили его в армейский полевой госпиталь. Позже его перевели в санаторий недалеко от Мюнхена, где он постепенно восстановил свои силы».

И, наконец, следует отметить публикацию «Долг свидетельствовать о бесчеловечности» с подзаголовком «Гнев Эйзенхауэра после обнаружения нацистского концлагеря побудил его сделать так, чтобы зло, творившееся там, врезалось в нашу национальную память»¹⁰. В статье рассказывается как после освобождения американцами концлагеря Ордруф 4 апреля 1945 г. его посетил Дуайт Эйзенхауэр, бывший в это время главнокомандующим союзных сил. Автор цитирует Эйзенхауэра: «Когда я нашел первый такой лагерь, я думаю, что никогда в жизни не был так разъярен. Зверства, свершившиеся там, заключались не просто в нагромождении

⁹ A Holocaust Survivor—Thanks to American GIs. On Veterans Day, thinking of the men in the Seventh Army's Rainbow Division who saved my father. The Wall Street Journal, 15 ноября 2010 г. <https://www.wsj.com/articles/a-holocaust-survivorthanks-to-american-gis-1447200965>

¹⁰ The Duty to Bear Witness to Brutality. Eisenhower's rage upon discovering a Nazi concentration camp drove him to burn the evil done there into our national memory. The Wall Street Journal, 3 апреля, 2020 г. <https://www.wsj.com/articles/the-duty-to-bear-witness-to-brutality-11585953404>

тел умерших от голода людей, а еще в том, что если последовать по дороге, по которой [нацисты] пытались эвакуировать их, чтобы они могли продолжать работать, вы могли видеть, где они лежали на земле. Вы можете пойти к их могильным ямам и увидеть ужасы, которые я бы даже не стал описывать. Я считаю, что люди должны знать о таких вещах». И для того, чтобы сохранить эту память, как рассказывает статья, он приказал войсковым фотографам сделать снимки следов нацистских преступлений.

Другую консервативную газету, *New York Post*, можно представить статьей «Американские японцы-освободители Дахау»¹¹. В статье говорится о 442-ой полковой боевой группе, состоявшей из американских японцев, которые сражались в Италии и Франции, а затем на территории Германии, и участвовали в освобождении Дахау. Статья написана в позитивном духе, в основном рассказывая о судьбе освободителей.

В 2020 г. отмечалось 75-летие со дня освобождения Аушвица. Все газеты опубликовали материалы, посвященные этому событию. Однако, они не сколько рассказывали о самом освобождении, а больше говорили о политике, о переживших, о съезде мировых лидеров в Израиле. История освобождения осталась нерассказанной...

Резюмируя вышесказанное, можно обозначить определенные тенденции в американской прессе касательно истории освобождения лагерей. Материала мало и он очень разрознен, в то время как освобождения нацистских лагерей — это часть американской истории, и благородная ее часть. Статьи в либеральных изданиях, хотя и показывают гуманистическую сторону поведения американской освободителей, их фокус сосредоточен более на расистском, говоря языком авторов, и, в принципе, неприязненном отношении к освобожденным, и отражает, по моему мнению, общую тенденцию современного американского дискурса, который можно свести к концепции «универсального чувства вины (*guilt*)». В США, за последние два десятилетия, это концепция стала одной из до-

¹¹ Dachau's Japanese-American liberators. *New York Post*, 26 апреля 2010 г. <https://nypost.com/2010/04/26/dachaus-japanese-american-liberators/>

минирующих — это чувство вины перед индейцами в завоевании Америки, вплоть до заявления о том, что День благодарения — это день траура, а не благодарности за хорошую жизнь и мир; это чувство вины перед афроамериканцами за рабство и их современными реальными и сомнительными бедами; это чувство вины перед филиппинцами, вьетнамцами и многими другими за политику американского империализма; это чувство вины перед женщинами и геями за дискриминацию и ущемление прав; это чувство вины перед американскими японцами за интернирование во время войны; это даже чувство вины перед бывшими врагами-японцами за Хиросиму и Нагасаки. Теперь нарратив расширяется: освободители, в определенной степени, показываются с негативной стороны с перенесением их личных или групповых симпатий или антипатий на американскую политику в целом. В подтексте же этих публикаций, как мне представляется, лежит идея либерально-утопического и, на поверхности, моралистического переписывания истории, исходящая из социально-политических реалий современной жизни, подаваемая журналистами плохо знакомыми с исторической действительностью описываемых ими времен и склонными к «инновационным» концепциям и некоторому сенсационализму.

Консервативная пресса придерживается другого нарратива, подчеркивающего жертвенность и гуманизм освободителей. В ней, как правило, больше исторической информации и полное отсутствие претензии на сенсацию. Она привержена к устоявшемуся традиционному нарративу борьбы демократического добра с нацистским злом. Особо следует отметить присутствие двух версий исторических фактов в некоторых публикациях, как это проиллюстрировано в статье «Аушвиц и советские освободители», что представляет хороший пример попытки объективного подхода к событиям минувших лет и может пробудить дополнительный интерес читателя к представленной проблеме в отличие от практически полной политизации в анализе прошлого на журналистском уровне характерной для либеральных изданий.

*Яков Зинберг
(Токио, Япония)*

522-Й «ШТРАФНОЙ» БАТАЛЬОН АРТИЛЛЕРИИ США: УЧАСТИЕ АМЕРИКАНСКИХ ЯПОНЦЕВ В ОСВОБОЖДЕНИИ КОНЦЛАГЕРЯ ДАХАУ И ПРОБЛЕМАТИКА РАСИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается история освобождения концлагеря Дахау и роль американских граждан японского происхождения в спасении узников, среди которых было 300 евреев из Литвы. Анализируются особенности сохранения памяти в Японии и США об этом событии в сравнении с признанием подвига японского дипломата Чиунэ Сугихара, выдававшего визы еврейским беженцам.

Ключевые слова: Дахау, 522-й батальон, американские японцы, расизм, Инудзука, Сугихара, «уничтожение Японии».

Проблематика Холокоста по своей исторической сути является европоцентристской. Между тем, связанные с ней события в регионе восточной Азии заслуживают значительно большего внимания, чем это может показаться поверхностным наблюдателям. В потоках европоцентризма эти события нередко видятся прежде всего гротескными — как, например, то, что министр финансов США в администрации президента Джимми Картера Вернер Михаэл Блюменталь (Werner Michael Blumenthal) происходит из семьи немецких евреев среднего достатка, добравшихся на последние оставшиеся деньги из Германии до Шанхая в 1939 году.

Заложник японских оккупантов, с газетной бумагой в туфлях для прикрытия дыр, без паспорта, зарабатывая по одному доллару в неделю уборщиком, этот мальчик по сути кормил всю семью. По иронии судьбы, в августе 1940 года, в поисках средств для смягчения экономических санкций со стороны США в отношении Японии, один из лидеров военного персонала Японии в Шанхае и по совместительству «эксперт по еврейскому вопросу» капитан Корэ-сигэ Инудзука настаивал на том, чтобы местная еврейская община

обратилась к целому ряду ключевых еврейских организаций США с просьбой учесть «благосклонность» японской администрации к еврейским беженцам и срочно принять соответствующие меры. Текст обращения Инудзука содержал ряд угроз в случае отказа в содействии и, в частности, открыто ссылался на весьма нежелательные последствия для местного еврейского населения¹. Прозорливый эксперт по «еврейским делам» никак не мог знать, что среди его подопечных заложников подрастал будущий министр финансов США.

Много лет спустя в своих воспоминаниях, опубликованных в 2013 году, В. М. Блюменталь напишет о японских офицерах в Китае следующее:

«Претендуя быть ‘антисемитами’, эти офицеры, обладавшие значительной независимостью, тем не менее пришли к тому выводу, что чем преследовать опасных евреев, за ними лучше наблюдать, контролировать и использовать их в пользу Японии для развития Маньчжурии и как заложников с целью оказания воздействия на всемирное еврейство на благо Японии»².

История героев этой статьи может показаться в не меньшей степени экзотичной. При этом в ряде ключевых аспектов она также коренится в сфере японо-американских отношений и убеждённости ряда японских лидеров либо в якобы чрезвычайном могуществе евреев, либо в исключительно высокой степени их политического влияния, в частности, на СМИ.

Проблематика интернирования 120 тысяч американских японцев в Калифорнии после нападения Японии на Пёрл Харбор в декабре 1942 года и формирования 442-го боевого полка армии США, состоявшего почти полностью из интернированных японцев призывного возраста, достаточно широко представлена в науч-

¹ См. текст угроз и критические комментарии в Kanno, K., Zinberg, Y. “Towards Positive Historiography of Japan’s Jewish Policies in Wartime Shanghai: Two Samples of Primary Sources Analysis”. *Bulletin of Asian Studies*, Vol. 18, March 2020, p. 64.

² Blumenthal, W. Michael. *From Exile to Washington: A Memoir of Leadership in the Twentieth Century*. (Издание в Вашингтон: мемуары о лидерстве в 20-м веке). NY: Overlook Press, 2013, p. 109.

ных работах, опубликованных в США. Хочу в этой связи обратить особое внимание на дискурс, предложенный в 1990 году американским учёным Гордоном Накагава, который противопоставлял «хранение молчания» нарушению этого табу. Несомненно, в основе такого подхода лежит осознание расистского характера интернирования и мобилизации. Достаточно привести в пример следующий отрывок из письма в адрес Департамента войны США, отосланного в 1943 году генерал-лейтенантом Джоном Деви́ттом (John L. DeWitt), которому было поручено осуществление Приказа 9066 об эвакуации и интернировании:

«Японская раса есть враждебная раса и хотя многие японцы второго и третьего поколений, родившиеся в США и получившие гражданство, американизировались, расовые особенности не смываются»³.

Нарушение табу молчания происходит со значительным опозданием. Примером может служить, в частности, знаковая телепередача японской национальной корпорации радио и телевидения Эн Эич Кэй (NHK), которая вышла в эфир 13 мая 2015 года и была главным образом посвящена судьбам тех самых американских японцев, которые в составе 442-го боевого полка войск США были отосланы воевать с нацистской Германией в Европу. Военнослужащие 442-го полка получили самое большое в истории США количество орденов и медалей, но из их числа более четырёх тысяч бойцов были убиты или ранены, что втрое превышает средний показатель потерь среди военнослужащих США в целом. Нарушив табу молчания, они рассказывали о своих страданиях, об унижении и несправедливости. Сигэ Дой всё ещё не мог спать, а Масао Кадота утверждал, что молодые японцы шли воевать с единственной целью доказать свою лояльность и добиться восстановления гражданских прав. В свою очередь профессор Ясуко Такедзава, комментатор телепрограммы, с горечью признала, что служившие в 442-м полку японцы были «расходным материалом».

³ См. *Nakagawa, Gordon*. “What are we doing here with all these Japanese?: Subject-constitution and strategies of discursive closure represented in stories of Japanese American internment?”. *Communications Quarterly*, Vol. 38, No. 4, Fall 1990, p. 390.

Известно, что концлагерь Дахау был освобождён 29 апреля 1945 года 42-й и 45-й полковыми дивизиями войск США. 522-й батальон, как часть 442-ого полка, состоявший из около 600 бойцов, находился в районе расположения Дахау с конца апреля по начало мая. Хотя в американских и японских СМИ широко распространено мнение, согласно которому 522-й батальон «освобождал Дахау», американский учёный Джон Макманус (John McManus), в частности, считает, что «освобождение» означает участие в первоначальном вхождении в концлагерь и освобождении заключённых. По мнению Макмануса, 522-й батальон мог участвовать в освобождении одного из как минимум 90 дополнительных лагерей, подконтрольных Дахау, но определённо не того лагеря, который мы обозначаем как собственно «Дахау»⁴. Как справедливо отмечено в одном из критических обзоров, Макманус в своей уникальной монографии, посвящённой освобождению войсками США концлагерей Ордруф, Бухенвальд и Дахау⁵, описывает хаотичность процесса освобождения, что проявляется в противоречивости показаний свидетелей и официальных лиц⁶.

К сожалению, имеется только одно письменное свидетельство о вхождении 522-го батальона в, по всей видимости, подсобный лагерь Дахау, составленное покойным медиком батальона Итиро Имамура. При этом клуб ветеранов 442-го полка отказывается принять на себя роль «освободителя» основного лагеря Дахау⁷. Согласно тексту дневника, двое связных из батальона 522 были одними из первых освободителей концлагеря Дахау. Имамура пишет

⁴ Из переписки Макмануса с журналистом Ричем Тенорио. См. <https://www.timesofisrael.com/these-us-soldiers-liberated-dachau-while-their-own-families-were-locked-up-back-home/> (доступ от 29 октября 2020 г.)

⁵ John C. McManus. *Hell Before Their Very Eyes: American Soldiers Liberate Concentration Camps in Germany, April 1945* (Ад прямо перед их глазами: американские солдаты освобождают концлагеря в Германии, август 1945-го). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015.

⁶ См. *American Jewish History*, Vol. 100, No. 4, October 2016, p. 578.

⁷ См. *Menton, Linda K.* "Research Report: Nisei Soldiers at Dachau, Spring 1945". *Holocaust and Genocide Studies*, V8 N2, Fall 1994, pp. 267–269.

в дневнике, что лично наблюдал, как один из связанных выстрелил из карабина, раздробив цепь, которая запирала ворота⁸.

Следует также обратить внимание на содержание американского документального фильма (1992 г.) под названием «Освободители: сражаясь на двух фронтах во Вторую мировую» (*Liberators: Fighting on Two Fronts in World War II*), который демонстрировал участие танкового батальона 761 войск США, состоявшего из афроамериканцев, в освобождении концлагерей Дахау и Бухенвальд. Фильм и сопутствующая литература вызвали волну критики и обвинений в фальсификации фактов. В этой связи почитатели таланта Ильфа и Петрова не могут, наверное, не вспомнить детей лейтенанта Шмидта.

Возвращаясь к тематике расизма, необходимо отметить также и атмосферу враждебности к Японии в США накануне 50-летия нападения на Пёрл Харбор. Американских японцев обвиняли в стремлении неоправданно присвоить себе заслуги и упоминали, в частности, то, что офицеры 442-го полка были «белыми». Кроме того, остаются неподтверждёнными утверждения о том, что военнослужащие 522-го батальона подвергались угрозам судебного преследованиям со стороны армии США за дачу показаний о виденном в Дахау. Так или иначе, объём собранных сведений на основе немногочисленных бесед с бывшими военнослужащими 522-го батальона невелик, а их содержание противоречиво.

В плане эволюции японо-американских отношений следует обратить внимание на опубликованную в США в 1987 году монографию под названием «Нежданные освободители: бойцы 100-го и 442-го» (*Unlikely Liberators: The Men of the 100th and 442nd*), являющуюся дополненным переводом серии статей в популярном японском ежемесячном журнале «Бунгэй Сюдзю» за 1982 год. Переведённая книга была издана в Японии в 1983 году под авторством Масаё Умедзава. Хотя в тексте нередко упоминается 522-й батальон, сведений об освобождении Дахау не имеется.

⁸ См. текст дневника Имамура в *Tanaka, Chester. Go for Broke: A Pictorial History of the Japanese American 100th Infantry Battalion and the 442d Regimental Combat Team*. Novato, CA.: Presidio Press, 1997, p. 117.

Тем не менее, в феврале 1995 года тематика «нежданных освободителей» начинает приобретать в Японии характер популярного общественного движения, когда в Токио открылась фото-выставка, спонсорами которой выступал ряд заинтересованных парламентариев, представившая более 140 снимков и артефактов и относившаяся не только к освободительной деятельности 522-го батальона, но ещё и к деятельности Чиунэ Сугихара, вице-консула Японии в Каунасе, который в 1940-м году выдал более двух тысяч транзитных виз еврейским беженцам из Польши. Несколько ранее, в сентябре 1994 года, в Японию прибыла с целью месячного пребывания делегация в составе из 36 человек из США, состоявшая из бывших военнослужащих 522-го батальона, ряда освобождённых узников Дахау и обладателей транзитной «визы жизни» Сугихара. В то же самое время в Японии была открыта фотовыставка «Нежданные освободители», куратором которой являлся историк Холокоста Эрик Сол (Eric Saul), посвящённая освобождению Дахау и деятельности 522-го батальона. Один из прибывших в Японию, Солли Ганор (Solly Ganor), автор популярной книги «Зажгите одну свечу»⁹, вышедшей в переводе на японский в 2014 году, по его собственным словам, в детстве познакомился с Сугихара на еврейском празднике Ханука у себя дома в Каунасе и был спасён американскими японцами, освободившими Дахау.

Фотовыставка «Нежданные освободители» с успехом проходила в Калифорнии, Иерусалиме и неоднократно на Гавайских островах, в том числе в 2015 и 2017 годах. В апреле 2005 года генеральное консульство Японии в Хьюстоне, столице штата Техас, организовало выставку «Нежданные освободители» и «Сугихара, японский праведник» совместно с местным музеем Холокоста¹⁰. По мнению куратора Эрика Сола, 2 мая 1945 года передовой патруль 522-го батальона обнаружил в районе города Вакирхен (нем. Waakirchen) в Баварии сотни оставшихся в живых узников Дахау, которые

⁹ *Солли Ганор. Зажги одну свечу: Рассказ выжившего из Литвы...* — Иерусалим, 1995.

¹⁰ Consulate-General of Japan in Houston [Электронный ресурс] — URL: <https://www.houston.us.emb-japan.go.jp/jp/ryojikan/page20070208.htm> (дата обращения: 02.10.2020).

участвовали в «марше смерти» в направлении к границе Баварии и Австрии, организованном по приказу Гитлера и Гимmlера в конце апреля 1945 года. Батальон оказал выжившим посильную помощь и покинул зону расположения Вакирхена 4 мая¹¹.

Нельзя не обратить внимания на то, что Сугихара скончался в 1986 году, достаточно безвестным, а 522-й батальон сражался более полувека тому назад. В чём возможная причина начавшегося в Японии с 90-х годов спонсируемого потока запоздалого почитания? В немалой степени дело в том, что именно на эти годы приходится растущее противостояние Японии и США и широкое распространение явления «Japan Bashing» — уничижения Японии. Так, в июле 1985 года Теодор Вайт (Theodore White), изветный американский журналист, писал в статье под названием «Опасность из Японии» (The Danger from Japan):

«Через 40 лет после Второй мировой войны японцы вновь идут вперёд, осуществляя одну из наиболее блестящих в истории коммерческих атак, разрушая американскую индустрию. Они просто умны или же наконец-то научились быть мудрее нас — проявятся в ходе следующих 10 лет. Только тогда мы узнаем, кто же выиграл войну...»¹²

Начиная с середины 80-х годов и достигая апогея в 1992 году, выражение «уничужение Японии» становится в США одним из ключевых в широком употреблении в СМИ в отношении Японии. Характерно, что именно в это время приводится в действие «еврейская карта»: как тут не вспомнить уроки капитана Инудзука, «эксперта по еврейскому вопросу», с рассказа о котором автор начал эту статью?

¹¹ Unlikely Liberators. 522nd Field Artillery at Dachau and the Liberation of the Death March at Waakirchen, Germany [Электронный ресурс] — URL: <http://www.easaul.com/unlikely-liberators-ve.html> (дата обращения: 06.10.2020).

¹² White T. H. The Danger From Japan // New York Times. July 28, 1985. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.nytimes.com/1985/07/28/magazine/the-danger-from-japan.html> (дата обращения: 06.10.2020).

*Павел Маркович Полян
(Москва, Россия)*

СВИТКИ ИЗ ПЕПЛА: ИСТОРИЯ ОБНАРУЖЕНИЯ, ПРОЧТЕНИЯ, ПЕРЕВОДА И ИЗДАНИЯ

Аннотация. Рассмотрено мародерство местного населения после освобождения Аушвица в контексте находок свидетельств, оставленных узниками в горах пепла рядом с крематориями. Показана история использования территории концлагеря после освобождения.

Ключевые слова: Аушвиц, З. Градовский, «Свитки из пепла», еврейская зондеркоманда, канадзяры, польские и советские медики.

*«Дорогой находчик, ищите везде!..»
Залман Градовский*

После освобождения: Канадзяры, или человеческие гиены

После того как 27 января 1945 года Красная Армия освободила концлагерь Аушвиц-Биркенау со всеми его филиалами и ушла дальше на запад, на территории концлагеря остались полевые, а затем тыловые госпитали, а также представители ЧГК — Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских преступлений. В марте здесь были организованы различные лагеря для немецких военнопленных и интернированных поляков, но на протяжении практически всего февраля территория лагеря была предоставлена на откуп кладоискателям-мародерам из местных жителей. Сами себя они называли красивым словом «канадзяры», этимологически и семантически происходящим от «Канады» — лагерной зоны между крематориями в Биркенау — гигантского склада награбленного еврейского имущества. Но куда больше подходит им обозначение «человеческими гиенами»¹.

¹ Это выражение употребил в их адрес А. Заорский, находчик рукописи А. Германа (см. ниже).

На большую часть территории доступ никем не охранялся, и ничто не мешало «канадзярам» из местного населения бродить по лагерю, заходить в бараки и служебные помещения, где можно было найти кучи разных вещей, протезов, игрушек, мешки с женскими волосами, склянки с эмбрионами, извлеченными из маток беременных женщин, и т. д. Особенно волновала этих «черных археологов» из Освенцима зона бывших газовых камер и крематориев в Биркенау. Именно туда, как на охоту, ходили те, чей стяжательский энтузиазм питался исключительно мечтами о кладах с еврейским золотом и драгоценностями.

Едва ли эти омерзительные чаяния оправдались, а если вдруг и нашелся где-то золотой зуб, то об этом уже не узнать.

Грозный еврейский бог, чьи заповеди об уважении к мертвому телу они так кощунственно нарушали, бесстрашных канадзяров явно не пугал². И даже не смущал: этим набожным католикам и справным прихожанам явно хватало грошевой автоиндульгенции типа «Матка бозка! Жидам не поможешь, а золотишко ихнее нам бы кстати и впрок!».

Но надо сказать, что «освенчимское» мародерство на еврейской крови и костях отнюдь не уникально. Точно так же вели себя, например, белорусы в Малом Тростенце, старательно перекапывая яму с еврейским пеплом, оставленную здесь «зондеркоммандо 1005»: «Золото шукаюць. Кажуць, у ягурэу яго многа было...»³ О Пауле Блобеле никто из них не слыхал, но в своего рода интернационал осквернителей и мародеров его имени всех их можно было бы зачислить.

² Как не пугала их и польская полиция, вплоть до открытия в Освенциме Музея допросившая 415 местных жителей по подозрению в «канадзярстве» (из доклада польского историка Марты Заводной-Степан на посвященной зондеркомманотконференции в Берлине 12–13 апреля 2018 г., изучившей журналы регистрации следственных действий польской полиции в г. Освенцим за эти годы (хранятся в польском Институте памяти народной). Вместе с тем вызывает недоумение прозвучавший в ее докладе — и без малейших к тому эмпирических указаний — тезис о причастности и чуть ли не о главной роли в этом мародерстве военнослужащих Красной Армии.

³ Скобло В.А. На уцелевшем челне. — М.: Новый хронограф, 2006. С. 10–12.

Но «раскопки» в зоне крематориев в Биркенау были уникальны другим. Нередко мародеры натыкались на фляжки, банки или бутылки, внутри которых действительно что-то было. Это «что-то» чаще всего оказывалось никчемными рукописями на непонятном языке, — их, скорее всего, разочарованно выбрасывали на помойку⁴.

Кое-кто, однако, успел сообщить, что и на этом можно сделать деньги, и предлагал эти находки тем, кто мог их и прочесть, и купить — а именно уцелевшим евреям, чаще всего местным, освенцимским, или же бывшим узникам, которых тянул к себе, которых звал этот остывший ад, — Ад, который они пережили, а большинство — нет.

Были среди них и бывшие члены «зондеркоммандо»: они-то знали наверняка, где надо копать, и по их наводкам было действительно обнаружено несколько закладок с рукописями. Одна из первых таких находок⁵, — ею как раз и оказалась рукопись Залмана Градовского! — была сделана еще в марте 1945 года, когда ни музея в Освенциме, ни самого польского государства еще не было: как вещдок она попала в фонды ЧГК и пролежала в запасниках Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге чуть ли не четверть века — пока на нее не упал глаз историка!

После освобождения: новые хозяева

Гигантская территория концлагеря и фабрики смерти Аушвиц-Биркенау недолго оставалась совсем бесхозной. Две системы, две

⁴ Ср.: «Если бы тогда в «зоне смерти» в Биркенау были проведены систематические раскопки, то, вероятно, были бы обнаружены записки не только Градовского, но и многие тайные рукописи других членов «зондеркоммандо». Большинство этих бесценных документов, по-видимому, было безвозвратно утрачено вскоре после освобождения лагеря, когда сюда устремились бесчисленные мародеры из окрестностей. Они ископали всю землю вокруг крематориев в поисках золота и драгоценностей, поскольку по окрестным деревням прошел слух, что евреи перед смертью закапывали в землю золото и драгоценности. Мародеры искали золото, а разные там бумаги не представляли для них ценности. Так что наиболее вероятным местом, куда попадали рукописи «зондеркоммандо», была помойка». (*Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 309.)

⁵ Если не считать находок мародеров — «черных археологов», сделанных, скорее всего, в феврале 1945 г. (среди них вполне могла быть и вторая из найденных рукописей З. Градовского).

сети устроили на ней свои базы — военно-медицинская и НКВД/ГУПВИ⁶.

Сразу же после освобождения в Освенциме был развернут Терапевтический полевой подвижной госпиталь (ТППГ) № 2692. Его начальником была майор медицинской службы, впоследствии доктор медицинских наук Маргарита Александровна Жилинская⁷. Бок о бок с советскими медиками работали и польские, в частности члены добровольного корпуса Польского Красного Креста в Кракове, помогавшие в размещении госпиталя и в медицинском обслуживании нетранспортабельных бывших узников концлагеря. Этот корпус был в Освенциме уже в первые дни февраля⁸.

Бывший концлагерь СС приютил и «смершевцев»⁹. Некоторое время здесь находились лагеря для немецких военнопленных и для так называемых «силезцев» — интернированных польских граждан немецкой национальности.

Уже в марте 1945 года фронтовой приемно-пересыльный лагерь для военнопленных № 22, находившийся в ведении 4-го Украинского фронта, был передислоцирован в Освенцим из Самбора и Ольховцов¹⁰. Здесь же обосновались и два спецгоспиталя, № 2020 и № 1501, обслуживавших перевозку немецких военнопленных в глубь СССР. А в апреле Освенцим, к которому подходят ветки как западноевропейской, так и советской железнодорожной колеи, стал узловым местом сосредоточения и перевалки воен-

⁶ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР.

⁷ Сообщено А.Ю. Волькович.

⁸ Одним из членов корпуса был и студент-медик А. Заорский, нашедший возле крематориев бутылку с письмом Хайма Германа. См. справку, выданную А. Заорскому 21.02.1945, в том, что он добровольно работал с 6 по 20 февраля в воинской части 14884 (начальник — майор Вейников) и по окончании работы проследовал в Краков (*АРМАВ*. D-RO XXIV. Photokolie grypsów. Nr. Mikrofilmu 1358/114)

⁹ От СМЕРШа («Смерть шпионам») — военной контрразведки Красной Армии.

¹⁰ См. докладную записку начальника Отдела НКВД по делам о военнопленных при начальнике тыла 4-го Украинского фронта майора госбезопасности Мочалова начальнику ГУПВИ генерал-лейтенанту Кривенко от 2 апреля 1945 г. о состоянии фронтовой сети по приему военнопленных за март 1945 г. (РГВА. Ф. 425п. Оп. 1. Д. 9. Л. 84–86).

нопленных перед отправкой их на восток; поблизости оказались и склады с топливом, вещевым имуществом и эшелонным оборудованием. В результате в уцелевшую и отчасти восстановленную барачную инфраструктуру бывших Аушвица и Биркенау с их суммарной остаточной емкостью вплоть до 50 тысяч человек в апрелемае 1945 года были передислоцированы еще два лагеря — фронтовой приемно-пересыльный лагерь для военнопленных № 27 из Подебрад и сборно-пересыльный пункт № 5 из Оломоуца¹¹. Осенью 1945 года лагерь для «силезцев» был переведен в Явожно.

В конце 1945 года было принято решение о возвращении территории бывшего концлагеря Польской народной армии и о создании в Освенциме и Бжезинке государственного музея. В апреле 1946 года был назначен его первый директор-организатор — д-р Тадеуш Войсович, бывший узник Аушвица и Бухенвальда. Фактическое открытие музея состоялось 14 июня 1946 года, в 7-ю годовщину прибытия в Аушвиц-1 первого транспорта с первыми заключенными-поляками¹².

Но не надо думать, что, как только музей в Освенциме был создан, его сотрудники тотчас же занялись активными и целенаправленными раскопками возле крематориев: самые первые археологические эскерсисы музея состоялись только спустя 15 лет — в начале 1960-х годов — и то под давлением бывших узников из «зондеркоммандо». Такая пассивность прямо вытекала из послевоенной политики стран восточного блока по отношению к Холокосту и памяти о нем.

В результате из нескольких десятков схронов, сделанных членами «зондеркоммандо» в пепле и земле вокруг крематориев, были обнаружены и стали достоянием истории и историков всего восемь из них.

¹¹ См. доклад Мочалова Кривенко от 16 июля 1945 г. о работе фронтовой сети по приему военнопленных 4-го Украинского фронта за апрель-июнь 1945 г. (РГВА. Ф. 425п. Оп. 1. Д. 9. Л. 184–192).

¹² Официально музей открылся только 2 июля 1946 г., когда польский парламент принял соответствующий закон.

*Анатолий Андреевич Будко,
Анна Юрьевна Волькович
(Санкт-Петербург, Россия)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ОСВОБОЖДЕНИЮ НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ И СПАСЕНИЮ УЗНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена основным этапам формирования коллекции Военно-медицинского музея, связанной с историей нацистских концлагерей и их освобождения Красной армией. На примерах, связанных с изучением коллекции, продемонстрирован потенциал собрания Военно-медицинского музея как базы для исследовательских и образовательных программ, посвященных освобождению нацистских концлагерей и спасению узников. Показано, каким образом выставочные и мультимедийные проекты последних 10 лет актуализировали различные аспекты уникального собрания музея.

Ключевые слова: Военно-медицинский музей, «Музей памяти жертв нацизма», Майданек, Аушвиц-Биркенау (Освенцим), Штутгоф, Гутово, С.К. Барутчев, М.А. Жилинская

12 ноября 1942 г. начальником Главного Военно-санитарного управления Красной армии Е.И. Смирновым было принято решение об организации «Музея военно-медицинской службы Красной Армии» (позже — Военно-медицинский музей) — музея-архива с научно-исследовательскими отделами по изучению опыта войн. В его задачи входило переосмысление целей и задач, стоящих перед военной медициной, обобщение и сохранение накопленного в годы войны опыта. Он был призван стать учебно-научной базой для обмена знаниями, повышения квалификации военных медиков. Первым начальником музея стал выдающийся советский топографо-анатом А.Н. Максименков.

Одной из задач, стоявших перед музеем, стало формирование коллекции, отражающей преступления нацизма против человечно-

сти, в первую очередь, на территории лагерей различных типов. Этот процесс может быть условно поделен на 4 этапа.

Первым этапом стала организация в музее научного отдела судебной медицины, в задачи которого входил сбор и обработка материалов по различным аспектам деятельности военных судебно-медицинских экспертов.

Он связан с образованием 2 ноября 1942 года «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» (ЧГК) и организацией 26 марта 1943 г. Центральной судебно-медицинской лаборатории Красной армии, учреждением должностей Главного судебно-медицинского эксперта Красной армии, судебно-медицинский экспертов армий и фронтов.

Этот этап охарактеризовался поступлением осенью 1944 г. в коллекцию Военно-медицинского музея массива материалов, собранных в результате работы «Польско-советской чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблине» и отражающих специфику работы военных судебно-медицинских экспертов в составе этой комиссии. Деятельность по музейной атрибуции и научному описанию документальных, фотографических и вещественных материалов проводилась в ноябре — декабре 1944 г. В ней активное участие принял майор медицинской службы С.К. Барутчев, бывший врачом-заключенным «Майданека» с 1943 г. вплоть до освобождения лагеря в июле 1944 г.

Второй этап начался в марте 1946 г., когда в составе научно-исследовательского отдела судебной медицины был выделен специальный подотдел «Злодеяний немцев», предназначенный для изучения и систематизации экспонатов музея по данной тематике. В фокус научных интересов подотдела попадали материалы, отражающие «зверства немцев над ранеными, больными и медперсоналом», «над военнопленными» и «над советскими гражданами». По распоряжению начальника музея исследовательскую работу вел сотрудник музея подполковник медицинской службы К.К. Бо-

борькин — бывший заключенный лагеря «Цайтхайн» и других лагерей для военнопленных и концентрационных лагерей¹.

К третьему этапу может быть отнесена передача в 1947–1948 гг. из Центральной судебно-медицинской лаборатории в собрание музея материалов комиссий по расследованию злодеяний фашизма в концентрационных лагерях, лагерях для военнопленных, лагерях-лазаретах на территории СССР (в частности, в Гросс-лазарете в Славуте, Яновском лагере и других), а также в Польше (так в собрание музея поступили уникальные материалы из концлагеря «Аушвиц-Биркенау»), Германии, Австрии, а также анатомических институтов, в частности, в г. Данциге. Одним из инициаторов процесса передачи был выдающийся ученый и практик в области военной судебной медицины Главный судебно-медицинский эксперт Красной армии М.И. Авдеев.

Учитывая именно музейный характер собрания, в него передавались не только документальные и фотоматериалы, отражающие деятельность комиссий: записи свидетельских показаний и их заверенные переводы, рабочие материалы к актам комиссий и пр., а также подлинные документы, изъятые в ходе их работы. Здесь также хранятся и различные «вещественные доказательства» преступлений нацизма против человечности, собранные этими комиссиями, с первых лет существования музея становившиеся экспонатами временных выставок и экспозиций, «обличающих зверства фашизма».

Четвертый этап — II половина 1950-х — начало 1970 х. гг. В этот период музей возвращается к целенаправленному пополнению коллекции, связанной с историей нацистских лагерей различных типов. Музеем выявлялись военные и гражданские медики — заключенные нацистских лагерей для военнопленных и концентрационных лагерей (прежде всего — участники лагерного сопротивления, работавшие в лазаретах для заключенных или оказывавших подпольную медицинскую помощь узникам) и собирались их воспоминания. В музей поступили также их фотографии и личные вещи, в том числе использовавшиеся в лагерях.

¹ Паспорт ВММ ОФ-35668, ЛЛ. 1–10Б.

Уникальность и эмоциональная окрашенность большинства материалов коллекции музея, связанной с историей нацистских концлагерей, важность этой тематики для нравственного и патриотического воспитания, заставляли сотрудников музея с первых дней его существования снова и снова обращаться к ним в экспозиционной, выставочной и образовательной деятельности.

2000-е — 2010-е годы стали своего рода пятым этапом формирования коллекции: периодом углубленного изучения и переосмысления его материалов.

Проекты музея, создающиеся в этот период, направлены на то, чтобы говорить с посетителем «голосом» узника или освободителя, не только рассказать о преступлениях нацизма, но и дать почувствовать, что за каждым предметом из музейного собрания стоит судьба конкретного человека, известного или безымянного.

Эта идея легла в основу концепции проекта «Между жизнью и смертью», реализованного в музее к 65-летию со дня окончания Нюрнбергского процесса. Здесь не только экспонировались уникальные подлинные предметы и документы из собрания музея, но и «публиковались» личные истории медиков-бывших заключенных нацистских концлагерей и лагерей для военнопленных: О.Н. Клименко², Г.К. Сыркова³ и других. Важно отметить, что стратегия сбора воспоминаний для собрания музея дала возможность сформировать своего рода «информационные комплексы», позволяющие взглянуть на героя той или иной личной истории не только его собственными глазами, но и через восприятие его другими людьми⁴.

Впервые широкой публике был представлен перевод «Записок» и «Письма к потомкам» рабочего зондеркоманды «Аушвиц-Биркенау» Залмана Градовского, обнаруженные в ходе работы ЧГК

² ВММ ОФ-58977.

³ ВММ ОФ-68694.

⁴ Так, например, в фондах музея хранятся не только «Воспоминания Клименко Ольги Никитичны, узницы фаш. истребительного концл-ря Освенцим» (ВММ ОФ-58977), но и адресованные О.Н. Клименко письма спасенных ею бывших заключенных (ВММ ОФ-69221). В тексте воспоминаний Клименко повествует не только о себе, но и рассказывает о других медиках — бывших заключенных.

в марте 1945 г.⁵. Эти материалы стали своеобразной эмоциональной кульминацией выставки.

Предпринятая музеем в рамках проекта «Между жизнью и смертью» попытка обратиться к посетителю «голосом узника», воссозданным на основе музейного собрания, вызвала неподдельный интерес у публики и была высоко оценена музейным сообществом. Проект был удостоен специального диплома жюри фестиваля «Интермузей» и стала номинантом премии «Музейный Олимп» в категории «Выставка года».

Специфика массива материалов, связанных с концлагерем «Майданек», повлияла на то, что Военно-медицинский музей регулярно обращается к ним в рамках виртуальных выставок одного экспоната и он-лайн проекта «Предмет недели».

В данном случае бесценным источником информации могут послужить не только сами музейные предметы, но и их научные описания, сделанные С.К. Барутчевым через несколько месяцев после освобождения «Майданека», в начале ноября 1944 г. Эти описания ценны не только своей «информационной составляющей», но и эмоциональной окрашенностью.

Особый интерес в рамках проекта «Предмет недели» вызвали «Украшение елочное из Люблинского концентрационного лагеря войск СС (Майданек)⁶» и «Номер газеты «Красная Звезда» от 23 июля 1944 г. №174»⁷.

В первом случае воспоминания, внесенные С.К. Барутчевым в паспорт музейного предмета, сохранили интересные детали «праздника елки», организованного для заключенных Майданека 06.01.1944 г.⁸ Таким образом музей дает возможность увидеть «повседневную жизнь Майданека» глазами участника событий.

⁵ ВММ ОФ-21427, ВММ ОФ-21428, ВММ ОФ-21429, ВММ ОФ-21430.

⁶ ВММ ОФ-10238.

⁷ ВММ ОФ-10250.

⁸ Паспорт ВММ ОФ-10238 Л1–1об. В частности, С.К. Барутчев записал: «Шестого января 1944 г. на всех полях командованием лагеря были устроена елка для заключенных. Елка была организована командованием, желавшим использовать в своих целях религиозные настроения заключенных. Украшения были изъяты из I барака II поля, где помещались советские военнопленные. Также елка была украшена бумажными цепями и кусками ваты. Елке

Паспорт экспоната «Номер газеты «Красная Звезда» от 23 июля 1944 г. №174»⁹ поясняет, что она «была первой советской газетой на территории Майданека; газета была принесена в лагерь из г. Люблин майором Баручевым С.К. 28 июля 1944 г.»¹⁰ и рассказывает об организации чток этой газеты. Таким образом, «Предмет недели» позволил прикоснуться и к событиям первых недель после освобождения лагеря.

Другим аспектам происходившего в нацистских концлагерях после их освобождения Красной армией был посвящен мультимедийный проект «Фабрика смерти». Эта «виртуальная выставка одного экспоната»: альбома с аннотированными владельцем фотографиями, фиксирующими деятельность работы ЧГК на территории «Аушвиц-Биркенау» в феврале-марте 1945 г.¹¹ Альбом принадлежал Главному судебно-медицинскому эксперту I Украинского фронта Ф.Ф. Брыжину и был передан им в собрание Военно-медицинского музея в 1960 г.

Тему «повседневной жизни лагерей после освобождения» поднимал и выставочный проект «Дань памяти. Майданек, о котором узнал весь мир». Выставка была организована к 75-летию со дня освобождения «Майданека» в июле-августе 2019 г. и готовилась музеем совместно со студентами кафедры музеологии Института истории СПбГУ. Создатели проекта выявили и представили посетителю материалы, связанные с посещением «Майданека» К.М. Симоновым при подготовке статьи «Лагерь уничтожения».

предшествовал молебен, который служили ксендзы. На II поле молебен служил один из заключенных, объявивший себя священником, и предварительно прорепетировавший свою роль. Служивший молебен священник не имел никакого облачения (шинель, накинутая на плечи), крест был деревянный. Заключенные выстроились в «каре» на открытом воздухе, молебен продолжался минут 20–30. За свои старания «священник» получил от командования дополнительную порцию супа. Спустя несколько дней после елки этот же «священник» по заданию командования лагеря пытался вести антисоветскую пропаганду, но был жестоко избит заключенными. Вскоре он был лишен командованием своего привилегированного положения».

⁹ ВММ ОФ-10250.

¹⁰ Паспорт ВММ ОФ-10250 Л. 1.

¹¹ ВММ ОФ-65621.

Ими также была предпринята попытка реконструкции на основе входящих в фонды предметов, документальных материалов и фотографий деятельности «Польско-советской чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблине» по организации в г. Люблине в сентябре-октябре 1944 г. выставки, рассказывающей о «Майданеке».

В последние годы все большую актуальность приобретают также экспозиционные, исследовательские и образовательные проекты по проблеме освобождения и спасения узников нацистских лагерей. Для музея особенно важными становится изучение и популяризация деятельности советских военных медиков по оказанию медицинской помощи бывшим заключенным.

В январе 2015 г. в музее открылась выставка «Освенцим. Спасители и спасенные», приуроченная к 70-летию освобождения лагеря воинами Красной армии. Ее создатели поставили перед собой задачу на основе имеющихся в музее материалов «вернуть имена» героям фотографий узников лагеря, сделанным в ходе работы ЧГК в 1945 г. Кроме того, в фондах музея были выявлены и представлены посетителям материалы, связанные с историей советских военных госпиталей, принимавших участие в оказании медицинской помощи как бывшим узникам, так и советским воинам, раненым в боях в районе польского города Освенцим, в том числе и при освобождении «Аушвиц-Биркенау».

Целенаправленное изучение материалов, входящих в собрание музея, позволяет существенно дополнить наши представления об организации оказания медицинской помощи бывшим заключенным концлагерей.

Так, из массива материалов, поступивших в музей из концлагеря «Майданек», были выделены «личные бумаги» С.К. Барутчева, относящиеся к его деятельности в качестве старшего врача организованного на базе лагерного лазарета госпиталя для бывших советских военнопленных. Материалы дают представление об особенностях функционирования этого лечебного заведения и участии персонала госпиталя для легкораненых № 2641 (I Белорусский фронт) и его начальника гвардии майора медицинской

службы У.Б. Бердыбаева¹² в оказании в августе 1944 г. медицинской помощи освобожденным заключенным «Майданека».

В настоящее время сотрудниками музея готовится просветительский проект, посвященный освобождению в январе 1945 г. подразделения концлагеря «Штутгоф» — еврейского женского трудового лагеря в деревне Гутово на границе Польши и Восточной Пруссии и основанный на материалах из коллекции.

В собрание музея входит копия «Акта медицинской комиссии, произведшей расследование фашистских преступлений в женском рабочем лагере в дер. Гутово от 30.01.1945 г.»¹³, а также комплекс музейных предметов, переданных одним из участников организации помощи освобожденным узницам капитаном административной службы П.Н. Морозовым. В комплекс вошли его неопубликованные воспоминания¹⁴, фотографии бывших узниц и освободителей, сделанные в начале 1945 г. в Гутово¹⁵ и не вошедшие в опубликованный материал об освобождении лагеря¹⁶.

Рассматриваемый комплекс материалов содержит имена нескольких погибших и выживших узниц, описание режима лагеря и уничтожения его заключенных с упоминанием конкретных исполнителей, сведения об участии местных жителей в помощи заключенным, а также информацию о сотрудниках ХППГ № 629, оказывавших медицинскую помощь бывшим заключенным.

Текст письма-воспоминаний П.Н. Морозова избобилует конкретными деталями: поиск в блоках лагеря выживших, санобработка, организация питания и сбора одежды для бывших заключенных, размещение в помещении деревенской школы. Он литературно не обработан, и интересен не только приведенными в нем фактами, но и тем, как автор вспоминает о своих чувствах и рефлексировал на тему встречи с бывшими узницами.

¹² ВММ ОФ-10636.

¹³ ВММ ВФ-2633.

¹⁴ ВММ ВФ-14826.

¹⁵ ВММ ФВФ-20004, ВММ ФВФ-20005, ВММ ФВФ-20006.

¹⁶ ВММ ВФ-14825.

Все это даст возможность сделать новую просветительскую программу не только информационно насыщенной, но и «лично-ориентированной» и эмоционально наполненной.

Все описанные подходы к использованию потенциала Военно-медицинского музея и способы актуализации его собрания легли в основу масштабного проекта: «Музея памяти жертв нацизма», открывшегося 27 февраля 2020 г.

В новой экспозиции демонстрируются подлинные материалы, собранные в ходе работы комиссий по расследованию в различных нацистских лагерях как на территории СССР, так и на территории Польши, Австрии и Германии из фондов Военно-медицинского музея.

Активно звучат и «голоса узников». Их «личные истории», воссозданные на основе воспоминаний, дополнены личными вещами, переданными в Военно-медицинский музей в 1950-е — 1970-е гг. По-новому «звучит» и «голос» З. Градовского. В экспозиции «Музея памяти жертв нацизма» текст его записок «оттеняют» монеты и металлические зубные коронки, извлеченные из пепла у крематория, на котором он работал.

Особенностью проекта стало включение в «ткань экспозиции» уникальных художественных произведений, созданных в годы Великой Отечественной войны и вошедших в коллекцию музея в 1940-е — 1960 гг. Среди них графические работы А.А. Загорского, выполненные с натуры в Майданеке непосредственно после освобождения лагеря в 1944 г., а также документальные зарисовки С.Е. Подорожного, бывшего заключенного концлагеря «Маутхаузен», сделанные им во время пребывания в лагере и позже подаренные Военно-медицинскому музею.

Одной из важнейших тем, раскрываемых в экспозиции «Музея памяти жертв нацизма», стало оказание советскими военными медиками медицинской помощи бывшим заключенным. Особое место занимают музейные предметы, рассказывающие о деятельности ТППГ № 2692 — советского госпиталя, развернутого на территории лагеря «Аушвиц-Биркенау» с апреля по июнь 1945 г. для оказания медицинской помощи оставшимся в лагере бывшим заключенным. В рамках подготовки этого проекта были оцифро-

ваны хранящиеся в музее материалы, связанные с работой ТППГ № 2692, создан персональный фонд начальника госпиталя майора медицинской службы М.А. Жилинской, в который поступили переданные родственниками документы и фотографии, отражающие ее биографию с 1920-х по 1980-е гг.

«Музеем памяти жертв нацизма» подготовлен и целый ряд образовательных проектов, в основу которых легли уникальные материалы из коллекции Военно-медицинского музея.

Значительный и многогранный потенциал собрания Военно-медицинского музея широко используется в рамках исследовательских, просветительских, образовательных, экспозиционно-выставочных проектов, посвященных истории нацистских лагерей, их освобождения и спасения узников, в рамках борьбы с фальсификацией истории.

Екатерина Владимировна Зуева
(Казань, Россия)

СПАСЕННЫЕ И ОСВОБОДИТЕЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются произведения массовой литературы, в которых присутствуют эпизоды освобождения концентрационных лагерей. Анализируется как изображаются жертвы нацистских преступлений и освободители в разных национальных литературах, какие средства художественной образности используют писатели в соответствии с выбранным ими творческим методом.

Ключевые слова: Холокост, художественный образ, синтез документального и художественного, массовая литература.

Документальный «взрыв», который начался во второй половине XX века, отмечается практически во всех национальных литературах и других видах искусства. Он был «спровоцирован» мощным выбросом документальных свидетельств после Второй мировой войны.

Тема Холокоста стала одной из наиболее популярных в массовой литературе и кинематографе последних двух десятилетий. К началу 90-х относится и серьезное обращение ученых к феномену массовой культуры как в теоретическом аспекте, так и применительно к различным национальным литературам. При этом особое внимание уделяется массовой культуре США как страны, ставшей своеобразной родиной этого явления. Мы можем утверждать, что и тема Холокоста именно в массовой литературе и кинематографе возникает именно в США. Точкой отсчета в данной ситуации мы считаем выход на экраны в 1993 г. фильма Стивена Спилберга «Список Шиндлера», ознаменовавшего новый виток в осмыслении темы Холокоста в современном искусстве. Следует отметить, что фильм снят по мотивам романа Т. Кенилли «Ковчег Шиндлера», написанного в 1982 году и удостоенного Пулитцеровской премии, однако подлинную известность роману принесла именно его экранизация.

Фильм «Список Шиндлера», по нашему мнению, не вписывается в рамки массового искусства¹, так как на момент его появления даже при наличии большого количества литературных и кинематографических произведений о Холокосте, подобный подход к раскрытию темы оказался новаторским не только на идейно-тематическом уровне, но и относительно тех художественных средств, которые использовал Спилберг. Фактически, выход этого фильма открыл те «двери», через которые к массовому зрителю и читателю «хлынул» поток произведений о Холокосте, получивших необыкновенную популярность. Среди наиболее известных — фильм Р. Полански «Пианист» (2002), поставленный по подлинной автобиографии польского пианиста Владислава Шпильмана; «Чтец» (2008) С. Долдри по одноименному роману немецкого писателя Б. Шлинка; «Мальчик в полосатой пижаме» (2008) М. Хермана по одноименному роману ирландского писателя Дж. Бойна; «Воровка книг» (2013) Б. Персиваля по роману австралийца М. Зусака, в русском переводе известном как «Книжный вор», и многие другие.

Далеко не всегда литературная основа для фильма является произведением массового искусства, однако экранизация становится его типичным примером. Отличительной чертой произведений о Холокосте, как кинематографических, так и литературных, является непреходящая документальная основа. Избранная тема сама по себе обуславливает документализм. История Холокоста, сам факт возможности катастрофы такого масштаба, указывает на то, как реальность — чаще всего ужасающая — может превзойти любой писательский вымысел. Как отмечает в своей статье «Война, фашизм, тоталитаризм — средствами nonfiction» О.О. Несмелова, «главной причиной бурного вторжения документов в литературу был ужас от преступлений нацистов и психологические потрясения после их

¹ До сих пор не существует однозначного определения массового искусства и строгих критериев отделения его от «высокого», однако большинство исследователей сходятся на стереотипности: следование канону для произведений массовой литературы является практически обязательным условием, в то время как «большие» писатели чувствуют себя более свободными по отношению к различным правилам и регламентациям (Несмелова О.О., Коновалова Ж.Г. Концепция творческой личности в литературе non-fiction // Филология и культура. Philology and Culture, 2015. №3(41). С. 238–241).

обнародования. Человечество было действительно потрясено, так как реальность превзошла самый невероятный фантастический вымысел. Ни одному писателю, даже в самых мрачных антиутопических фантазиях (за исключением Дж. Свифта) не могло прийти в голову то, что было сотворено и внедрено человеком в реальной действительности»². Поэтому даже сегодня, во втором десятилетии XXI столетия, события более чем 70-летней давности переосмысливаются в литературе и изобразительных искусствах. Авторы, создающие произведения о Холокосте, с помощью с новых средств, в контексте постмодернистской парадигмы, продолжают искать ответ на вопрос, как такое могло произойти. Отчасти этим вопросом обусловлен и «переход» произведений в сферу массового искусства. По утверждению А.М. Зверева, «массовая культура удовлетворяет готовое желание потребителя, «высокая» — так или иначе разрушает бытующий стереотип»³.

Данная тема актуальна по нескольким причинам. Первую можно определить как социокультурную: по мере увеличения исторической дистанции между современностью и событиями 30–40-х гг. исчезает буквальное знание о них, которое всегда казалось обязательным и само собой разумеющимся. (Так, для многих молодых людей географические названия Аушвиц или Бабий Яр не являются значимыми и «говорящими» и ничем не выделяются из других топонимов подобного рода). Вторая причина интереса к подобным произведениям лежит уже в эстетической области: как документ из сферы чистой фактологии перемещается в сферу художественную. И здесь играет роль, с одной стороны, эстетический потенциал документа как такового, а, с другой стороны, включение документа в художественный текст, стилизация «под документ», игра автора с документальным материалом.

В последние десятилетия в литературоведении даже появился термин «концлагерный роман» / «концлагерная проза», который определяет принадлежность произведений к этой группе исходя из их сюжета. Естественно в центре подобного рода произведений

² Несмелова О.О. Война, фашизм, тоталитаризм — средствами nonfiction // Филология и культура. Philology and Culture, 2012. №4 (30). — С. 26.

³ Зверев А.М. Лики массовой литературы США. М.: Наука, 1991. — С. 16.

находится судьба именно жертв, а освободителям место уделено совсем небольшое.

Пространство концлагеря может быть стилизовано под разновидность «щекочущего нервы» аттракциона, где посетитель, погружаясь в атмосферу «Конца света», остается в полной безопасности. Аналогичные ощущения испытывает зритель, всерьез сопереживающий гибнущему в планетарной катастрофе человечеству, сидя в удобном кресле перед экраном. Такая модель часто реализуется в массовых образцах.

Как ни странно, именно теме освобождения концентрационных лагерей уделено не так уж много места в рамках литературы о Холокосте. Основной акцент писатели делают на мужестве людей, на проблеме того, как остаться человеком в бесчеловечных условиях⁴. Эпизоды, связанные с освобождением узников появляются только ближе к концу романов и особо важной роли в развитии сюжета не играют.

Освобождение концентрационного лагеря в анализируемых нами произведениях всегда изображается по-разному и зависит от времени написания романа, взглядов писателя и прочих не всегда литературоведческих факторов. В первую очередь мы имеем дело с произведениями художественной литературы, объектом авторского вымысла, и соответственно историческая реальность не всегда будет точно отражена в романе. Очень интересен тот факт, как разные писатели подходят к созданию образов освободителей. Достаточно часто это малозначительные, второстепенные образы, но тем не менее, можно выделить несколько абсолютно разных подходов к их изображению и создать определенную типологию.

К первой группе мы можем отнести произведения, в которых национальность освободителей не играет особой роли. В романе Р. Мерля «Смерть — мое ремесло» (1952), где повествование ведется от лица коменданта Аушвица, в эпилоге показан момент допроса Рудольфа Ланга (Рудольфа Гесса) американскими военными. Отчетливо показан тот ужас, который испытывают американцы,

⁴ Здесь стоит упомянуть классические произведения Примо Леви «Человек ли это?» и «Ночь» Эли Визеля, написанные соответственно в конце 40х и 50-х гг., но ставшими популярными во второй половине 60-х.

узнав о том, что происходило в Аушвице. Это лишь подчеркивается контрастом между их эмоциями и невозмутимостью Рудольфа Ланга, который подчёркивает, что он всего лишь выполнял приказ вышестоящего командования.

В романе Томаса Кенилли «Ковчег Шиндлера» (1982) невозможно проследить разницу в изображении американских и советских военнослужащих. В их образах подчеркивается непонимание неподготовленного человека при столкновении с тем, что происходило в концентрационных лагерях. В контексте общей библейской символики романа (это уже видно даже из названия) само освобождение представлено как некий сакральный исход из Египта.

«Став на сиденье, он оказался на несколько голов выше всех заключенных, в чем при его росте не было необходимости, и произнес по-русски набор привычных фраз, возвещающих об освобождении. Моше Бейски уловил их смысл. Они освобождены усилиями доблестной Советской армии — Красной Армии. Они могут идти в город и вольны двигаться в любом направлении, которое изберут. Ибо в стране Советов, как в мифическом царстве небесном, нет ни евреев, ни христиан, ни мужчин, ни женщин, ни рабов, ни свободных. В городе они не должны позволять себе чувство недостойной мести. Союзники найдут тех, кто угнетал их и предадут строгому и нелицеприятному суду. Главное, что они свободны, и пусть это чувство перевесит все остальные»⁵.

В графическом романе Арта Шпигельмана «Маус» (1980) непосредственно сам момент освобождения концентрационного лагеря не показан. Автор изображает встречу бывших узников с американскими войсками и ту заботу, которая исходит от них. Данный роман стоит немного особняком, потому что визуальная составляющая его не менее важна, чем вербальная. Эмоции как американцев, так и бывших узников отчётливо прослеживаются в рисунках данного комикса. Читатель может увидеть сложную гамму чувств: от недоверия до абсолютного счастья.

Все произведения этой группы объединены подчеркнуто нейтральным отношением к национальной принадлежности спасите-

⁵ Кенилли Т. Список Шиндлера. М.: Эксмо-пресс, 2017. — С. 550.

лей. Намного более важным является сам факт спасения людей от неминуемой гибели. Именно библейская символика освобождения превалирует над всеми остальными деталями.

В отдельную группу можно выделить произведения, относящиеся к литературе социалистического лагеря. Здесь хотелось бы упомянуть о романе чехословацкой писательницы Марии Пуймановой «Жизнь против смерти» (1952), входящем в ее знаменитую «Антифашистскую трилогию». Одним из центральных эпизодов романа становится освобождение концентрационного лагеря Равенсбрюк. Сам момент освобождения показан в дух традиций литературы соцреализма. Исполненные негодования от ужасов, происходящих в лагере, советские солдаты буквально выламывают ворота и выносят из лагеря изможденных узниц. Целью подобного эпизода является желание подчеркнуть ту роль, которую советские войска сыграли в освобождении концентрационных лагерей.

Отдельно хотелось бы выделить роман Аффинити Конар «Чужекровка» (2016), в котором описаны эксперименты доктора Менгеле. Несмотря на свою принадлежность к массовой литературе (в худшем значении этого слова), именно этот роман оказывается наиболее точным в фактологическом отношении. В нем мы можем встретить конкретные исторические даты, отдельная глава посвящена освобождению Аушвица 27 января 1945 года. В главе «Русские снимают кино» описываются те документальные съемки, которые были проведены на следующий день после освобождения. Именно в этой главе появляется литературное описание одной из самых известных фотографий из Аушвица, на которой изображены близнецы из Румынии — сестры Мозес.

В последнюю группу хотелось бы отнести романы Хизер Моррис «Татуировщик из Освенцима» (2018) и «Дорога из Освенцима» (2019). К сожалению, данные романы являются не самыми лучшими в плане изображения исторической правды. Как и в романах первой группы, акцент сделан на переживаниях узников концентрационных лагерей, но произведения Х. Моррис очевидно являются реакцией на отношение к России, сложившееся на Западе в последние годы. Советские освободители показаны не сильно отличающимися от нацистских надзирателей в концлагере. Они

жестоки, относятся к бывшим узникам с пренебрежением и в итоге Силка (героиня романа «Дорога из Освенцима») оказывается в лагерях системы ГУЛАГ за те преступления, в которых она не виновата.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что хотя репрезентации Холокоста посвящено большое количество произведений массовой литературы, тема освобождения концлагерей занимает в этом объеме весьма небольшое место. Писатели больше делают акцент на изображении мужества человека, попавшего в пограничную ситуацию. В тех же произведениях, которые существуют, изображение освободителей часто зависит от политических взглядов автора и порой грешит фактологическими неточностями.

Раздел 4. Образовательные проекты об освобождении лагерей и гетто

Светлана Анатольевна Тиханкина
(Москва, Россия)

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ АУШВИЦА КРАСНОЙ АРМИЕЙ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются формы и методы сохранения памяти о Холокосте и освобождении Аушвица (Освенцима) в Российской Федерации, представлен опыт проектной деятельности Центра «Холокост», приуроченной к Международному дню памяти жертв Холокоста.

Ключевые слова: Международный день памяти жертв Холокоста, освободители, Аушвиц (Освенцим), средства сохранения памяти, Центр «Холокост».

В год 75-летия Победы впервые в истории современной России дата 27 января — Международный день памяти жертв Холокоста, день освобождения Аушвица Красной армией был включен в план основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов¹. По сведениям, поступившим в Центр «Холокост» в 80 субъектах РФ прошли мемориальные мероприятия в рамках «Недели памяти». Но можем ли мы утверждать, что в России сложилась культура памяти об освобождении Аушвица Красной армией? Не вспоминаем ли мы об этом факте истории Великой Отечественной войны только в юбилейные даты или во время международных политических кризисов?

Давайте рассмотрим, как за пять лет изменилась риторика вокруг освобождения лагеря и роли Красной армии в спасении его узников.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 1 декабря 2018 г. № 2660-р с последующими изменениями.

К 70-летию освобождения лагеря Центральным архивом Министерства обороны России были рассекречены и выложены в свободный доступ документы воинских подразделений, участвующих в освобождении Аушвица (Освенцима). Поводом для этого послужили слова главы МИД Польши Гжегожа Схетыны, который заявил, что этот концлагерь освобождали украинцы, так как данная операция проводилась силами Первого украинского фронта. По словам министра, там были «украинские солдаты в тот январский день, и они открывали ворота лагеря, и они освобождали лагерь». Это заявление подверглось критике, как в РФ, так и на Западе. А во время выступления на церемонии в музее «Аушвиц-Биркенау» президент Польши Бронислав Коморовский подчеркнул, что именно воины Красной Армии освободили нацистский лагерь смерти. «С благодарностью и уважением мы думаем сегодня о тех солдатах», — сказал он.

В 2015 году в торжествах в Освенциме приняли участие гости из 42 стран, среди которых 12 президентов и пять премьер-министров, представители крупнейших международных организаций, а также порядка 300 бывших узников лагеря. Россию на памятных мероприятиях представлял руководитель администрации президента РФ Сергей Иванов. Президент России Владимир Путин в этот день посетил Еврейский музей и центр толерантности в Москве².

27 января 2020 г. в Освенциме также собрались представители властей десятков стран, бывшие узники, к которым обратился президент Польши Анджей Дуда. В своей речи он напомнил, что Аушвиц освободили солдаты Красной армии. От России в мероприятии принял участие посол РФ в Польше Сергей Андреев. Президент России Владимир Путин в январские дни находился в Иерусалиме, где выступил с речью на международном форуме «Сохраняем память о Холокосте, боремся с антисемитизмом» и принял участие в открытии монумента в честь героических жителей и защитников блокадного Ленинграда «Свеча памяти».

² Как в мире отметили 70-летие освобождения Освенцима // ТАСС. 27.01.2020. [Электронный ресурс] — URL: <https://tass.ru/obschestvo/1725682> (дата обращения: 06.10.2020).

Очередной скандал разразился после публикации 27 января 2020 г. Посольством США в Дании в своем Twitter поста о том, что нацистский концлагерь Аушвиц (Освенцим) «был освобожден» американской армией. Незадолго до этого об освобождении лагеря американскими войсками написал немецкий журнал *Der Spiegel*.

Можно предположить, что подобное искажение фактов вызвано незнанием истории освобождения Аушвица, роли Красной армии в спасении его узников, попыткой приписать «чужие заслуги». Но вероятнее всего, речь сегодня идет о сознательном «переписывании истории».

Почему это становится возможным? Почему время от времени появляются заявления политиков, которые говорят об освобождении Аушвица союзниками, а не войсками Красной армии?

А что мы сами знаем и помним об этом событии? Как эта дата отражена в объектах памяти? Какие средства использует государство для формирования культуры памяти об освобождении Аушвица Красной армией?

15 лет назад Россия вместе с другими странами подписала Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Память о Холокосте» (21 ноября 2005 года № A/RES/60/7), согласно которой 27 января был объявлен Международным днем памяти жертв Холокоста, так как это день освобождения узников Аушвица войсками Красной армии. Особый акцент в документе был сделан на необходимости разработки государствами-участниками просветительских и образовательных программ для усвоения уроков Холокоста, о ежегодном проведении мемориальных мероприятий.

За 15 лет этот день так и не стал общенациональным Днем памяти в Российской Федерации. За исключением Москвы, где проводится «Неделя памяти», в других субъектах РФ уровень мероприятий зависит, прежде всего, от инициативы и возможностей региональных представителей Центра, равнодушных учителей.

Конечно, проведению мероприятий в январе способствует и то, что Министерство просвещения, начиная с 2016 года, включает Международный день памяти жертв Холокоста в Календарь образовательных событий. Вот только в этом году дата 27 января появилась в Календаре лишь после письменного обращения Центра

«Холокост». По непонятным причинам она исчезла из списка рекомендуемых памятных дат.

Если проанализировать школьные учебники истории на предмет упоминания в них факта освобождения Аушвица Красной армией, то только в одном из рекомендованных к использованию в учебном процессе есть два предложения об этом: «...Советские солдаты пришли в Европу как освободители. 27 января 1945 г. наши воины взломали ворота концлагеря Освенцим и освободили уцелевших узников. Этот день официально считается Днем памяти жертв Холокоста...»³

Можем ли мы быть уверенными, что учителя говорят об этом на уроке, если в тексте учебника информация отсутствует? Да и достаточно ли одного урока для формирования памяти о событии?

На государственном уровне память о войне формируется с помощью, как официальных средств, так и инициатив, рождающихся «снизу», как например, акция «Бессмертный полк».

В Федеральном законе «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13.03.1995 №32-ФЗ (ред. от 31.07.2020) дата 27 января — Международный день памяти жертв Холокоста, день освобождения Аушвица Красной армией отсутствует. Вероятно, поэтому в этом году Министерство просвещения «забыло» включить эту дату в Календарь образовательных событий на 2020–2021 уч.г.

К сожалению, в России до сих пор не снят художественный фильм об Аушвице и его освобождении. О самом лагере, его истории, палачах и жертвах, выживших узниках книг достаточно много. Про военную операцию по освобождению Освенцима писали ее участники Василий Петренко⁴, Отар Амаглобели⁵, Павел

³ Сахаров А.Н., Загладин Н.В., Петров Ю.А. История. Конец XIX — начало XXI века: учебник для 10–11 классов общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. Ч. 2. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2019. — С. 244.

⁴ Петренко В. Я. До и после Освенцима. — М., 2000.

⁵ Амаглобели О.Н. Свобода пришла с востока. — М., 1989.

Костин⁶, а встречу с освободителями описала Ева Шлосс в своей книге «После Аушвица»⁷.

Она хорошо помнит, как 27 января 1945 г. «одна из женщин, распахнув дверь в барак, прокричала: «Там у ворот — медведь!». Медведем оказался солдат Красной армии, смотревший на узников испуганными глазами. Сегодня Еву Шлосс можно увидеть на фотографиях в солдатской гимнастерке, которую она бережно хранит в знак благодарности освободителям.

Такое сопоставление впечатлений от встречи интересно и полезно, с точки зрения, создания объективной картины освобождения и развенчания мифов, сложившихся вокруг этого события.

Впервые освобожденные узники были запечатлены и названы (конечно, не все 7 000 человек) в короткометражном фильме «Освенцим» 1945 года. Голос за кадром перечисляет имена женщин, находящихся в бараке: Юлия Масынс, Франческа Муравская, Розалия Красновская, Станислава Кшечковская, Бронислава Равва, Елена Яблунская, София Вайс, Олимпия Прусиновская. Далее узнаем имена рабочего из Варшавы Комеровского, Бояны Таус из Югославии и Катерины Берк из Чехословакии, членов семьи представителя переходного правительства Югославии Анте Мандича.

Также из фильма мы узнаем имя закутанной в одеяло девочки, которую на руках несет женщина. Это трехлетняя Зина Пасенкова, самая юная заключенная Аушвица, выжившая в этом аду. Кадр из фильма с малышами в полосатых робах, идущих между двумя рядами колючей проволоки, облетел весь мир. Сама Зина вернулась в лагерь в 1975 г. и только спустя 30 лет после освобождения узнала себя в фильме, вспомнила свое пребывание в нем, нашла в архиве музея «Аушвиц-Биркенау» свою медицинскую карточку.

Вторая часть фильма, повествующая о преступлениях нацистов в лагере, дает возможность узнать имена тех людей, которые работали в составе Государственной комиссии по расследованию злодеяний фашистов, а также привлекались к экспертизе. Это Предсе-

⁶ Костин П.Г., Михеев В.И. От Вологды к Берлину. — Череповец, 1998.

⁷ Шлосс Ева. После Аушвица / Пер. с англ. яз. Е. Есениной. — М. Издательство АСТ, 2019.

датель комиссии Д.И. Кудрявцев, помощник военного прокурора 1-го Украинского фронта Пахомов, профессора из Кракова Роман Андреевич Давидовский и Ярослав Иванович Долинский, инженер-майор Владимир Фёдорович Лаврушин, инженер-капитан Абрам Моисеевич Шуер; бывшие узники: Анри Лимузен, Бертольд Эпштейн, Паоло Геза Мансфельд, Бруно Фишер; рабочие особой команды по сжиганию трупов в крематориях Генрик Таубер, Шлёма Драгон, чертёжник по проектированию крематориев Носаль Еванюш.

Судебно-медицинскую экспертизу проводили главный судебно-медицинский эксперт 1-го Украинского фронта, подполковник медицинской службы Фёдор Фёдорович Брыжин, судебно-медицинский эксперт 60-й армии, майор медицинской службы Михаил Гаврилович Чурсанов, эксперт-терапевт, майор медицинской службы Н.И. Перцов, бывший заключённый, доктор Штейнберг из Парижа. Из кадров, запечатлевших работу медиков, также узнаем имена освобожденных узников. Среди них: Симон Апель из Румынии, Хайман, Блюм, Пашько, Мангегель, Перуд и Павел Шапс из Чехословакии, Яков, Скурник и Валиграм из Польши, Давид Сурес из Греции, Шпау, Файвел Бенкель из Венгрии, Борди из Франции.

Таким образом, фильм «Освенцим» является источником для изучения истории освобождения лагеря, судеб освобожденных и освободителей, людей, принимавших участие в спасении и лечении узников, и может быть использован при организации поисковой работы студентов и школьников.

Материалы, снятые фронтовыми кинооператорами М. Ошурковым, Н. Быковым, К. Кутуб-Заде, А. Павловым, А. Воронцовым легли в основу обвинения нацистским преступникам на Нюрнбергском процессе. Судьбы фронтовых кинооператоров, их архивы и воспоминания также заслуживают внимания и изучения.

Если посмотреть, как увековечена память об освободителях Аушвица в названиях улиц, памятных знаках, памятниках и т. д., то здесь тоже предстоит большая работа. На сегодняшний день именем 100-ой Львовской стрелковой дивизии названы улицы в Архангельске и Воронеже. В Вологде, где проходило формирование дивизии, улицы с таким названием нет, только на одном из зданий

Львокомбината висит памятная доска с текстом, что здесь в марте-июне 1942 г. был сформирован 454 стрелковый полк 100 Львовской стрелковой дивизии.

В Череповце Вологодской области установлен памятник 286-ой Ленинградской стрелковой дивизии, а городе Энгельс Саратовской области — 148-ой Черниговской стрелковой дивизии. Про наличие других памятников на территории России нам неизвестно. Памятник 100-ой Львовской стрелковой дивизии, установленный в 1965 г. в городе Стрый Львовской области был снесен в 2014 г. и отправлен на свалку. Решить вопрос о его переносе в Вологду так и не удалось. К сожалению, даже после этого скандала с памятником затягивается принятие решения администрацией города о присвоении одной из новых улиц имени дивизии.

Положительным примером сохранения памяти о героях освобождения Аушвица может служить деятельность Фонда имени Генерала М. Танкаева. В год 75-летия в Дагестане и Москве прошли масштабные мемориальные мероприятия, посвященные Магомеду Танкаеву, бывшему командиру 460 стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии. В Махачкале установлен памятник герою, его именем названа улица. Имя генерала помнят и знают в Республике, в селе на его родине создан музей.

Центр «Холокост» не теряет надежду установить памятную доску на доме в столице Татарстана, где после войны жил командир 100-й дивизии Федор Красавин, продолживший службу в качестве начальника Казанского гарнизона. Школьники под руководством учителя, регионального представителя Центра обратились с этой инициативой в администрацию города. В данный момент отправлено повторное ходатайство властям Республики об установке мемориальной доски Ф.М. Красавину в Казани, а также в Администрацию Ярославской области, на родину генерала.

Особое место памяти освободителям Аушвица находится в Польше, в городе Освенцим. На улице Домбровского на территории коммунального кладбища на месте братской могилы в 1948 г. был установлен памятник. Согласно паспорту захоронения здесь навечно остались 231 военнослужащий, из которых известны имена 135 человек. Памятник выполнен в виде саркофага из гранитных

плит. Справа и слева от него на двух гранитных вертикально стоящих плитах можно прочесть имена 111 солдат Красной армии.

Сотрудники Центра «Холокост» были у мемориала 28 января 2020 г., на следующий день после памятных мероприятий в музее «Аушвиц-Биркенау», возложили цветы, нашли знакомые фамилии бойцов. Памятник находится в очень хорошем состоянии, видно, что за ним ухаживают. В честь 75-летия освобождения Освенцима и лагеря на братской могиле было много цветов, в том числе от Музея и Муниципалитета города, но вот венка от Российской Федерации мы не увидели.

Нам удалось восстановить судьбы 85 человек, чьи фамилии и инициалы выбиты на памятнике. Из них 40 военнослужащих погибли непосредственно в боях за город и лагерь 26–27 января 1945 г., 37 умерли от ран, пятеро от отравления алкоголем. Трое были освобождены из лагеря в Кракове и зачислены в 177-й армейский запасный стрелковый полк 60А (Баскаков Никита Александрович, 1906 г.р. из Орловской области; Самопал Никифор Филиппович, 1901 г.р., Ноормегия Мартин (Ноормогя), 1888 г.р. из Эстонии, г. Калласте). Все они в разное время умерли от ран в госпитале, который находился в Аушвице I и оказывал помощь освобожденным узникам.

Также нам удалось узнать, что имя Ниттеева (Нитеева) Семена Дмитриевича (Дмитриевича), 1924 г.р., уроженца д. Мотовровка Медвежьегорского района Карело-Финской ССР на памятнике находится по ошибке. Родственники Семена получили похоронку с извещением о том, что он умер от ран в госпитале 29.01.1945 г. Спустя время выяснилось, что боец 100-й стрелковой дивизии жив и проживает на родине в Медвежьегорском районе, о чем свидетельствует справка из военкомата.

Поисковая работа по восстановлению судеб бойцов Красной армии, похороненных в Освенциме, предстоит большая. Вся информация будет передана в Посольство РФ в Польше и наше представительство в Кракове.

Последние годы возрастает интерес к личным историям освободителей. Но, учитывая, что пообщаться с живым участником тех событий сейчас уже практически невозможно, в интернете мож-

но найти и прослушать интервью с ветеранами, которые они давали к различным юбилейным датам. Надо отметить, что иногда в воспоминаниях бывших фронтовиков встречаются неточности, память подводит, да и многие из них не успели побывать в самом лагере и рассказывают то, что услышали от других.

Внуки и правнуки освободителей тоже не всегда точны, когда выкладывают информацию на сайте «Бессмертный полк». Прежде чем писать, что мой дед или прадед освобождал Освенцим, надо проверить с помощью сайта «Память народа», где находилась его часть 27 января 1945 г. Такие ошибки мы встречаем довольно часто.

Тенденция индивидуализации памяти о войне — это ответ времени, ответ на то, что уходят последние участники и свидетели, это желание сохранить память не только о ее событиях, но и о людях, благодаря которым война была выиграна, а мир спасен от «коричневой чумы».

Идея индивидуализации памяти об освободителях Аушвица реализуется Центром «Холокост» в проекте «Освободители», начатом в 2016 году. За это время был создан сайт для размещения карточек с персональной информацией освободителей (на данный момент более 500 имен), архивных документов и документов личного происхождения, методических разработок мемориальных мероприятий, методического пособия по поиску имен освободителей и узников. Также Центр проводит обучающие семинары для педагогов и конференции, публикует статьи о проекте в педагогических журналах. Тема освободителей Аушвица является актуальной для Международного конкурса «Память о Холокосте — путь к толерантности» и конференции студентов и школьников «Холокост: память и предупреждение».

Считаем, что большой вклад в формирование памяти об освобождении Аушвица внесла передвижная выставка «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение», существующая на девяти разных языках (а также в различных электронных версиях). Выставка не только раскрывает масштабы Холокоста на оккупированной территории СССР и конкретно РСФСР, рассказывает о Праведниках народов мира, но и представляет конкретные судьбы воинов

Красной Армии, освобождавших гетто и нацистские лагеря, освещает подвиг советских военных врачей, которые спасали и выхаживали освобожденных узников Аушвица.

Большая роль и ответственность в формировании памяти об освобождении Аушвица лежит на средствах массовой информации. Именно от журналистов зависит, как в нашей стране будут помнить и знать историю освобождения, ее значение для спасения евреев Европы от полного уничтожения, вклад наших медиков в лечение освобожденных узников.

Наличие в памяти таких дат и событий позволяет нам понять наше место в истории. Современная молодежь проводит большую часть времени в интернете, социальных сетях, поэтому очень важно использовать этот ресурс для просвещения подрастающего поколения, для того, чтобы каждый житель России точно знал о роли Красной армии в освобождении Аушвица и почему этот день во всем мире отмечается как международный день памяти жертв Холокоста.

Дуглас Керви
(Трентон, США)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛАГЕРЕЙ СОЮЗНЫМИ СТРАНАМИ 1944–1945 гг. В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ США

Аннотация. В статье представлен личный опыт преподавания темы Холокоста в средней школе и колледже, а также деятельность Комиссии штата Нью-Джерси в области преподавания темы Холокоста. Отмечен недостаток информации в учебниках США об освобождении концлагерей и роли СССР в победе над нацизмом.

Ключевые слова: преподавание темы Холокоста, освобождение Дахау, фильмы, Комиссия штата Нью-Джерси.

Во-первых, я хотел бы поблагодарить Оргкомитет конференции за предоставленную мне возможность поделиться тем, чем занимается Комиссия штата Нью-Джерси в области преподавания темы Холокоста. Она была создана в 1994 г., когда по мандату штата началось преподавание темы Холокоста и геноцида на основе материалов, соответствующих возрасту учащихся (от детского сада и до учащихся 12-го класса).

Во-вторых, я также хотел бы поблагодарить д-ра Игоря Котлера за установление необходимых связей для того, чтобы я мог поделиться своим опытом учителя, преподающего историю Соединенных Штатов в средней школе и в Стоктонском колледже в южном Нью-Джерси. Недавно я был назначен исполнительным директором Комиссии штата Нью-Джерси по преподаванию темы Холокоста.

Последние семь лет я веду занятия по Холокосту и геноциду. Отмечу, что тема освобождения американцами концлагерей, на мой взгляд, не охватывает достаточного количества фактов о влиянии этих событий не только на бывших узников, но и на солдат, которые их освобождали.

В настоящее время мы пересматриваем учебные программы для всех трех групп классов, с которыми работают учителя штата Нью-Джерси: К-4 (детсад — 4 класс), 5–8 и 9–12 классы.

В данный момент я использую при преподавании в колледже три основных монографии: «Истребить народ» д-ра Джона Кокса, «Обычные люди» д-ра Кристофера Р. Браунинга, и «Ад перед их собственными глазами» д-ра Джона К. Макмануса. Для темы нашей конференции особый интерес представляет работа Алекса Кершоу «Освободитель» (о 45-й пехотной дивизии Тандерберд из Оклахомы, освободившей концлагерь Дахау).

Также я показываю (полностью или отдельными фрагментами) следующие документальные фильмы: «Воспоминания о лагерях», «Освобождение Освенцима», «Освобождение Майданека» и «Освобождение Терезиенштадта». На YouTube есть видео — интервью с солдатами армии США, которые освобождали концлагерь на Западном фронте. Они рассказывают студентам от первого лица, что именно видели, входя в лагерь. Сайт «Мемуары Второй мировой войны» в настоящее время насчитывает двадцать шесть эпизодов, продолжительностью от 12 до 15 минут каждый, которые показывают американских солдат, делящихся своим опытом, полученным во Второй мировой войне.

Я обнаружил, что в Соединенных Штатах существует серьезная нехватка информации о роли бывшего Советского Союза в войне и в освобождении концлагерей. Многие из моих студентов как на школьном, так и на университетском уровне, считают, что все концлагеря освободили американцы, англичане или, в некоторых случаях, канадцы.

Я считаю, что это делается не намеренно, а из-за недостатка знаний о вкладе Красной армии и из-за преувеличения заслуг Запада в участии в боевых действиях Второй мировой войны. Поэтому комплексное преподавание темы Холокоста и освобождения лагерей союзниками имеет первостепенное значение. Многие студенты считают, что освобожденные узники либо сразу вернулись в свои страны, либо иммигрировали в другие страны, как только война закончилась. Они не знают, что после войны многие из переживших провели длительное время в лагерях для перемещенных лиц в поисках информации об их семьях и о том, что их ждет дальше.

Это одна из причин, по которой я хотел выступить на этой конференции, чтобы узнать, какие материалы доступны, чтобы посмотре-

треть, можем ли мы добавить новые источники к существующим учебным программам. Мне очень хотелось бы получить свидетельства из первых уст от советских солдат, освобождавших концлагеря. Студенты относятся к личному опыту гораздо серьезнее, чем к тому, что им рассказывают учителя или преподаватели университетов. Роль свидетельств из первых уст в образовании учащихся не следует упускать из виду или недооценивать.

За сорок один год, когда я преподавал в средней школе, у меня было всего шесть студентов, которые говорили мне, что они не верят, что Холокост имел место, и что евреи лгали обо всем этом событии. И они задавали вопрос: почему мы должны изучать историю, которой не происходило? Последний такой студент закончил обучение в 2012 году. Я отвечал всем шестерым студентам, что мы должны проходить этот материал по мандату штата, и что в конце изучения этой темы они могли бы сказать мне, был ли материал, который они изучили, действительно правдой или они чувствовали, что я выдумал всю историю с Холокостом от начала и до конца. Четыре недели мы изучали Вторую мировую войну, смотрели фильм «Спасти рядового Райана», а на следующий день я приглашал ветеранов Второй мировой войны, чтобы они поделились своим опытом перед всей группой из 400 учеников предпоследнего года обучения. Затем я четыре недели преподавал тему Холокоста; студенты смотрели фильм «Пианист», а бывшие узники приходили на следующий день поделиться своими историями. Все шесть студентов, которые говорили мне, что они не верили в то, что Холокост происходил, сказали, что их семьи их обманывали... Могу добавить, что и ветераны Второй мировой войны, и пережившие, беспокоятся о том, чтобы эту историю преподавали сейчас больше, чем когда-либо.

После заявлений этих учеников, я дважды побывал на семинарах для педагогов в музеях на месте бывших концлагерей, организованных Комиссией штата Нью-Джерси по преподаванию темы Холокоста в 1996 году и по магистерской программе по изучению Холокоста Стоктонского университета в 2001 году. В январе этого года мне посчастливилось присутствовать на 75-й годовщине освобождения Аушвица вместе с пережившим Холокост кантором Дэ-

видом С. Висней и его семьей, с которым я впервые познакомился в 1996 году в Освенциме и помог написать ему книгу воспоминаний. Теперь он мой друг, которому исполнилось 94 года. Книга Дэвида называется «Один голос, две жизни». Автор, свободно говорящий на шести языках, провел более двух с половиной лет в Аушвице в качестве привилегированного заключенного, потому что он умел петь немецкие песни, которые любили слушать охранники, а также работал в бане.

В ходе марша смерти в январе 1945 г. он бежал и оказался в Дахау, где после освобождения присоединился к 101-й воздушно-десантной дивизии армии США, научился стрелять из автомата и стал официальным переводчиком армии Соединенных Штатов до конца войны. Вся его семья погибла в Варшавском гетто еще до того, как в возрасте шестнадцати лет его отправили в Аушвиц на поезде вместе с 1500 другими узниками. Дэвид был одним из 580 молодых людей из этого эшелона, которых отобрали для работы, а остальные 920 человек были убиты. После войны он прибыл в США со своей дивизией на войсковом корабле в 1946 году. Дэвид снова пел на памятном мероприятии в январе этого года в музее Аушвица и продолжает удивлять меня стойкостью человеческого духа.

Элизабет Швабауэр
(Бад-Арользен, Германия)

ДОКУМЕНТЫ ОБ УЗНИКАХ, ОСВОБОЖДЕННЫХ В АУШВИЦЕ, В КОЛЛЕКЦИЯХ БАД-АРОЛЬЗЕНА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС

Аннотация. рассмотрен вопрос о составе и перспективах использования в образовательных целях исторических документов, хранящихся в Архивах Арользена — самом большом в мире архиве о жертвах национал-социализма и выживших. Конкретные примеры документов об освобожденных в Аушвице узниках рассматриваются как с точки зрения их информационного потенциала, так и в возможных проблем понимания текстов. Представлены вспомогательные ресурсы, доступные в онлайн-режиме.

Ключевые слова: Архивы Арользена, онлайн-архив, исторические документы, Аушвиц, Дов Кулька, воспоминания

Архивы Арользена — это международный центр документации национал-социалистических преследований. Самый большой в мире архив о жертвах национал-социализма и переживших его преследования. Это важный источник знаний, поэтому все более важными становятся просветительные проекты, чтобы донести знания о Холокосте, концентрационных лагерях, принудительном труде и последствиях преступлений национал-социализма до современного общества.

Архивы Арользена создают обширный онлайн-архив для того, чтобы предоставить людям доступ к документам и информации. На сегодняшний день к нему обращались уже почти полмиллиона пользователей из многих стран мира.

В названии нашей организации указаны «архивы» во множественном числе — дело в том, что здесь хранятся несколько документальных коллекций, собранных в одном архиве. Это оригиналы документов концлагерей, тюрем, гетто, индивидуальные документы, различный списочный материал, документы военного времени на подневольных рабочих. Есть документы и послевоенного време-

ни — списки выживших, составленные различными организациями. Это списки и досье на перемещенных лиц (Displaced Person) — 3,5 миллиона регистрационных карточек, на перемещенных лиц, заявления на оказание помощи от всемирной организации беженцев. Кроме этого, досье на детей без сопровождения взрослых, а также документы службы розыска детей. Пассажирские списки мигрантов, 3 млн досье корреспонденции — с пережившими Холокост и преследования периода нацизма, а также с родственниками погибших. Личные показания, письма бывших заключенных концлагерей в ходе расследования, в 50-е годы и позже. На сегодняшний день из 30 млн документов-оригиналов, хранящихся в нашем архиве, онлайн доступны 26 млн. При этом возможен поиск 21 млн имен. Цель Архивов Арользена до 2025 г. предоставить доступ ко всем коллекциям.

Рассмотрим более подробно коллекции лагеря Аушвиц. В этом разделе находятся в основном копии, так как оригиналы документов Аушвица рассеяны по всем другим коллекциям. Почему? Потому что архивы Арользена изначально формировались не как архивы, а как делопроизводство Международной службы розыска. Документы, собранные тогда союзниками при освобождении концлагерей, гетто и лагерей подневольного труда, просто были сконцентрированы в одном месте и служили источником информации для поиска людей и выяснения их судеб. Сегодня по ключевому слову «Аушвиц» в онлайн архиве Архивов Арользена можно найти более 1000 документов с информацией на 31 799 узников.

Кроме этого, Архивы Арользена располагают картотекой, в которой по номеру узника можно найти документы и в других коллекциях. Мы очень тесно работаем с Государственным музеем «Аушвиц-Биркенау», и недавно они предоставили нам копии своих документов, включая фотографии узников в более высоком разрешении и более высокого качества. Как же можно использовать эти документы как образовательный ресурс?

Существуют особенности привлечения подобных исторических документов в образовательных целях. В связи с тем, что у нас несколько коллекций, надо учитывать, что эти документы были созданы в определенной исторической ситуации для конкретной

цели и отражают определенную точку зрения. Если мы работаем с документами, которые были созданы самими нацистами, то помним, что они отображают их точку зрения. Это особенно важно понимать, используя такие документы в образовательных целях. Если же это документы перемещенных лиц, зафиксированные в свое время союзниками, то здесь, с одной стороны, отражена помощь, которая оказывалась международными организациями и самими союзниками; с другой стороны, прагматизм, так как документы создавались с определенными практическими целями для будущей репатриации или же эмиграции.

Самый распространенный метод работы с историческими документами — биографический, его используют многие педагоги. В нашем архиве биографию человека можно проследить только фрагментарно. Однако, есть возможность реконструкции путей преследования узника, а также, частично, его судьбы после освобождения. Это позволяет работать с отдельными тематическими аспектами.

В качестве примера рассмотрим документы Отто Дова Кульки и наметим пути их использования для образовательных целей. Он родился в Хрозенкове, Чехословакии в 1933 году. Его отец Эрих Шён был женат на матери Отто, Эле. На основании карточек из транспортной картотеки гетто Терезина (Терезиенштадта) мы видим, что Отто с матерью 18 сентября 1942 г. был отправлен в Терезиенштадт, а годом позже, 6 сентября 1943 г. транспортом Dm-4540 в Аушвиц¹. Согласно спискам, хранящимся в Архиве Арользена, всего в этот день было отправлено 2451 человек, из которых выжили только 11 узников, в т.ч. и Отто.

Его отец, Эрих Шён, был арестован в 1939 г., после того как нацистская Германия захватила Чехословакию и в 1940 г. отправлен в концлагерь Дахау. В документе из Дахау отмечено, что 18 декабря 1940 г. Э. Шён прибыл туда, а 23 января 1941 г. отправлен в концлагерь Нойенгамме. Из других документов следует, что в 1942 г. он был отправлен в Аушвиц и 27 января 1945 г. освобожден здесь

¹ Ghetto Theresienstadt Card File [Электронный ресурс] — URL: https://collections.arolsen-archives.org/archive/4968542/?p=1&s=Deutelbaum%20Otto&doc_id=4968542 (дата обращения: 06.10.2020).

Красной армией. Мать Отто во время второй селекции в концлагере Аушвиц была отправлена в концлагерь Штуттгоф, где умерла в январе 1945 года. Формуляры для регистрации узников печатались в типографии Аушвица с 1943 г., они массово хранятся в нашем архиве.

Как складывалась судьба людей после освобождения? Большинство довольно долго не писали свои воспоминания. Мне приходилось несколько раз встречаться с пережившими Холокост, и я задавалась вопросом: почему люди не сразу после освобождения могли говорить об этом? Причины разные.

В нашем архиве хранятся несколько писем отца Отто Кульки. Последнее из них датировано 1987 годом, когда он в возрасте 76 лет обратился к нам в связи с тем, что начал писать мемуары. Сам же Отто в 1949 г. вместе с отцом выехали в Израиль, где оба решили в память об убитой матери и жене взять ее девичью фамилию. Отто стал известным исследователем истории антисемитизма и Холокоста в Германии, профессором Еврейского университета в Иерусалиме. В 2013 г. была опубликована его книга «Пейзажи метрополии смерти»². По мнению историка Яна Кершоу, «это глубоко трогательные воспоминания, которые ярко передают ужас лагеря смерти, одно из самых удивительных свидетельств бесчеловечности, которые я знаю».

Сам же Отто отмечал, что эти записи не являются ни историческими свидетельствами, ни автобиографическими воспоминаниями, а отражениями памяти и воображением, которые остались от мира впечатлительного ребенка 10–11 лет, которым он тогда был.

Каковы же потенциал и проблемные аспекты использования архивных документов из архива Арользена в образовательных целях?

Во-первых, это возможность использования инструментов и ресурсов он-лайн для обучения, основанного на самостоятельных исследованиях учащихся.

Это прямое обращение к историческим фактам. Работа с историческими документами — чтение, расшифровка, интерпретация,

² Книга написана в оригинале на иврите, перевод на английский Ральфа Мандела. Издана впервые в Англии, Penguin Books Ltd., 2013 г.

помещение в контекст — является составной частью учебного процесса. Конечно же, в них имеются противоречия, не на все вопросы можно получить ответы. И этот аспект является также частью обучения, отправной точкой для дальнейших вопросов и исследований.

Совместно с Научно-просветительным Центром «Холокост» Архивы Арользена работают над пособием, которое посвящено истории преступлений нацистов на оккупированной территории нынешней Российской Федерации. В начале следующего года планируется издание пособия на английском и русском языках, после того как будет переведено на русский язык электронное руководство. Сейчас мы готовим его онлайн-версию. Данный образовательный ресурс предназначен, в первую очередь, для учителей общеобразовательных школ, для педагогов учреждений дополнительного образования в России и других странах. Электронный гид — это инструмент, который дает пояснения к архивным документами. Сегодня он доступен на английском и немецком языках³. Надеемся, что с 2021 будет доступ и на русском языке.

В 2020 году Архивы Арользена получили престижную премию Европейского Союза в области культурного наследия за создание онлайн-архива.

В заключение я хочу обратить внимание на проект к Международному дню памяти жертв Холокоста. Он стартовал 27 января 2020 г. с участием свыше тысячи школьников федеральной земли Гессен, а затем перерос в общемировой проект — сейчас тысячи добровольцев по всему миру помогают создать нам уникальный цифровой памятник. Он доступен на платформе Zooniverse⁴ и называется Every Name Counts (каждое имя важно). Архивы Арользена размещают документы и списки с именами жертв, а добровольцы помогают нам вносить данные из документов для того, чтобы имена этих людей можно было легче искать в онлайн-архиве.

³ The e-Guide to the Arolsen Archives [Электронный ресурс] – URL: <https://eguide.arolsen-archives.org/en/> (дата обращения: 06.10.2020).

⁴ Every Name Counts [Электронный ресурс] – URL: <https://www.zooniverse.org/> (дата обращения: 06.10.2020).

Ольга Сергеевна Шалагина
(Вологда, Россия)

ПРОЕКТ «ОСВОБОДИТЕЛИ» — СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О СУДЬБАХ ГЕРОЕВ — ОСВОБОДИТЕЛЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН

Аннотация. Статья посвящена сохранению исторической памяти о судьбах героев — освободителей Великой Отечественной и Второй мировой войн через участие в проекте «Освободители». Рассматриваются вопросы методики поиска информации об освобождении филиала Аушвица в Явожно и судеб его освободителей — воинов 286-ой Ленинградской стрелковой дивизии, формирование которой происходило на территории Вологодской области.

Ключевые слова: проект «Освободители», лагерь смерти Аушвиц (Освенцим), концлагерь в Явожно, 286-я Ленинградская стрелковая дивизия, проектная и исследовательская деятельность учащихся.

В эпоху глобализации существует кризис традиционных ценностей и приоритетов у молодого поколения. Молодежь нередко пренебрежительно относится к прошлому своей страны, не ценит героическую и трагическую историю Отечества, пренебрегает традициями. Часто это приводит к утрате связей между поколениями, ослаблению патриотических и гражданских чувств, а значит, существует опасность искажения исторической Памяти о важных моментах мировой истории и истории нашей страны.

Проект «Освободители» — инициатива Научно-просветительного центра «Холокост», педагогов и учащихся. Его цель — сохранение памяти о конкретных судьбах героев и жертв Великой Отечественной и Второй мировой войн, об освободителях и освобождённых концлагеря и лагеря смерти Аушвиц (Освенцим)¹.

27 января 1945 года концлагерь и лагерь смерти Аушвиц — комплекс немецких концлагерей Аушвиц-1, Аушвиц-Моновиц и лагеря смерти Аушвиц-Биркенау, располагавшийся в 1940–1945 годах

¹ Сайт «Освободители». [Электронный ресурс] — URL: <http://osvoboditeli.com/> (дата обращения: 06.10.2020).

около города Освенцим, был освобожден войсками 59-й и 60-й Армий 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева во взаимодействии с войсками 38-й Армии 4-го Украинского фронта под командованием генерал-полковника И. Е. Петрова в ходе Висло-Одерской операции².

В освобождении концлагеря и лагеря смерти Аушвиц и его филиалов принимали активное участие бойцы 100-й и 286-й стрелковых дивизий 1-го Украинского фронта, сформированных на территории Вологодской области. 100-я стрелковая дивизия была сформирована 18 марта 1942 года в Вологде в Архангельском военном округе. Личным составом дивизия комплектовалась в основном за счёт военнообязанных Вологодской, Архангельской областей и Коми АССР. С 18 июля по 1 августа 1941 г. происходило формирование 286-й стрелковой дивизии в городе Череповец. С сентября 1941 г. дивизия воевала на Ленинградском фронте. Три с половиной года ее бойцы обороняли Ладужский путь в осажденный Ленинград, участвовали в снятии блокады города, в изгнании врага с территории Новгородской, Ленинградской областей и Карелии. Дивизия получила наименование — Ленинградская. В ходе Сандомирско-Силезской операции (12 января по 3 февраля 1945 г.) воины дивизии приняли участие в освобождении территории Польши, в том числе, города Явожно³.

В годы Второй мировой войны на территории оккупированной немцами Польши, в Верхней Силезии, в городе Явожно находился концлагерь, который был открыт 15 июня 1943 года и был одним из 49 лагерей-филиалов Аушвица. Одновременно в лагере содержалось до 4-х тысяч узников. Заключение были разных национальностей, в основном евреи из Польши, Греции, Голландии, а также поляки, немцы, советские военнопленные. Узники концлагеря использовались на принудительных работах для немецкой военной промышленности. Заключение были в основном заняты в добыче

² Сайт «Освободители» /освобождение-аушвица/. [Электронный ресурс] — URL: <http://osvoboditeli.com/> (дата обращения: 06.10.2020).

³ Министерство обороны РФ. Военские части. // 286 сд. Период боевых действий 02.09.1941- 11.05.1945. [Электронный ресурс] — URL: <https://pamyat-naroda.ru/warunit/286%20%D1%81%D0%B4> (дата обращения: 06.10.2020).

угля в шахтах Явожно, а также в строительстве ГЭС «Вильгельма» для компании Альберта Шпеера.

В «Средней общеобразовательной школе № 39 имени С.А. Ловенецкого» г. Вологды с ноября 2015 года работает поисково-исследовательская группа учащихся 9–11 оборонно-спортивных классов. Старшеклассники ищут информацию о бойцах и командирах 286-й стрелковой дивизии на сайтах «Подвиг народа», «Память народа», «Мемориал» Минобороны РФ, «Бессмертный полк». Были проанализированы наградные документы, журналы боевых действий, документы госпиталей и медсанбатов, а также описания и списки захоронений советских солдат и офицеров. Осуществлялся поиск родственников бойцов в социальных сетях.

На каждого военнослужащего составляется анкета, копируется наградной лист, подтверждающий его участие в освобождении концлагеря, прилагается фотография⁴. В настоящее время собраны данные на 500 человек.

В ходе поиска были проведены исследования по некоторым спорным вопросам, которые касаются, прежде всего, даты освобождения концлагеря в Явожно.

В интернете говорится, что Явожно — филиал Аушвица — был освобожден 286-й стрелковой дивизией 27 января 1945 года. Начальник политотдела дивизии подполковник А. Лушников в своем «Политдонесении», отосланном члену Военного Совета и начальнику Политотдела 59-й Армии, а также начальнику Политотдела 115-го стрелкового корпуса, 28 января 1945 г. писал: *«При освобождении города ЯВОЖНО на шоссе на дороге, ведущей на ДОМБРОВА, был обнаружен немецкий концентрационный лагерь, в котором фашисты содержали военнопленных русских, французов, чехословаков, евреев. Установлено, что лагерь этот организован в 1942 году и в нем периодически содержалось от 3-х до 4-х*

⁴ Освобождение Аушвица (Освенцима) — уникальный пример межнациональной толерантности. Методические рекомендации по организации поисковой работы школьников и педагогов по установлению имен воинов — освободителей. Составители: Л.А. Терушкин и С.А. Тиханкина. Под редакцией И.А. Альтмана. М.: НПЦ «Холокост», 2017. [Электронный ресурс] — URL: <http://osvoboditeli.com> (дата обращения: 06.10.2020).

тысяч заключенных. При отступлении немцы лагерь эвакуировали, в нем было оставлено около 300 человек больных, которые в период боя разбежались, а затем перешли в освобожденные села. При осмотре в подвалах зданий и на территории было обнаружено большое количество трупов. Мною создана комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний, которая в результате своей работы составила акт, который я Вам высылал раньше»⁵.

В журнале боевых действий 286-й стрелковой дивизии за 22 января 1945 года записано: «Противник оказывает упорное сопротивление, переходя в контратаки. Части дивизии к 18.00 22.01.45 с боем заняли Ценжковице, Пелчиска, ж.д.ст. и крупный населенный пункт Щаково. 994 сп ведет упорные уличные бои в Явожно»⁶. Кроме этого, в журнале боевых действий 994-го стрелкового полка 286-й стрелковой дивизии есть следующая запись: «23.01.1945. Противник мелкими разрозненными группами, засев в дотах на южном и сев. зап. окраинах Явожно, оказывает упорное сопротивление. 1 стр. б-н получив задачу овладеть Явожно к 12.30 и после короткого боя ворвался в Явожно и овладев им, закрепился и отразил три контратаки пехоты»⁷.

В результате поиска и анализа мы пришли к выводу, что город Явожно был освобожден с 22 по 24 января 1945 года. Но в документах не было упоминания, что освобождали концлагерь. Найденный наградной материал на Шахмаметова Загидулла изменил точку зрения. Шахмаметов Загидулла Джемаль, 1925 года рождения, татарин, призванный 07.01.1943 года Пурдошанским РВК Пурдошанского района Мордовской АССР. Старший сержант, раз-

⁵ Министерство обороны РФ. Архив: ЦАМО, Фонд: 1584, Опись:1, Дело:103. Л. 26–27.

⁶ Министерство обороны РФ. Документы частей. //Из журнала боевых действий 286 сд. Период 20.01.–24.01.1945 г. Архив: ЦАМО, Фонд: 1584, Опись: 1, Дело: 52. [Электронный ресурс] — URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130223077&static_hash=af546dbfcd6c6d3bd35943d1fbe1770 (дата обращения: 06.10.2020).

⁷ Министерство обороны РФ. Документы частей. // Из журнала боевых действий 994 сп 286 сд. Период 22.01.–24.01.1945 г. ЦАМО, Фонд: 7654, Опись: 62083, Дело: 4. [Электронный ресурс] — URL: https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=131026145&static_hash=af546dbfcd6c6d3bd35943d1fbe1770 (дата обращения: 06.10.2020)

ведчик взвода пешей разведки 994 сп 286 сд, был награжден медалью «За отвагу» за то, «что в наступательном бою за г. Щаково с 4 разведчиками ворвался в лагерь военнопленных и в упор расстрелял 8 немецких солдат, охранявших лагерь»⁸.

«Концлагерь в Освенциме освободил Первый Украинский фронт, там были украинские солдаты, они открывали ворота лагеря и они освобождали лагерь... Высказывание было правдивым. Документы подтверждают, что в армии, которая освобождала Освенцим, было 51% украинцев» — заявил глава МИД Польши Гжегож Схетына в 2015 году⁹.

Анализ данных на 500 военнослужащих показывает, что Состав 286-й стрелковой дивизии был многонациональным: большинство составляли русские — 382 человека (76%), далее украинцы — 60 человек (12%). Количество воинов-украинцев в составе дивизии стало увеличиваться в 1944 году, в связи с тем, что на освобожденных территориях Украины начали работать военкоматы, которые призывали молодых людей на военную службу. В составе дивизии воевали: казах Джалубаев Туребай, еврей Пасков Калман, башкир Белялов Хужахмет, армянин Нерсесян Рубен, грузин Ханелидзе Шалва, белорус Ивашин Петр, балкарец Кумухов Юзуф, мордвин Семкин Николай, чуваш Антонов Петр, осетин Пиев Павел и другие.

Рассмотрим возрастной состав 286-й стрелковой дивизии. В ней воевали военнослужащие с 1894 по 1927 года рождения (данные на 500 человек): 1926 г. — 75 человек, 1925 г. — 45 человек, 1924 г. — 42 человека, 1923 г. — 35 человек и т. д. На момент освобождения концлагеря самый старшим по возрасту был 51-летний ефрейтор, командир отделения транспортной роты 994-го стрелкового полка Гусев Андрей Матвеевич, 1894 года рождения, призванный Туймазинским РВК Башкирской АССР 17 марта 1943 года, награжденный медалью «За отвагу»¹⁰. Самый молодой военнослужащий —

⁸ Шахматов Загидул(л)а Джемалович (Джаманович) // Сайт «Освободители» [Электронный ресурс] — URL: <http://osvoboditeli.com/шахматов-загидулла/> (дата обращения: 06.10.2020).

⁹ РИА. НОВОСТИ. [Электронный ресурс] — URL: <https://ria.ru/20150129/1044879318.html> (дата обращения: 06.10.2020).

¹⁰ Министерство обороны РФ. Герои войны // Архив: ЦАМО, Фонд: 33, Опись:

это 18-летний красноармеец, пулеметчик 2-й пулеметной роты 994-го стрелкового полка Назаров Николай Иванович, 1927 года рождения, призванный 17.04.1944 года Калининским РВК Калининской области, награжденный медалью «За отвагу» за участие в наступательном бою за город Явожно¹¹.

Аверьянов Иван Лукич, уроженец Иркутской области, Тулунского района, прибавил себе 2 года от года рождения, чтобы быть призванным в Красную армию. Дата рождения: 20.09.1924 г. (в наградных документах — 1922 и 1923). Полный кавалер Ордена Славы. 24 января 1945 года в бою близ города Явожно (Польша) старший сержант Аверьянов огнем из пулемета отбил две контратаки врага, истребил свыше десяти фашистских солдат. В составе сводного полка Ленинградского фронта принимал участие в историческом Параде Победы 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади. После войны — дежурный на городском узле связи, сторож стадиона «Химик» в городе Усолье-Сибирское Иркутской области. Умер 30.08.1987 г. Земляки не забыли своего Героя: 9 мая 2013 года в городе Тулуне Иркутской области на Мемориале Славы был открыт бюст Полному кавалеру ордена Славы Аверьянову Ивану Лукичу¹².

География призыва военнослужащих 286-й стрелковой дивизии?

В результате анализа 500 биографий выявлено, что военнослужащие, воевавшие в дивизии, были призваны из 10 республик Советского Союза, большинство из РСФСР (419 человек): Ленинградская область и г. Ленинград — 72 человека, Вологодская область — 27 человек, Московская и г. Москва — 21 человек, Алтайский край — 19; Свердловская и Курская области — по 14 человек; Коми АССР и Рязанская область — 12 человек, Архангельская об-

690306, Дело: 2483. [Электронный ресурс] — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrashdzenie41759529/ (дата обращения: 06.10.2020).

¹¹ Министерство обороны РФ. Герои войны // Архив: ЦАМО, Фонд: 33, Опись: 690306, Дело: 3246. [Электронный ресурс] — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrashdzenie43472100/ (дата обращения: 06.10.2020).

¹² Аверьянов Иван Лукич // Сайт «Освободители» [Электронный ресурс] — URL: <http://osvoboditeli.com/аверьянов-иван-лукич/> (дата обращения: 06.10.2020).

ласть — 11 человек и т. д.; Украинская ССР — 48 человек, Казахская ССР — 9 человек, Узбекская ССР — 7 человек, Белорусская ССР — 4 человека и т. д.

С первых дней формирования в дивизии воевал Беляев Николай Александрович, 1923 года рождения, призванный 29 июля 1941 года Октябрьским РВК г. Ленинграда. Сержант, начальник радиостанции 847-й отдельной роты связи, был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги» и 2 медалями «За отвагу». После войны жил в г. Ленинграде, профессор и заведующий кафедрой уголовного права ЛГУ, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУ¹³.

Количество военнослужащих погибло при освобождении концлагеря в Явожно?

В ходе поиска были обнаружены персональные сведения о захороненных на кладбище города (улица Грюнвальдска): количество могил — 17, захоронено всего — 147 человек, захоронено известных — 116 человек, захоронено неизвестных — 31 человек. Были уточнены сведения по военнослужащим 286-й стрелковой дивизии: захоронено — 66 человек, из них 34 человека — это бойцы 994-го стрелкового полка¹⁴. Кроме этого, погибшие при освобождении Явожно были захоронены на улице Ягеллонська, у католического кладбища: 17 могил, 124 человека¹⁵. Вопрос:, действительно ли погибло 271 человек, остается открытым.

В наступательных боях за город 22 января 1945 г. погибли: башкир Белялов Хужахмет, 1905 г. р.; еврей Блувштейн Леон Осипович, 1902 г. р.; украинец Забуга Алексей Афанасьевич, 1918 г. р. Среди погибших наш земляк, Кудринский Александр

¹³ Сайт «Освободители» /воины-красной-армии/. [Электронный ресурс] — URL: <http://osvoboditeli.com/беляев-николай-александрович/> (дата обращения: 06.10.2020).

¹⁴ Министерство обороны РФ. Воинские захоронения. //Паспорт воинского захоронения. [Электронный ресурс] — URL: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=86428788&static_hash=7aefcf94c8ac9900c01b70af1f42d9f3 (дата обращения: 06.10.2020).

¹⁵ Министерство обороны РФ. Воинские захоронения. //Паспорт воинского захоронения. [Электронный ресурс] — URL: <https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php> (дата обращения: 06.10.2020).

Михайлович, 1926 г. р. (записан в Паспорте воинского захоронения, как Кудринский Алексей), стрелок 994-го стрелкового полка, уроженец Никольского района Вологодской области, на фронте с 09.12.1943 года. В 1944 году награжден медалью «За отвагу»¹⁶ за освобождение Ленинграда.

В списке захороненных воинов записан КАРМАШОВ ИВАН Н., как погибший в январе 1945 г. В ходе поиска выяснено, что речь идет о Карманове Иване Николаевиче, 1903 г.р., призванного 10.07.1942 г. Молчановским РВК Молчановского района Новосибирской области. Воевал на Ленинградском фронте, был награжден медалью «За оборону Ленинграда» (01.06.1943 г.) Младший сержант, стрелок 994-го стрелкового полка погиб 22 января 1945 г. при освобождении города Явожно. Дома его ждали родные: жена Кузнецова Анна Павловна, 3 дочери — Евдокия, Мария, Агриппина и сын Георгий¹⁷.

Сегодня главная задача — противодействовать фальсификации истории. Необходимо не допустить попыток пересмотра итогов Второй мировой войны. Мы не имеем права забывать Героев, защищавших не только свою Родину, но освободивших сотни тысяч людей на территории Европы. Поэтому очень важно рассказывать о решающей роли Красной Армии в Победе над фашизмом. Проект «Освободители» сохраняет историческую память о героическом подвиге советского народа, помогает восстанавливать судьбы военнослужащих, которые защищали нашу Родину, освобождали узников концлагерей и лагерей смерти. Занимаясь поиском, мы приобщаемся к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Поисковые группы собирают разных людей по возрасту, по национальности, по взглядам, но все мы объединены одной общей целью — сделать все возможное, чтобы историческая Память была всегда.

¹⁶ Министерство обороны РФ. Герои войны // Архив: ЦАМО, Фонд: 58, Описание: 18003, Дело: 258. [Электронный ресурс] — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie56602259 (дата обращения: 06.10.2020).

¹⁷ Министерство обороны РФ. Герои войны // Архив: ЦАМО, Фонд: 58, Описание: 18003, Дело: 260. [Электронный ресурс] — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie56607394 (дата обращения: 06.10.2020).

*Анетта Александровна Филиппова
(Травники, Челябинская обл., Россия)*

ПРОЕКТ «ОСВОБОДИТЕЛИ» В ПОИСКОВО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассказывается о путях поисково-исследовательской работы по проекту «Освободители» и использовании полученных результатов в образовательном процессе.

Ключевые слова: освободители, Аушвиц (Освенцим), Явожно, поиск.

Работа по проекту «Освободители» была начата нами в 2017 году. С этого момента и до настоящего времени она ведётся под моим руководством ученицей нашей школы Яной Кайтмазовой. В результате поиска нам удалось найти сведения о 10 южноуральцах — как выживших, так и погибших при освобождении Явожно, филиала Аушвица, в составе 286-й стрелковой дивизии. Мы собрали сведения о двух освободителях Аушвица в составе 100-й Львовской стрелковой дивизии: земляке-южноуральце Николае Ивановиче Парфёнове и его сослуживце из Архангельской области Андрее Николаевиче Багрецове. Кроме того, нами собран материал об освободителе Майданека чебаркульце Алексее Фёдоровиче Маклакове.

С поисково-исследовательскими работами «Он освобождал Освенцим...» (о Н. И. Парфёнове) и «Освобождение Явожно в биографии В. А. Ширшова» Яна приняла участие в региональном этапе конкурса «Уроки Холокоста — путь к толерантности» (2017, 2019 гг.) и в Международных научно-практических конференциях школьников и педагогов «Холокост: — память и предупреждение» (2018, 2020 гг.)

Сейчас заняты оформлением поисково-исследовательской работы об Андрее Николаевиче Багрецове и проверяем возможность участия в освобождении Аушвица сержанта медицинской службы

Т. С. Токмаковой, призванной на военную службу Сокольническим РВК г. Москвы и прошедшей боевой путь до конца войны в составе 100-й стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта, а также чебаркульца В. М. Прутова, указавшего, что он участвовал в освобождении Аушвица.

Каковы пути поиска освободителей? Что является источником информации?

Первичные сведения о Николае Ивановиче Парфёнове мы получили на модульном курсе при Челябинском госуниверситете «История Холокоста в контексте геноцидов XX века и воспитание толерантности школьников», о В. А. Ширшове и ещё семи южноуральцах — освободителях Явожно, самого крупного филиала Аушвица, услышали на Летней сессии для педагогов России, проводимой Научно-просветительным Центром «Холокост», от учителя из г. Вологда О. С. Шалагиной. В Книге памяти Челябинской области обнаружили информацию о чебаркульцах А. П. Букине и А. Я. Богомолове — первый погиб при освобождении Явожно, второй после войны вернулся домой. Источником информации об А. Н. Багрецове стала фронтовая фотография Н. И. Парфёнова, о чебаркульцах А. Ф. Маклакове¹ и В. М. Прутове² — статьи в районной газете, а о Т. С. Токмаковой — материал краеведческой книги Забайкальского края³. Ведём поиск и по материалам «Стены памяти Челябинской области «Помни меня» — самым большим территориальным банком фотографий и биографических фактов о героях Великой Отечественной войны, расположенном на сайте pomni.is74.ru.

Затем проверяем наличие сведений о ветеране на сайте «Освободители Аушвица» в разделе «Воины Красной Армии»⁴.

На сайте Министерства обороны РФ в разделе «Банки данных и архивы»: ЦАМО, «Память народа», «Подвиг народа», ОБД «Мемориал», проект «Дорога памяти» — мы ищем награжденные материалы, прослеживаем боевой путь освободителя, знакомясь с журна-

¹ Моя привилегия — любить Родину. — «Южноуралец», 1995, № 43.

² В августе 44-го. — «Южноуралец», 22.02.2005.

³ Запомните нас молодыми! — Чита: Экспресс-издательство, 2009. — с. 79.

⁴ Сайт «Освободители» [Электронный ресурс] — URL: <http://osvoboditeli.com/аверьянов-иван-лукич/> (дата обращения: 03.10.2020).

лами боевых действий за январь 1945 года. Большую помощь в сопоставлении фактов оказывают нам рассекреченные материалы ЦАМО Минобороны России об освобождении Красной Армией узников концлагеря Аушвиц (Освенцим).

Если в послужном списке ветерана есть указание на боевой путь в составе 100-й Львовской стрелковой дивизии, мы обращаемся к учебно-методическим материалам «Организация поисковой работы в образовательной организации», где подробно описан путь этой дивизии от Вологды до Праги, через освобождение Львова к освобождению Освенцима⁵. Здесь были найдены упоминания о Н. И. Парфёнове: «Под огнём противника первым форсировал реку 3-й батальон капитана Н.И. Парфёнова»⁶; «Ранены были заместитель командира 472-го стрелкового полка подполковник А.М. Сопьяник, командир батальона Н.И. Парфёнов»⁷.

Огромную помощь в получении информации об освободителе мы получаем от взаимодействия с военными комиссариатами г. Чебаркуля и Челябинской области. С помощью их сотрудников нам удалось получить копию военного дела не только чебаркульца Н. И. Парфёнова, но и жителя Архангельской области А. Н. Багрецова, архивные справки из архива Министерства обороны России на А. Я. Богомолова, А. П. Букина, В. А. Ширшова и ряд других освободителей, а также учётные карточки участников войны.

К сожалению, краеведческие музеи нашего района, г. Троицка, Архангельской области не пополнили наши сведения о воинах-освободителях, а вот в маленьком музее МОУ «Боровская ООШ имени С. А. Глазырина» Чебаркульского района удалось найти анкету ветерана войны, заполненную Н. И. Парфёновым 15 февраля 1985 г. В разделе «Опишите боевой путь, наиболее памятные эпизоды фронтовой жизни, военные операции» Николай Иванович написал: «Участие в боях за Польшу. Наиболее значимое сражение за г. Краков и Освенцим...»

⁵ Организация поисковой работы в образовательной организации (на примере исследования истории 100-й Львовской дивизии). — Вологда, 2016.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Там же. С. 41–42.

Откликнулась на наш запрос об А. Н. Багрецове администрация МО «Лешуконский муниципальный район» Архангельской области: с помощью его дочери подтвердила на присланной нами фотографии своего земляка, выслала портрет и статью из районной газеты.

Очень интересна работа с газетными статьями: она часто даёт те результаты, которые нигде невозможно получить, — живые воспоминания. Так, занимаясь поиском материала об освободителях в фондах Челябинской областной универсальной научной библиотеки, мы обнаружили статью «Не повторить Освенцим», написанную Н. И. Парфёновым⁸, в которой он подробно описывает форсирование реки Висла перед наступлением на Освенцим: «Технические средства для переправы отсутствовали. Пришлось использовать такие подручные средства как рыбацкие лодочки, шкафы, диваны, створки дверей, ворот», сообщает о донесениях разведки: «Разведчики доложили, что впереди никакого села нет, а на том месте высокий проволочный забор в несколько рядов колючей проволоки, за которой видно заводские корпуса», знакомит нас со сведениями поляка, вольнонаёмного рабочего концлагеря: «...рассказал, что за проволочным ограждением фабрика, а за городом концлагерь. Из города немцы ушли и сосредоточились в районе военных казарм, где есть окопы и траншеи. Сообщил и о том, что основную массу узников, способных двигаться, немцы за два дня вывели из лагеря в глубь страны. В лагере остались немощные узники, среди них — женщины, дети...», рассказывает о гибели комполка С. Безпрозванного при освобождении Освенцима и о страшной картине, представшей перед освободителями: «При входе в концлагерь перед нами предстала ужасающая картина. По обе стороны входа — огромные снежные отводы, из которых торчали человеческие головы, голые руки, ступни ног. От увиденного сжималось в груди. Навстречу нам из бараков с протянутыми руками шли узники, бежать у них не было сил, они были похожи на скелеты, в лохмотьях, посиневшие...»

⁸ Н. Парфёнов. Не повторить «Освенцим». — «Южноуралец», 1985, № 73 (7463).

На стеллажах рядовых библиотек в газетах за юбилейные для Победы годы были обнаружены статьи о разведке, в которой принимал участие В. А. Ширшов перед освобождением Явожно, об освобождении А. Ф. Маклаковым концлагеря Майданек: «Здесь, под Люблином, мы наткнулись на большой концлагерь. Это был лагерь Майданек. Когда открыли ворота, лагерь был пуст. От ужаса мы, повидавшие на дорогах войны смерть и кровь, остолбенели, потому что пленных в этом «мёртвом» лагере мы обнаружили в топках печей...»⁹. Наградной лист на орден Красной Звезды, найденный нами на сайте «Память народа», описание подвига, совершённого нашим земляком А. Ф. Маклаковым при освобождении Майданека, учётная карточка из военного комиссариата подтвердили факт его участия в освобождении концлагеря.

Обращения в Совет ветеранов г. Чебаркуля и Челябинской области позволили установить даты рождения и смерти, адреса проживания после войны А. Ф. Маклакова, В. М. Прутова. А с помощью Совета ветеранов г. Троицка мы узнали, что у В. А. Ширшова в этом городе живёт дочь.

Не все службы стремятся оказать помощь в поиске ветерана, ссылаясь на конфиденциальность, но Управление социальной защиты населения г. Чебаркуля на вполне законном основании оказало помощь в установлении контакта с сыном Н. И. Парфёнова, проживающем в нашем районном центре, и с дочерью В. М. Прутова из Магнитогорска.

Не только общественники, но и родственники ветеранов Великой Отечественной войны размещают информацию о них, поэтому сайт «Бессмертный полк» помогает найти родственников освободителей. Таким образом нам удалось не только пополнить сведения о В. А. Ширшове и А. Н. Багрецове, но и узнать, что у этих освободителей есть правнуки, так как от их лица были размещены сведения.

Найти родственников разыскиваемых освободителей помогают социальные сети. Мы заметили, что детей можно найти на

⁹ А. Маклаков. Моя привилегия — любить Родину. «Южноуралец», 1995, № 43 (597/ 10416).

«Одноклассниках», а вот правнуков — в «ВК». С помощью сайта «Одноклассники» мы разыскали внуков Н. И. Парфёнова — Ирину и Константина, дочь В. А. Ширшова Галину из Троицка, дочь А. Н. Багрецова Галину, которая живёт в Татарстане. На сайте «ВК» нашли правнуков А. Н. Багрецова. Их поиск пополнил нашу копилку сведений об освободителях: родственники отправляли нам копии военных фотографий, имеющихся у них документов. Но никто из них не знал о том, что их отец, дед, прадед участвовал в освобождении Аушвица...

Материал об освободителях активно используется в образовательном процессе, и в первую очередь — на уроках для демонстрации проблемы мужества, героизма, подвига, нравственного выбора. Звучат имена освободителей в течение Недели памяти, посвящённой Международному Дню памяти жертв Холокоста в нашей школе, где я являюсь организатором её проведения несколько лет.

Моя ученица Яна Катмазова выступала с сообщением об освободителях Аушвица в Челябинском еврейском благотворительном центре «Хэсэд Нэхам», на мемориальных вечерах в Центре народного единства г. Челябинска и Министерстве социальных отношений Челябинской области, на муниципальном, областном и Всероссийском этапах конкурса «Отечество», на региональных этапах Международного конкурса «Уроки Холокоста — путь к толерантности» и Международной научно-практической конференции школьников и педагогов «Холокост-память и предупреждение», на XIII Всероссийской научной конференции, посвящённой 75-летию Победы «Наш край: прошлое, настоящее, будущее» (октябрь, 2019 г.).

Материал о южноуральцах — освободителях Аушвица был опубликован на страницах периодической печати района и области¹⁰, в сборнике «Мы не можем молчать»¹¹, на сайтах «Бессмертный

¹⁰ В «Бессмертном полку» Чебаркуля прибыло... — «Южноуралец», 2018, 8 февраля; Помнить, чтобы не повторить. — «Южноуралец», 2019, № 26; С. Таран. 22 июня ровно в 4 часа.... — «Вечерний Челябинск», 21 июня, 2019.

¹¹ Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Выпуск 15: Сборник/Сост.: М. В. Гилева, Т. Б. Пасман; под ред. И. А. Альтмана. — М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2018. — с. 64

полк», «История России. 20 век», подготовлен для печати в сборниках научных и учебно-методических трудов «Проблемы культурного образования» и «Наш край: прошлое, настоящее, будущее», а также представлен мной на Всероссийском конкурсе краеведов, работающих с молодёжью, на областном семинаре для учителей истории, МХК, русского языка и литературы «Духовно-нравственное и художественно-эстетическое воспитание школьников в современной поликультурной среде», для выставки «Южноуральцы-освободители Аушвица» и сайта «Освободители Аушвица». Но в первую очередь материал об освободителе от нас получили его родственники.

Зачем я, учитель литературы, делаю это? Об этом хочется сказать строками из произведения К. Г. Паустовского «Третье свидание»:

«Может быть, не стоит сохранять Освенцим? Может быть, лучше забыть о нем? Теперь черный и пропитанный кровью фашистский застенок уничтожен. Но все же то тут, то там он напоминает о себе. Все время выползают из каких-то мусорных нор фашистские фюреры разных оттенков, но одинаково лживые и наглые. И до тех пор, пока они не будут уничтожены или обезврежены, у человечества не будет ни покоя, ни мирной жизни.

Так вот — стоит ли сохранять Освенцим? Должно быть, да. Хотя бы ради тех мыслей, какие он вызывает».

Лариса Николаевна Прокудина
(Энгельс, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ШКОЛЬНИКАМИ ИСТОРИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ ЧЕРЕЗ ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ: ОСВОБОДИТЕЛЯ И ОСВОБОЖДЕННОГО

Аннотация. Искусство помогает подходить к явлениям общественной жизни с эстетических позиций, определяемых в конечном итоге социальными взглядами и убеждениями. Одна из наиболее удачных форм восприятия информации и погружения в события истории, это творческий подход. Он помогает ученикам прочувствовать трагические события, в ходе знакомства с работами разных художников, которые сами прошли войну, пережили трагедию. Рассмотрено творчество освободителей (Хариса Якупова и Зиновия Толкачева) и освобожденных (Михаила Савицкого и Давида Олера).

Ключевые слова: освободители, освобожденные, искусство, впечатления, воспоминания, концлагерь, Холокост, школьный возраст.

Обучение изобразительному искусству играет важную роль в эстетическом и культурном воспитании молодежи: формирует и развивает способности воспринимать и оценивать явления действительности, в том числе произведения искусства и поступки людей как прекрасные или безобразные, возвышенные или низменные, трагические или комические. Искусство помогает подходить к явлениям общественной жизни с эстетических позиций, определяемых в конечном итоге социальными взглядами и убеждениями.

Мы учителя рассуждаем, как передать знания о масштабах и объеме Холокоста, и вместе с тем думаем о том, как не потерять в потоке информации гуманитарные ценности. Как преподнести эти знания, не причиняя травму самим учащимся? Одна из наиболее удачных форм восприятия информации и погружения в события истории, это творческий подход. Он помогает ученикам прочувствовать трагические события, в ходе знакомства с работами разных художников, которые сами прошли войну, пережили трагедию.

Историю освобождения концентрационных лагерей предлагаю обучающимся рассмотреть с помощью художественных полотен и эскизов: освободителей (Хариса Якупова и Зиновия Толкачева) и освобожденных (Михаила Савицкого и Давида Олера).

Творчество Хариса Якупова, его фронтовые зарисовки помогают рассказать обучающимся с помощью визуального ряда о нелегком боевом пути 148-й стрелковой Черниговской дивизии. Для нас, не видевших войны, альбом-каталог фронтовых рисунков Хариса Абдрахмановича является редким документальным свидетельством, повествующем о военной эпохе. Рисунки и эскизы передают не только детали военного быта, но и характер героев. Самое страшное, что видел молодой солдат за всю войну — концлагерь Аушвиц. В своей книге «Мы все стремились к победе...»¹ из фронтового альбома «По дорогам победы...» Харис Абдрахманович пишет, что его поразили размеры концлагеря, огромная территория являлась страшным местом не только живых, но и уже давно умерших пленных...

Из воспоминаний Хариса Якупова...

«Недалеко от Катовице расположен концлагерь Аушвиц (Освенцим). Леденящее душу зрелище открылось передо мной. Огромная территория, огороженная рядами колючей проволоки. Страшное вместилище живых и мёртвых узников. Мрачные, чёрные бараки. Газовые камеры смерти, крематории. Здесь всё было пропитано запахом крови, палёного мяса. Вот пирамида — в ней только детская обувь: ботиночки, туфельки. А вот — женские косы, длинные и короткие, чёрные и золотистые. Лежали трупы людей разных возрастов. Это был кошмар. Рядом бродили уцелевшие узники — живые скелеты в полосатых халатах. За долгие годы войны мне, бывалому солдату, пришлось встретить много страшного, но то, что я увидел в Освенциме, ни с чем не сравнимо».

В своем наброске после посещения Аушвица Харис Якупов не изобразил людей, ему было больно и мучительно вспоминать увиденные им трагические картины.

¹ Мы все стремились к победе... Из фронтовых альбомов Хариса Якупова. Альбом-каталог. — Казань: Заман, 2015. — 176 с., ил.

Другой художник, который прибыл в лагерь буквально через несколько часов, после того, как туда вошла Красная армия, был Зиновий Толкачев (1903–1977). Его альбомы «Местечко», «Майданек», «Освенцим», «Цветы Освенцима» и записи — рассказы немногих уцелевших узников сделанные на полях его набросков, дают возможность увидеть обучающимся впечатления и эмоции художника, который он передает через движение линий, штриха и распределения света и тени. И рядом с этими свидетельствами много раз повторяется фраза Толкачева: «Помнить, не забывать»².

Понимание того, что всего несколько дней назад на этой бумаге печатались приказы об уничтожении, придает наброскам художника особый оттенок...

Рассказывая обучающимся о событиях через призму искусства, необходимо рассматривать все грани, поэтому предлагаю познакомиться ученикам с творчеством художников, которые были освобождены из концлагерей.

Художник — Михаил Андреевич Савицкий прошел весь ад немецких концлагерей, финальным этапом которого стал Дахау. Именно там узник 32815 был освобожден. Этим мрачным воспоминаниям он посвятил знаменитую серию картин «Цифры на сердце» (1974–1987). Для Савицкого очень важно было, чтобы пострадавшие им образно-пластические миры нашли путь к сердцу зрителя, заставили его по-настоящему сопереживать. Чтобы написать картину, иногда нужно, по его словам, «сжечь душу»³. И он, не жалея себя, её сжигал. Особенно тогда, когда работал над циклом больших полотен «Цифры на сердце», повествующем о том, что автор пережил в гитлеровском плену. В его образно-пластической структуре соединены реальные эпизоды лагерного ада, высокая символика и многозначная аллегория. Шестнадцать полотен этой цельной трагедийной «пьесы» с соответствующими действиями и актами отняли у Савицкого много сил и здоровья. Одновременно

² Освенцим [Текст] : альбом репродукций / З. Ш. Толкачев; Вступ. статья А. Борщаговского. — М. : Изобразительное искусство, [1969]. — 23 с., 78 л. ил. : ил. : ил. — Б. ц.

³ Альбом по живописи «Михаил Савицкий», Э. Пугачева Минск «Беларусь» 1982

работа принесла ему большое внутреннее удовлетворение и чувство исполненного долга перед памятью тех, кто волей злого рока попал в жернова величайших катастроф XX столетия. Его картина «Эти выжили» (1987 г.) выполнена как необычный групповой портрет только что освобождённых узников — мужчин, детей. Образ советского солдата, написанный в солнечно-золотистых тонах, стал олицетворением победы в страшной войне, стоившей человечеству 60 миллионов жизней, победы добра и света.

Давид Олер — французский художник польско-еврейского происхождения, узник концентрационного лагеря Освенцим (Аушвиц) в годы Второй мировой войны. Сначала Олера поместили в лагерь Дранси, но 2 марта 1943 года он был депортирован в Аушвиц. В концлагере под номером 106 144 художник провел почти два года.

Среди тысяч заключенных, прибывших с Олером в лагерь, он в составе ста человек был отобран в специальную «зондеркоманду», которая работала при крематории и газовых камерах Освенцима. Другими словами, эта группа заключенных была ответственна за извлечение трупов из газовых камер, загрузку их печи и очистку крематориев от останков. Судьба Давида удивительна, как вспоминал он сам, иногда отличалась от жизни его товарищей по несчастью, вынужденных ежедневно идти в крематории, грузить и сжигать трупы и т. д. Опять же, это «иногда» случалось только благодаря тому, что руководство лагеря знало о художественном образовании Олера. Историки пишут, что Давид «известен, как единственный профессиональный художник из Освенцима». Насколько это правда, никто не знает. Его талант художника и дизайнера эсесовцы использовали для оформления писем и открыток своим семьям, на которых он рисовал виньетки, цветы и рамки. Общение с нацистами и хорошая фотографическая память позволили Олеру уже после войны нарисовать портреты некоторых начальников подразделений лагеря, о которых он помнил только имена и иногда звания.

Жизнь Давида Олера делится на две части — «до» войны и «после». Он был одним из немногих заключенных Освенцима и Матухаузена, кому было суждено входить в помещения крематориев и газовых камер, но выйти оттуда живым.

Оставшись в живых и вернувшись в Париж, художник решил, что должен поведать миру о страшной судьбе тех, кто погиб, рассказать своими рисунками и картинами о пережитом. Это была не только дань памяти всем жертвам концлагерей, но и желание поведать о зверствах тем, кто о них не знал. Историки даже писали, что обычные граждане Франции, кого не коснулась трагедия и тема концлагерей, ничего не знали о массовом истреблении людей в Освенциме и других лагерях, тем более, не могли себе представить, что ощущает человек, ежедневно входя в помещение крематория.

Работая с полотнами художников, мы проводим сравнительный анализ, обсуждаем эмоции, которые возникают при просмотре картин, стиль и композицию. Пример: «Мадонна Биркенау» (1978) Михаила Савицкого и «Крик, или Уничтожение невинных женщин и детей» Давида Олера, образы созданные художниками проникновенны и заставляют детей воспринимать информацию о Холокосте через семейные ценности, где «красной нитью» при обсуждении проходит духовно — нравственное и патриотическое воспитание обучающихся.

В отличие от других полотен Михаила Савицкого, имеющих документальную основу, это построено на ассоциативно-образной символике. Над чернеющим силуэтом крематория женского лагеря Биркенау легко парит, возносится в небо мадонна — символ всех погибших матерей. Она такая же торжествующе прекрасная, какой изображалась в живописи Возрождения. Идеал любви, красоты и материнства для мракобесия недостижим. Он неуязвим и бессмертен. И словно возрождая жизнь, пепел сожжённых пророс скромными полевыми цветами. На картине Давида Олера нас захватывает крик души матери, которая держит на руках младенца, она в отчаянии, но ее судьба предрешена.

Представленные картины художников, смотреть тяжело, некоторые из них шокируют и даже вызывают неприятие и отторжение. Но такие картины смотреть нужно, чтобы не повторилось войны, чтобы не появлялись на стенах домов и на могилах воинов свастики. Чтобы молодые дизайнеры — креативщики не придумывали к празднику стикеры на машины с фразой «Может, повторить?»

Концлагеря — это жуткая и страшная страница в истории Великой Отечественной войны.

Работы художников заставляют учеников мыслить, переживать, творчески открываться и овладевать знаниями и техникой исполнения. Обучающиеся создают свои творческие проекты («Истории трех кукол», «Память сердца», «Памятники Холокоста», «По страницам истории...», «Холокост в наших сердцах», «Мосты памяти» и т. д.).

В рамках муниципальной площадки по работе с одаренными детьми, были проведены конкурсы «Художественная страница 148-ой с.д.», волонтерские акции «Мы помним», музейные и библиотечные мероприятия разного уровня, созданы дистанционные и элективные курсы «История Холокоста через призму искусства», «Боевой путь 148-ой стрелковой Черниговской Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова дивизии» (в соавторстве с И.М. Власовой).

Школьный возраст — важнейший период в развитии человека. Школьник активно включается во взрослую жизнь, формирует свою идентичность, осваивает различные социальные роли. Его глобальная жизненная ориентация зависит от того, как он будет относиться к миру в целом, к себе и другим в этом мире. Позиция терпимости и доверия — это основа для осуществления выбора будущих поколений в пользу мира, а не войны, мирного сосуществования человечества, а не конфликтов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Альтман Илья Александрович — кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), сопредседатель Центра «Холокост», директор Международного научно-образовательного Центра (МНОЦ) истории Холокоста и геноцидов РГГУ (Москва, Россия).

Антипин Николай Александрович — кандидат исторических наук, заместитель директора Объединенного государственного архива Челябинской области.

Аристов Станислав Васильевич — доктор исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии НИУ «Московский энергетический институт» (Москва, Россия).

Белова Анна Валерьевна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», ведущий научный сотрудник Центра гендерных исследований ФГБУН «Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН» (Тверь, Россия).

Броннер Стивен Эрик — PhD, заслуженный профессор политологии Коллегии попечителей университета Ратгерса, содиректор Международного совета по дипломатии и диалогу (Нью-Брунсвик, США).

Будко Анатолий Андреевич — доктор медицинских наук, профессор, директор Федерального государственного бюджетного учреждения культуры и искусства «Военно-медицинский музей» Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия).

Букара Филипп — научный сотрудник Мемориала «Шоа» (Париж, Франция)

Волькович Анна Юрьевна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник ФГБУК Федерального государственного бюджетного учреждения культуры и искусства «Военно-медицинский музей» Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия).

Гилева Мария Витальевна — координатор международных и научных программ Центра «Холокост», аналитик МНОЦ истории Холокоста и геноцидов РГГУ (Москва, Россия).

Зинберг Яков — PhD, профессор Университета Кокусикан (Токио, Япония).

Зуева Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия).

Иванов Вячеслав Александрович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. Концлагерь “Красный”» ГБУ Республики Крым «Центральный музей Тавриды» (Симферополь, Россия).

Керви Дуглас — исполнительный директор Комиссии Нью-Джерси по просвещению в области Холокоста (Трентон, США).

Котлер Игорь — кандидат исторических наук, президент и исполнительный директор Музея прав человека, свободы и толерантности, руководитель проекта «Америка — Россия — бывший Советский Союз» Центра по изучению геноцида и прав человека Университета Ратгерс (Нью-Брунсвик, США).

Кудрин Егор Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Кузнецов Вячеслав Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой общественных и художественно-эстетических дисциплин ГБУ ДПО «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования» региональный представитель НПЦ «Холокост» (Челябинск, Россия).

Новиков Игорь Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южноуральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия).

Петровская Олеся Михайловна — директор МАОУ «Речицкая СОШ» (Почеп, Брянская обл., Россия).

Полян Павел Маркович — доктор географических наук, директор Мандельштамовского центра НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Прокудина Лариса Николаевна — учитель изобразительного искусства МОУ «СОШ № 30 г. Энгельса» (Саратовская обл., Россия).

Терушкин Леонид Абрамович — заведующий Архивом Центра «Холокост» (Москва, Россия).

Тиханкина Светлана Анатольевна — кандидат философских наук, руководитель образовательных программ Центра «Холокост», аналитик МНОЦ истории Холокоста и геноцидов РГГУ (Москва, Россия).

Фельдт Алексей Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия).

Филиппова Анетта Александровна — учитель русского языка и литературы МОУ «Травниковская СОШ» (Челябинская обл., Россия).

Хикс Джереми — PhD, профессор Русской культуры и киноведения кафедры языков и культуры Колледжа Королевы Мэри Лондонского университета (Великобритания).

Шалагина Ольга Сергеевна — учитель истории и обществознания МОУ «СОШ № 39» (Вологда, Россия).

Швабауэр Элизабет — научный сотрудник отдела исторических исследований и образования Архивов Арользена Германии (Бад-Арользен, Германия).

**ОСВОБОЖДЕНИЕ СОЮЗНИКАМИ
НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ (1944–1945 гг.)**

**Материалы 10-й Международной конференции
«Уроки Холокоста и современная Россия»**

Составители:

И. А. Альтман, М. В. Гилева, С. А. Тиханкина

Под ред. И. А. Альтмана

Сдано в набор 16.11.2020. Подписано в печать 20.11.2020.

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13. Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «МИК»

Москва, ул. Новая, д. 3, кв. 36.

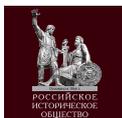
ISBN 978-5-87902-403-6

9 785879 024036 >

КНИГА ИЗДАНА
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ:

РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Фонда «История Отечества»

РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

РАТГЕРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(Нью-Джерси, США)

ЛОНДОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КОРОЛЕВЫ
МАРИИ (Лондон, Великобритания)

РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСКОГО КОНГРЕССА

Фонда ГЕНЕЗИС

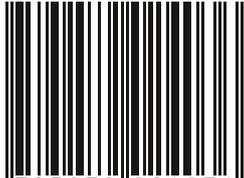
МУЗЕЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, СВОБОДЫ
И ТОЛЕРАНТНОСТИ (США)

МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА
ДИПЛОМАТИИ И ДИАЛОГА

ISBN 978-5-87902-403-6

9 785879 024036 >